

КОНАН И ЖДЕЦ ТАРИМА

Annotation

Продолжение романа «Торговцы грезами». Прибыв в столицу Немедии Бельверус, Конан вместе со своими друзьями Мораддином и Рингой раскрывают заговор и помогают вернуть престол королю Немедии Нимеду.

- [Олаф Бьорн Локнит](#)
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
    - [ЭПИЛОГ](#)
-

Олаф Бьорн Локнит

Престол Немедии

Мистеру Анджею Сапковскому, с уважением.

O. Локнит

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— И какому ослу только в голову пришло, что быть проводником — хорошее ремесло?

Задав этот вопрос, Исмаил почесал нещадно зудящий под чалмой бритый затылок и пригубил чашу с вином. Он-то знал точный ответ — этим ослом был он сам. Двадцать лет назад Исмаил продал свою захудалую посудную лавку в Ташкенте и начал водить нанимающих его «челноков» за кордон. Видно, шайтан нашептал Исмаилу тогда эту мысль! С тех пор спокойная жизнь пошла прахом, а седых волос в бороде прибавилось изрядно.

За эти двадцать лет Исмаил твердо убедился — помогает «челноку» один Господь, да и то при наличии у него свободного времени — остальные же призваны всячески мешать и вредить мирному барыге, призванному крепить торговые связи между странами. Торговцы китайским барахлом так и норовят всучить гнилую кожу и кособоко скроенный трикотаж; «челноки»-наниматели сначала обхаживают, как родного отца, вручая проводнику свой товар, а потом отказываются платить вторую половину суммы, придавшись к какому-нибудь пятнышку на тюках с грузом; пограничники сплошь козлы и паразиты, причем так обстоит дело на всех границах — от Турции до Китая. На пути поезда поджидают воры, в городах — рэкетиры, а охрана, эти вечно полуපъяные идиоты, смелы лишь при торге за вознаграждение, в иных же случаях думают прежде всего о спасении собственной шкуры...

Исмаил глубоко вздохнул и снова почесал затылок, отчего чалма съехала ему на ухо. Вот и сейчас его компания застряла в турецком городишке Шусф, что у самой границы — а, спрашивается, почему? Потому что вчера нанятые им еще в Ташкенте охранники напились и передрались с местными молодчиками из-за какой-то бабы. Теперь трое из них лежат с переломанными костями в караван-сарае, один сбежал, справедливо опасаясь расправы за убийство, еще двое — в местной тюрьме, а начальник охраны божится, что он тут ни при чем, а ребята просто погорячились. Вдобавок, появились слухи о банде, что хозяйничает в Карпатских горах... Еще с утра Исмаил пытался нанять кого-нибудь из местных шусфийцев, но те, понимая отчаянное положение барыги, запросили такие бабки, что Исмаил только крякнул и отошел, про себя кроя местных черными словами и поминая всуе Аллаха и Магомета, пророка его.

Теперь Исмаил сидел в единственной на весь город гостинице, выстроенной рядом с караван-сарам, и с тоской оглядывал посетителей, надеясь, что у Всевышнего сегодня немного дел, и он, вспомнив о бедном торговце, ожидающем его помощи в захудалом Шусфе, пошлет ему людей для пополнения поредевшей охраны.

А выбор у Исмаила был небогат. Кроме него, в зале шусфийской гостиницы «Усталый путник» (а, надо заметить, остановиться в подобном заведении мог только очень усталый и потерявший всякую надежду добраться до места назначения путник) находились трое греков, направляющихся по своим делам в Анкару, бродячий дервиш с донельзя худым и унылым учеником, подвыпивший узбек с домрой и приехавшие недавно двое мужчин с девицей. Вот на них-то, точнее, на одного из них, и был обращен изучающий взгляд Исмаила.

Человек, привлекший внимание Исмаила, был молод, высок ростом и казался сильным, как бык. Его лицо ясно указывало на принадлежность к славянскому народу и должно было, по мнению Исмаила, отпугнуть любого гопника, также как и внушительный «ствол», который ненавязчиво торчал из-под полы приезжего. Глядя, как русский одним духом осушил граненый стакан сорокаградусной, Исмаил еще больше укрепился в мысли, что должен

попытаться украсить этим человеком свой караван.

Спутники живописного славянина не заинтересовали Исмаила. Средних лет мужчина с залысинами и жиценькой бородкой, крепенький и малорослый, походил на обычного чиновника, а кобура на его боку выглядела чистой воды недоразумением. Женщина казалась довольно молодой и миловидной, но ни один уважающий себя мужчина не променял бы даже ласкового взгляда полногрудой черноокой турчанки на эту худенькую бледненькую мышку.

Приняв решение, Исмаил поднялся со своего места и подошел к столику, за которым сидел могучий русский со своими друзьями.

– Доброго здравия благородным путникам! – вкрадчиво начал он, обращаясь преимущественно к славянину. – Позволено ли будет скромному торговцу из Ташкента угостить вашу компанию тем, что послал нам Аллах в этом недостойном заведении?

– Заведение действительно полное говно, – отозвался славянин, тряхнув при этом гривой спутанных черных волос. – Но даже здесь Бог не оставил нас и послал отличной водовки… – и гигант выразительно постучал по пустому граненому стакану.

Исмаил тихо крякнул. Он-то надеялся, что непрятательные вкусы славянина не идут дальше кисловатого местного пойла. Пришлось подзывать хозяина и, скрипя зубами, заказать для всех фирменной «Московской», завезенной в эту шусфийскую гостиницу исключительно ради разорения почтенного Исмаила.

В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что славянин прозывается странным именем Сварог, родом он из Новосибирска (кажется, это между Уралом и Китаем, решил Исмаил) и сейчас сопровождает в Германию свою спутницу. Скромно молчавший друг сибиряка по имени Шамсудин оказался не больше не меньше как бывшим военным атташе при казахском консульстве в Анкаре (“И кого только не берут в дипломатический корпус …” – подумал про себя Исмаил). Худенькая девушка представилась как Ирина из Орехово-Зуево и при этом ожгла караванщика неожиданно твердым и проницательным взглядом желтовато-карих глаз, какой больше приличествует закаленному в опасностях мужчине, нежели хрупкой и изящной женщине явно благородного происхождения.

Побеседовав с новыми знакомыми о погоде и дорожных происшествиях, Исмаил, наконец, перешел к делу.

– Так, значит, вы, ребята, следуете в славную Германию, да укрепляется курс немецкой марки отныне и навеки?

– В нее самую, – любезно подтвердил славянин, явно подбравшийся от бесплатной выпивки и проникнувшийся к торговцу симпатией. И добавил:

– Гори она совсем.

– Мы идем во Франкфурт через Стамбул, – Исмаил важно пригладил бороду и, глядя на черноволосого гиганта, елейно произнес: – Вы, как я вижу, ребятки непростые. Как раз таких мне бы и надо… Присоединяйтесь к нам, скучать не будете, это я обещаю.

В голубых глазах сибиряка зажглось понимание.

– Охрана нужна? – деловито спросил славянин.

– Ну, типа… – начал было Исмаил, но славянин перебил его вторым, самым важным вопросом:

– Сколько?

– Подожди, Сварог, – решительно сказала девушка, и Исмаил в который раз подивился распущенности нравов в России, где женщины позволяют вмешиваться в серьезную мужскую

беседу. – Мы не собирались наниматься ни в какую охрану! Нам нужно спешить в Берлин, а из Франкфурта пока еще на машине....

Заметив, что слова спутницы заставили славянина заколебаться, Исмаил быстро проговорил:

– Я готов заплатить две штуки баков: штуку сейчас, и штуку по прибытии во Франкфурт.

– По две мне и моему другу, – уточнил сибиряк, а молчаливый Шамсудин лишь удивленно поднял узкие брови. – И кормежка за твой счет.

Исмаил кивнул, решив про себя, что в случае чего славянину придется отдуваться и за себя, и за своего малорослого товарища.

– Оставь эту затею, Сварог, – с едва заметной досадой произнесла девушка. – Из-за каких-то пары штук гринов...

– Да что ты в этом понимаешь, женщина?! – возмутился славянин, наклоняясь к ней. – Если у тебя квартира на Кутузовском, муж консул и куча денег, то это не значит, что ты можешь помешать двум классным парням честно срубить немного капусты... раз уж подвернулась такая оказия.

– В Берлине ты получишь гораздо больше. Но мы не должны медлить, ведь в консульском отделе ждать не любят, – девушка в раздражении забарабанила пальцами по пустой бутылке. Звук получился странный – точно ударяют не ногтями, а медной монетой. Исмаил невольно опустил взгляд на руки девушки – но она уже перестала трезвонить и сжала ладони в кулаки.

– Получу ли я что-нибудь в вашем Берлине – одному Богу известно, – славянин явно начинал злиться. – Пока ты лезешь из шкуры вон, наводя, – он длинно и заковыристо выругался, – мать его в душу – конституционный порядок – обещания так и сыплются, а как все закончилось – подарят какой-нибудь похабный орденок и благодарность в придачу. Вся награда! Ну, еще, может, президент облобывает. А тут деньги верные, и делать ничего не нужно.

– У тебя на уме одни деньги, Сварог, – холодно сказала девушка и отбросила назад две толстые темно-каштановые косы, отчего вплетенные в них украшения жалобно звякнули.

– Да, потому что бесплатно в нашем мире тебя даже в могилу после смерти не зароют! – рявкнул сибиряк, и Исмаил невольно вздрогнул, решив, что гордой кареглазой девице сейчас не поздоровится. Но та, похоже, ничуть не испугалась вспышки ярости своего могучего спутника и лишь слегка усмехнулась.

– Послушай, Сварог, мы должны проводить Ирину... – тихо и рассудительно заговорил было Шамсудин, снизу вверх глядя на своего друга – но ему не дали закончить. Громкий выкрик славянина разбудил дремавшего за соседним столиком узбека, который, решив, что, попив, можно и попеть, нетвердой походкой направился к сидевшей рядом компании.

– Салам алайкум! – азиат обвел путников мутным взглядом и остановил его на Шамсудине. – Ва иллаха илла Аллах, Мухаммад расуль Аллах... петь будем, да... – узбек икнул и спросил прямо: – Что спеть-то?

– Знаешь, любезный, мы вовсе не нуждаемся в увеселении... – вежливо произнес Шамсудин, но азиат, свежо и пряно пахнущий ногами, шаурмой и водкой, лишь утвердился в своем заблуждении, что именно его песен господам и не хватает, рванул струны домры и заголосил на всю гостиницу:

– В белосте-е-енном Хоарезме, что ласка-а-аем синим морем, рос цветок мужской улады с нежным именем Зуле-е-ейна...

Орал он, как некормленный ишак, а домру не настраивали, наверно, лет десять.

— Титька тараканья, этого еще не хватало! — девушка с каштановыми косами в сердцах ударила ладонью по столу, и Исмаилу почудилось, будто ее ногти на миг стали раза в два длиннее обычных человеческих, словно вдруг из ножен высунулись пять острых кинжалов. Барыга на всякий случай осенил себя охранным знаком — но москвичка вновь сжала руку в кулак, и теперь ее ногти выглядели не более устрашающие, чем у любой столичной модницы.

— Любезный, мы же тебе сказали, что... — терпеливый Шамсудин сделал вторую попытку.

— ...Но эмир сластолюби-ивый, разлучив Зулейну с ми-ильм... — безжалостно продолжал узбек, терзая в поэтическом экстазе неповинную домру, — в свой гарем ее запря-атал, чтобы честь ее девичью...

— Вот про это, пожалуйста, поподробнее, — заинтересовался славянин, приготовившись слушать.

— Я его сейчас убью! — зашипела жена консула, и было непонятно, о ком она — о дурнопахнущем менестреле или своем черноволосом спутнике.

Шамсудин поднялся из-за стола и взглянул в упор на разошедшегося певца.

— Любезный, ты нас утомил, — очень тихо произнес он, и азиат мигом умолк. Потому что даже хмельной угар и упоение собственным искусством не помешали ему увидеть в глазах низенького вежливого путника, что чужая смерть для него — зрелище заурядное и даже приевшееся. Следовательно, одним неудачливым певцом больше, одним меньше — для этого спокойного господина значения не имело. Исмаил, которого невольно пробрал озnob от этого взгляда, решил, что поторопился с выводами о ненадежности казахского дипломатического корпуса, в котором есть такой замечательный вежливый военный атташе.

— Ну вот, на самом интересном месте, — проворчал славянин, когда проторезвевший сын степей убрался восвояси. — Мрачные же у меня попутчики — даже песен не любят...

— Ну, вообще-то что решаем? — напомнил о себе Исмаил, доставая бумажник.

— Благодарим за предложение, уважаемый, — вместо гиганта ответил его малорослый друг, — но шел бы ты лесом. В направлении болота. Понял, да?

Исмаил и Сварог одновременно открыли было рты — но Шамсудин посмотрел в глаза сначала одному, потом другому, и оба рта послушно закрылись. Худенькая девушка торжествующе улыбнулась, обнажив при этом остренькие белые зубки.

Исмаил понял, что наступил подходящий момент откланяться. В этой мысли его особенно укрепила внезапно выглянувшая из-под стола морда красноглазого бультерьера, похожая на плоскогубцы. Милая зверюшка строго взглянула на настырного «челнока» и вывалила из пасти широкий розовый язык.

Вернувшись за свой столик, Исмаил решил про себя — а, может, и к лучшему, что он не смог нанять этих людей для своего каравана. Не слишком-то уютно ехать в такой компании, где лишь один нормальный человек, да и тот — славянин.

Почтенный караванщик был прав только наполовину. Сварог из Киммерии был не только единственным нормальным человеком из троих путников. Он вообще был единственным человеком в этой маленькой компании.

Шамсудин, сын Гроина, был человеком лишь наполовину. Его мать была бритунийкой, отец – из рода подземных карликов-рудознатцев, звавших себя гномами и селившихся в туннелях под Кезанкским горами и Граскаалем. Как-то, расчувствовавшись (что с Шамсудином случалось нечасто), он поведал своему другу-северянину романтическую историю любви бритунской селянки и молодого гнома. Но чуждый сентиментальности славянин сделал из этого рассказа лишь один вывод: при отсутствии других претендентов дочери Иштар способны завязать шашни даже с нелюдем-малоросликом.

Доставшийся в наследство от отца небольшой рост Шамсудин с лихвой окупал безупречным владением практически любым оружием – впрочем, даже оно не всегда требовалось полугному, знающему тайные приемы, с которыми даже безоружный человек становится крайне опасным. Благодаря этому, а также несомненному уму и спокойному ровному нраву, карьера Шамсудина в особо привилегированных частях армии владыки Илдиза была чрезвычайно успешной – до тех пор, пока щепетильная честность полутрома не помешала этому. В результате навета сослуживцев удачливый капитан гвардии султанапурского эмира в одночасье превратился в обыкновенного надзирателя на рудниках, куда туранские власти ссылали преступников. Нетрудно догадаться, что именно там и состоялось его знакомство с Сварогом.

Сибиряк попал на рудники в самый разгар своих поисков магического сосуда Нейглама, святыни гномов и предмета вожделения некоторых весьма высокопоставленных людей. Неравнодушный к чаяниям народа своего отца, Шамсудин помог бежать славянину-авантюристу, но с условием, что найденный Сварогом Нейглам будет возвращен тем, кто имеет на него законные права. Сам Шамсудин также покинул теплое, но безрадостное место надзирателя, забрав из рудников на память о честной службе эмиру лишь маленького любимца – летучую мышь-альбиноса, обладающую весьма строптивым норовом и на редкость противным голоском. Сколько раз за прошедшее время полугном пожалел о том, что связался с Сварогом – ведомо лишь ему одному. Но, даже после возвращения Нейглама гномам, Шамсудин и северянин не расстались, вместе покинув пределы Турана и отправившись на поиски новых неприятностей на свою голову.

Ирина, уроженка Рабиийских гор, что располагались на самой границе между Зингарой, Аргосом и Пуантеном, человеком не была вовсе. Она принадлежала к загадочному и почти исчезнувшему племени гулей, которые отличались от людей наличием длинных, втягивающихся при необходимости когтей, острых зубов, среди которых особенно выделялись клыки, а также тем, что для поддержания жизни им требовалась свежая кровь, желательно людская. Срок жизни гулей был намного больше человеческого, и Ирине, выглядевшей очень юно, на деле было не меньше сотни лет. Вдобавок, девушка-гуль обладала странным и редким умением – даром Сторожа. Хозяин, имеющий подобного раба, мог спать спокойно – Сторож слышал даже во сне, лезут ли в дом воры, умел отвести глаза бандиту или убийце, был способен заставить человека испугаться собственной тени или выронить оружие в самый неподходящий миг.

Но Ирина не была рабыней. Напротив, в Немедии она занимала прочное положение в обществе, имела немало привилегий и ни в чем не нуждалась. Всего этого она добилась, уже немало лет служа немедийской короне в Тайной Канцелярии, где необычайные способности

девушки-гуля нашли достойное и щедро оплачиваемое применение. Ирина обрела свое место среди людей, отказавшись от привычек и традиций собственного народа и употребляя в пищу лишь кровь животных.

В захолустном заморийском городишке Дэлираме, где и произошла встреча Ирины с двумя странствующими авантюристами, она выполняла очередное задание немедийских властей, и умело воспользовалась помощью недогадливых друзей, обманутых ее скромной внешностью и тихими манерами. Под ее незаметным руководством Сварог и Шамсудин проделали существенную часть работы по раскрытию торговых махинаций с запрещенным порошком серого кхитайского лотоса, о чем они узнали лишь в самом конце. Теперь Ирина следовала в Берлин с докладом об успешно выполненной миссии, и славянин с полугномом ехали вместе с ней: Шамсудин – в расчете на достойное место на королевской службе, Сварог – с надеждой на щедрую награду. Но даже упование на вознаграждение не излечило уязвленную душу славянина, до сих пор не могущего прийти в себя от мысли, что его, бывшего вора, пирата и наемника, обвела вокруг пальца какая-то девчонка, к которой, вдобавок, он был одно время неравнодушен.

Избавившись от настырного караванщика, Шамсудин спокойно вернулся к прерванной трапезе. Мышь устроилась на плече своего хозяина, победоносно взирая оттуда блестящими глазками на окружающих. Сварог заскучал. Они собирались выехать завтра с рассветом, вследствие чего потребление горячительных напитков было строго ограничено дотошным полугномом, знающим на своем опыте, каково это – выгонять рано утром в дорогу мучающегося похмельем славянина. Сыграть в кости здесь также было не с кем. Впрочем, денег у Сварога было немного, а единственную драгоценность – маленький мешочек с порошком лотоса, спасенный запасливым славянином от сожжения в Дэлираме вместе с остальной отправой, надо было еще кому-то продать.

От нечего делать Сварог принял разглядывать посетителей. Его внимание привлекла хорошенькая девушка, по-видимому, недавно спустившаяся в общую залу гостиницы. Она сидела в самом углу, торопливо расправляясь с едой, и вид у нее был крайне измученный и растерянный. К ее боку прижалась девочка лет пяти, белокурая и голубоглазая. Богатая одежда ребенка явно указывала на то, что это не простые путники, а состоятельные дворяне. Сварог поиском взглядом слуг, мужа или приятеля молодой женщины – но никто из присутствующих даже не смотрел в сторону девушки с ребенком. Похоже, они ехали одни, что было очень странно.

Однокую симпатичную девушку приметил не только Сварог. К ее столику развязной походкой приблизился один из коринфян – самый молодой и, по-видимому, самый наглый. Девушка испуганно взглянула на мужчину и судорожно прижала к себе ребенка.

– Что, красотка, скучаем? – небрежно спросил коринфянин, облокачиваясь на стол и нависая над девушкой.

Та что-то тихо ответила, умоляюще глядя на непрошеноного кавалера. Девочка хмуро сверкнула на мужчину глазами из объятий молодой женщины и скривила пухлое лицо в презрительной гримаске.

– Может, отправишь эту крошку ее нянюшке, а мы с тобой займемся чем-нибудь более интересным? – не унимался парень, явно убежденный, что только полная дура не согласится на такое предложение.

Девушка вновь что-то убедительно заговорила, но ее задрожавшие губы ясно показывали, что ее мужество уже давно на пределе, и сил поставить на место нахала у нее

нет.

В другое время Сварог предоставил бы право спасать эту девицу Шамсудину, которого лавашем не корми – дай совершить благородный поступок. Не то чтобы сам сибиряк был против благородных поступков – просто он считал, что ими не стоит увлекаться в ущерб делу. Однако сейчас у славянина имелась своя причина вмешаться в ход событий. Должен же он показать этой желтоглазой, когтистой и клыкастой интриганке, что на ней свет клином не сошелся, и многие женщины будут рады вниманию северянина. Покосившись на аккуратно разрезающую жареное мясо Ирину, Сварог поднялся и, пройдя через залу, оказался за спиной настойчивого ухажера.

– Ты что, приятель, не видишь – ты не нравишься госпоже. Так что отойди-ка подальше и не мозоль нам глаза, – миролюбиво заметил славянин, увесисто похлопав парня по плечу.

– Это кто здесь такой смелый, что... – запальчиво начал было коринфянин, обворачиваясь – и оказался нос к носу с черноволосым гигантом, чьи мышцы внушительно вырисовывались под курткой, а размер кулака вызывал уважение у любого драчuna.

– А, ну так бы сразу и сказал, что это твоя подружка, – радушно улыбнувшись, парень развел руками и испарился. Сварог ощутил невольное сожаление – он-то надеялся слегка поразмяться, но этот хлюпик, видимо, не собирался предоставлять для этого свое горячо любимое тело.

По-прежнему прижимая к себе ребенка, девушка растерянно смотрела на славянина, явно раздумывая, не безопасней ли ей было поладить с коринфянином.

– Если этот недоносок обидел тебя, госпожа – я еще могу догнать его и научить хорошим манерам, – предложил сибиряк, любезно улыбаясь девушке. Та робко улыбнулась в ответ.

– Я думаю, не стоит, – девушка, наконец, разжала объятия, и девочка ловко выскользнула у нее из рук и с интересом уставилась на славянина. – Наверно, он уже все понял.

– В таких, как он, понимание приходится вбивать, как гвоздь в доску, – философски заметил сибиряк. – Меня, кстати, зовут Сварог из Киммерии.

– Ильма, – представилась девушка, с неуловимым кокетством поправив прическу из густых каштановых волос. – А это моя дочь Ния.

– И в кого такая беленькая – в папу? – Сварог знал, что доверие матери можно завоевать, лишь изобразив интерес к ее чаду. Но Ильма, вместо того, чтобы пуститься в долгий и полный подробностей рассказ о своей дочурке, лишь молча кивнула. А девочка, спрыгнув со скамьи, подошла к усевшемуся на табурет Сварогу и требовательно произнесла:

– Дядя, дай кинжал посмотреть!

На поясе славянина в кожаных ножнах висел небольшой, но изящный кинжал – подарок шейха оазиса аль-Баргэми; клинок обладающий некими магическими свойствами, о которых сам Сварог постоянно забывал, используя колдовское оружие преимущественно для резки жаркого.

– Э... кинжал? – растерялся сибиряк. – Тебе нельзя, еще порежешься. Девочки должны играть в куклы.

– Вот сам и играй, – посоветовала малышка. – А я хочу кинжал.

– Ния! – строго воскликнула Ильма. – Веди себя прилично и не приставай к дяде!.. Она такая избалованная, – смущенно сказала девушка, обращаясь к Сварогу.

– Да, если б у нас в Киммерии ребенок попробовал так разговаривать со старшими – неделю бы сесть не смог, – ухмыльнулся славянин.

– А если б у нас в Немедии кто-то не дал мне кинжал – папа так бы его наказал, что он

бы мне потом целый мешок кинжалов принес! – сообщила девочка, строго глядя на сибиряка круглыми голубыми глазами.

– Ния, да замолчишь ли ты наконец! – резко сказала Ильма и дернула девочку за руку так, что она чуть не упала. Ния показала Сварогу язык и вновь устроилась рядом с матерью.

– И где же наш грозный папа? – невзначай поинтересовался славянин. – Неужели он отпустил такое сокровище в путешествие без охраны и провожатых?

– На нас напали... в горах... – пробормотала Ильма и поежилась. – Все мои спутники погибли, удалось бежать только нам с Нией...

– Кто напал? – удивился Сварог. Боги, неужели Карела Ястреб вернулась домой и теперь вместе со своими головорезами околачивается где-то поблизости? Только этого не хватало...

– Не знаю... Какие-то разбойники, наверно... – хорошенъкое лицо девушки опять приобрело испуганно-измученное выражение. – Я совсем не представляю, что мне делать...

– Присоединяйтесь к какому-нибудь каравану и возвращайтесь домой, – посоветовал Сварог. – Тут как раз есть караван, направляющийся в Германию.

– Мы не можем в Германию! – вскрикнула Ильма. – Нам надо в Коф!

– Караваны в Коф ходят через Аренджун, – пожал плечами Сварог. – Но ехать так далеко женщине без спутников опасно, особенно в Заморе.

– Нам надо в Коф, – как заклинание повторила девушка, умоляюще глядя на северянина, словно в его силах было доставить их туда.

– В таком случае, нам не по пути, – развел руками Сварог и почти искренне добавил: – А жаль...

Тут северянин буквально почувствовал обжигающий взгляд Ирины, упершийся в его спину. Представив себе выражение ревности и досады на узком точеном личике девушки-гуля, Сварог испытал прямо-таки наслаждение. Изобразив торжествующую улыбку, Сварог медленно обернулся в сторону своей спутницы... и ухмылка на его лице увяла. Потому что внимательный взгляд рабирийки был направлен совсем не на своего бывшего возлюбленного, и даже не на его миловидную собеседницу. Во все глаза Ирина смотрела на ребенка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Нергал забери всех женщин, а рабириек – в особенности!

С крайне мрачным выражением лица Сварог трясясь в седле позади каравана, глотая поднятую медлительными выночными лошадьми дорожную пыль. В данный момент славянин был готов скопом отправить всю прекрасную половину человечества куда подальше, не думая о том, сколько трудностей при этом возникнет у большинства взрослых здоровых мужчин. Впрочем, сибиряка можно было понять. Сначала эта вздорная девица Ирина, воспользовавшись поддержкой галантного Шамсудина, лишила Сварога двадцати золотых, не позволив наняться в охрану каравана. А посреди ночи та же Ирина подняла Сварога с постели и заставила тащиться в караван-сарай, чтобы сообщить забывшему спросонья удивившегося Исмаилу, что они с радостью будут сопровождать его караван и согласны на любые условия. В результате пронырливый караванщик снизил их плату вдвое, но рабирийка и глазом не моргнула, хотя сердце Сварога при этом буквально облилось кровью. И теперь Ирина ехала бок о бок с невозмутимым как всегда полугномом впереди каравана, слегка опасаясь, впрочем, приближаться к разгневанному ее неожиданными решениями и потерей десяти золотых славянину.

– Ты чем-то расстроен, Сварог?

Звонкий девичий голос вывел северянина из мрачной задумчивости. Рядом с ним на каурой смирной лошадке ехала Ильма, искоса поглядывая на Сварога. Молодая женщина вместе со своей дочкой присоединилась к каравану перед самым его отбытием из Шусфа. Видимо, поняла, что до Кофа ей одной не добраться – или ее в этом убедила вездесущая Ирина. По крайней мере, Ильма изменила свое решение после продолжительной беседы с рабирийкой, невесть как сумевшей пролезть к ней в доверие – правда, в этом девушке-гулю не было равных, в чем Сварог убедился на собственном горьком опыте.

– Просто некоторые уроженки некоторых гор крайне раздражают одного сибиряка, – хмуро сообщил Сварог, хлестнув поводом по крупу ни в чем не повинной лошади, на которую, впрочем, это не произвело особого впечатления.

– Да, порой всякие чересчур много воображающие о себе особы бывают совершенно несносны, – заметила Ильма, с чисто женской интуицией догадавшись, какого ответа от нее ожидают. От такого взаимопонимания на душе у Сварога потеплело, и он мысленно позволил Нергалу оставить избранных представительниц противоположного пола в этом мире. Славянин покосился на маячившую впереди надменную спину Ирины и подмигнул Ильме. Та захихикала.

Сейчас Ильма была совсем не похожа на ту испуганную и измученную девушку, с которой Сварог познакомился в “Усталом путнике”. Казалось, все свои страхи и тревоги она оставила в Шусфе, и теперь выглядела легкомысленной и веселой, словно освободилась от тяжкого груза. Она без умолку болтала, смеялась, кокетничала со всеми попадающимися ей под руку мужчинами, и вообще вела себя мало подходящим для знатной замужней дамы образом. Больше она напоминала Сварогу обычную городскую девицу – портниху или служанку, с которой так приятно завести скоротечный и ни к чему не обязывающий романчик.

Пару раз Сварог из чистого любопытства попытался расспросить Ильму о ее жизни в Берлине, но девушка отвечала неохотно, и славянин так ничего толком и не узнал. Зато его

собственные рассказы о приключениях, выпавших на долю сибиряка, Ильма слушала, затаив дыхание, и польщенный Сварог все чаще замечал в ее карих глазах нечто большее, чем просто восхищение его храбростью.

“Если этак пойдет и дальше, то папаша белокурой крошки украсится в скором времени ветвистыми рогами,” – подобная мысль очень скрашивала Сварогу скучное и ни чем не примечательное путешествие с караваном Исмаила. Быть может, это время настало бы даже очень скоро, но походная жизнь в окружении множества людей не располагала к уединению, о чем славянин слегка сожалел, оглядывая стройную и соблазнительную фигуру молодой немедийки.

…Двигаясь размеренно и неторопливо, караван перевалил через Карпашские горы и, покинув небезопасную для мирных путников Замору, оказался в гостеприимной Коринфии. Как ни странно, никакие разбойники не покушались на перевозимый Исмаилом товар, и обрадованные такой удачей караванщики подстегивали тяжело нагруженных лошадей, стремясь поскорее добраться до приграничного коринфского города Эдеса, где располагалась местная таможня.

Утонувший в пыльной зелени Эдес казался таким же захолустным и унылым, как и оставленный несколько дней назад Шусф. Караванщики вяло переругивались с разомлевшими от жары и вина таможенниками, лениво осматривающими товар. Один из ревностных служителей заикнулся было, чтобы Сварог и Шамсудин предъявили на досмотр свои вещи, но сибиряк в ответ лишь молча поиграл мускулами и, дернув за рукав начавшего было открывать седельную сумку законопослушного полугнома, потащил его искать местную гостиницу или постоянный двор. Ирина со скучающим видом сидела в тени раскидистого платана, обмахиваясь бумагами, подтверждающими ее принадлежность к тайной немедийской службе – пятому Департаменту личной Канцелярии короля – и освобождающую рабирийку от любых таможенных досмотров. Ильма с дочерью скромно пристроились поблизости.

Осмотр каравана близился к концу, когда на дороге, прихотливой лентой уходившей к Карпашским горам, заклубилось вдали пыльное облако. Вскоре стал виден отряд всадников, во весь опор скачущих в сторону Эдеса. Караванщики встревожено загудели. Взглянув в растерянное лицо начальника эдесской таможни, Исмаил приказал своим людям сбрасывать товары и лошадей и занять круговую оборону, прокляв неизвестно где шляющихся в нужный момент славянина и его друга-коротышку.

Всадников было немного, человек двенадцать, но в них с первого взгляда можно было угадать людей, привыкших решать дело силой. Они мало походили на обычных карпашских разбойников и выглядели скорее как наемники, во множестве бродящие в поисках заработка по дорогам от Западного океана до моря Вилайет. Впрочем, подобные отряды частенько не брезговали нападением на караваны, когда не могли найти богатого нанимателя. Поэтому Исмаил лишь крепче сжал в руке изогнутую дедовскую саблю и поручил свою душу Эрлику.

Пока эдесские таможенники суettливо бегали по двору кто в поисках своего оружия, кто укрытия, а их начальник срывал голос, выкрикивая бесполезные команды, неизвестные всадники уже осаживали лошадей прямо посреди всеобщей суматохи. Их командир, высокий мужчина с залихватски закрученными рыжими усиками, спрыгнул с коня и направился прямиком к Исмаилу, не обращая ни малейшего внимания на направленное ему в грудь лезвие сабли.

– Нам известно, что с вашим караваном следуют немедийская женщина с ребенком, – не

проявив никаких признаков вежливости, холодно сказал рыжеусый. – Где они?

Исмаил поднял саблю повыше и неловко попытался ткнуть ею в бандита.

– Да убери ты свою железку, – поморщился тот. – Твои товары нам даром не нужны. Мы ищем только женщину и ребенка. Выдашь их нам – поедешь дальше целым и невредимым.

Исмаил задумался. С одной стороны, госпожа Ильма заплатила за свое место в караване достаточную сумму, чтобы надеяться на честность Исмаила. К тому же, краем уха он слышал, что она – Берлинская дворянка, и если Исмаил отдаст госпожу каким-то лихим людям, то ее разгневанные родственники могут сильно осложнить жизнь простого туранского караванщика. Но, с другой стороны, ее могущественные родственники Эрлик знает где, а бандит – вот он, рядышком, топорщит свои тараканы усы, а на боку у него добрый меч, и владеет он им куда лучше, чем Исмаил своей старой саблей... А деньги госпожи он, в конце концов, может пожертвовать одному из Берлинских храмов Митры – Эрлик не обидится, он поймет.

– С нами действительно едет некая госпожа с дочерью, о храбрейший воин, – степенно заговорил Исмаил, сделав знак своим людям опустить оружие, которые выполнили этот приказ с большим энтузиазмом. – Не знаю, они ли вам нужны, но...

Исмаил было обернулся, чтобы указать рыжеусому на платан, под которым он недавно видел Ильму – но там уже никого не было, и караванщик растерянно замолчал, не зная, что сказать.

– Ну?! – грозно воскликнул предводитель отряда.

– Они были там, но сбежали, – быстро ответил Исмаил, ткнув пальцем в сторону дерева и про себя надеясь, что женщина успела хорошенько спрятаться, и ему не придется брать грех на душу.

Рыжеусый махнул рукой своим людям, и те рассыпались в разные стороны в поисках беглянки. Начальник таможни робко приблизился к командиру отряда и попытался было выяснить, в чем дело, но, поймав взгляд холодных светлых глаз рыжеусого, почел за благо позволить событиям развиваться без его участия.

Вскоре послышался женский визг, указывающий на то, что немедийку все-таки нашли. Один из подчиненных рыжеусого выбрался из караван-сарайя, ведя с собой рыдающую Ильму. Другой бандит тащил под мышкой белокурую девочку, мрачно глядящую из-под его руки круглыми голубыми глазами.

– Да, это они, – только и сказал командир отряда, мельком взглянув на женщину и ребенка. Ильма тщетно озиралась по сторонам в поисках подмоги – все лишь отводили глаза, не решаясь спорить с уверенными в себе наемниками. В чужие дела влезать – себе дороже, а кто не усвоил эту мудрость – давно прогуливается по Серым Равнинам.

– Капитан Ригель, давно ли ты променял службу при дворе на плащ наемника? – раздался вдруг спокойный девичий голос. Командир отряда заметно побледнел и, растерянно заморгав рыжими ресницами, оглянулся. Мягкой походкой к нему приближалась Ирина, глядя на него своими желтыми кошачьими глазами.

– Госпожа Ирина? – самоуверенности в рыжеусом явно поубавилось. – Никак не ожидал встретить тебя здесь...

– Но все-таки встретил, – жестко прервала его девушка, и Исмаил лишь восхищенно крякнул, любуясь вытянувшейся физиономией рыжеусого. Тому явно хотелось выругаться, но он не решался.

– Никогда не поверю, что ты добровольно покинул теплое место в Берлине, – в голосе

Ирины появились вкрадчивые нотки. – Быть может, тебе наконец припомнили тот небольшой промах, допущенный в деле барона Кернера?..

– Думаю, нам стоит поговорить с глазу на глаз, – нервно сказал Ригель и махнул рукой своим людям, чтобы те отошли подальше. До Ирины донеслось: “И что это капитан цацкается с какой-то бабой?” “Дурак, ты что, не понял – это же ищейка из Тайной Канцелярии, так что придержи язык, если дорожишь своей шкурой!” Девушка победно усмехнулась и привычным жестом откинула назад свои роскошные косы.

– Могу сообщить тебе, госпожа, что мы получили приказ разыскать эту женщину с ребенком и доставить их в столицу, не слишком афишируя при этом свою принадлежность к немедийской армии, – Ригель вновь обрел прежнее самообладание. – Больше я ничего сказать не могу – даже тебе, уважаемая Ирина, – и капитан тонко улыбнулся.

– Не можешь, потому что не знаешь, – ответная улыбка девушки была не менее тонкой. – Исполнителям вроде вас обычно не сообщают и трети всех сведений. Знание – удел служащих Канцелярии.

– Я знаю достаточно, чтобы выполнить приказ, – уязвлено заявил Ригель.

– А ты уверен, что этот приказ уже не выполнен? – невинно поинтересовалась Ирина.

Капитан сдвинул редкие рыжеватые брови, и от умственных усилий на носу его явственно проступили веснушки.

“Хитрая стерва!” – подумалось капитану.

“Рыжий осел!” – мелькнуло в голове девушки.

– Если госпожа имеет в виду, что она… – осторожно начал Ригель.

– Имеет, – любезно прервала его Ирина. – Если бы в Берлине надеялись только на военных – Немедии давно пришел бы бесславный конец. Поиски были поручены не только тебе, дорогой Ригель, и случилось так, что мы справились с этим лучше.

“Наглая высокочка!” – сказали глаза капитана.

“Безмозглый солдафон!” – ответил взгляд Ирины.

– Но я гонялся за этой девкой, Сет ее забери, семь дней! – в сердцах воскликнул капитан. – Почему теперь я должен отдавать ее вам?

– Потому что мои полномочия гораздо значительней твоих, месьор Ригель, – рабирийка протянула капитану пергамент. – Можешь убедиться. Надеюсь, печать тебе знакома? Впрочем, у меня есть еще кое-что… – и девушка показала несколько оторопевшему капитану массивный золотой перстень-печатку с крылатым драконом – символ высшей военной власти в Немедии.

“Чтоб тебя демоны сожрали!” – злобно подумал Ригель.

– И тебе того же, милейший капитан, – добросердечно сказала Ирина.

– Ладно, на сей раз ваша взяла, – неохотно признал Ригель. – Надеюсь, в Берлине ты, госпожа, объяснишь, почему я вернулся ни с чем?

– Охотно, месьор капитан, – весело проговорила девушка. – Я думаю, тебя и твоих людей даже наградят за проявленное усердие. А теперь отпустите своих пленников – и расстанемся по-доброму.

Быть может, капитан действительно расстался бы с Ириной по-доброму. Но ему помешали. Внезапно окружающая караван-сарай деревянная ограда грозно затрещала, и во двор лихо спрыгнул Сварог, воинственно размахивая своим мечом.

Поплутав по пыльным кривым улочкам Эдеса и не встретив ничего интересного, кроме тощего облезлого пса, Сварог и Шамсудин набрали, наконец, на небольшую таверну, в которой было совершенно пусто.

— Я начинаю думать, что этот городишко населен призраками, — пробурчал Сварог.

На их энергичный продолжительный стук явился хозяин заведения, чьи челюсти прямо-таки раздирила зевота. Даже появление посетителей не вдохнуло жизнь в его сонные маленькие глазки.

— Эля нет, аргосское вчера кончилось, кухарка сегодня не работает... — с ходу начал хозяин, привалившись к стойке и вяло почесывая упитанное брюхо.

— Подожди, любезный, — прервал его Шамсудин. — Можно ли переночевать в твоем заведении?

— Отчего ж нельзя, — лениво ответил хозяин. — Только у меня всего одна свободная комната, две другие заняты. И потом, эля нет, аргосское...

— Я понял, — в голосе туранца прозвучал оттенок раздражения. — И сколько кроватей в этой комнате?

— А кто его знает, — пожал плечами хозяин. — Раньше было две — так их, может, уже сломали... И потом, эля у нас нет...

— Пошли отсюда! — заявил выведенный из себя Сварог. — Найдем что-нибудь получше.

— А вот это вряд ли, — покачал головой хозяин. — Кроме моей таверны, в Эдесе других заведений нет. Был один кабачок, так его два года назад сожгли.

— Если он был похож на твой, я очень даже могу понять поджигателей, — пробормотал сибиряк.

— Ладно, мы согласны на эту комнату, — решил Шамсудин. — Пусть там приберут, мы скоро вернемся... Здесь можно куда-нибудь пристроить наших лошадей?

— На заднем дворе есть конюшня. Только там прошлой зимой крышу разобрали — а новую так и не собрались положить... — хозяин зевнул и с хрустом расправил плечи.

— Эй, подожди, — встревожено обратился Сварог к другу, — ты что, собираешься здесь ночевать? Мало того, что это опасно для жизни — как же мы поместимся все в одной комнате?

— Одну ночь придется потерпеть, — миролюбиво ответил Шамсудин. — Не впервой ведь. В любом случае, Ирина ляжет на кровати, а мы с тобой бросим жребий, кому спать на полу.

— А если этот жребий достанется мне? — с упреком сказал Сварог. — И потом, нас же не трое, а четверо, — и, встретив недоуменный взгляд Шамсудина, сибиряк пояснил: — Не можем же мы бросить госпожу Ильму в этом мерзком караван-сарае с грубиянами-караванщиками! Так что нам нужны две комнаты.

— О, действительно, о госпоже Ильме и ее дочери я и не подумал, — смущаясь туранец и одобрительно сказал: — Я считал, Сварог, что хорошо знаю тебя — но сейчас ты меня удивил. Не предполагал, что ты можешь так заботиться о чужой тебе женщине...

Если бы Сварог был на это способен, сейчас бы он покраснел. Потому что им руководила вовсе не бескорыстная забота о хорошенъкой немедийке.

— Тогда нам с тобой придется переночевать в караван-сарае, а Ирина и госпожа Ильма

займут эту комнату, — подытожил Шамсудин.

— Ну нет, — возмутился Сварог. — Таштесь ночью через весь город...

— Зачем тебе куда-то таштесь ночью? — удивился турец.

Сварог вздохнул. Он уже знал, что умный и безжалостный Шамсудин в некоторых вопросах был не по возрасту наивен.

— Кто занимает две других комнаты? — деловито обратился Сварог к успевшему уже задремать прямо стоя хозяину.

— Одну — какой-то паломник из Хаурана, другую — шадизарский судья, — лениво ответил хозяин, которого, видно, мало беспокоила судьба постояльцев.

— Я уверен, они здорово скучают в этой дыре и будут только рады поселиться в одной комнате и поболтать по душам, — энергично сказал сибиряк. — Пожалуй, я подброшу им эту идеюку.

— Ну-у... — начал было Шамсудин, но его стремительный друг уже взбегал по немилосердно скрипящей лестнице наверх, где ничего не подозревающие паломник и судья еще наслаждались своим скромным отдыхом. Вскоре там раздался грохот, что-то разбилось и пару раз кто-то позвал на помощь. Шамсудин бросил извиняющийся взгляд на хозяина таверны, но тот даже с некоторым интересом прислушивался к происходящему наверху.

— Ну вот, они с радостью согласились пожить вместе, — сообщил Сварог, спускаясь на первый этаж. — Я даже помог судье перенести вещи. Теперь у тебя две свободные комнаты, и ты можешь сдать их нам, — Сварог дружески хлопнул хозяина таверны по мясистому плечу.

Назад к караван-сарай Сварог возвращался в наилучшем расположении духа. Все устроилось замечательно, они с Ильмой будут ночевать в соседних комнатах. Осталось только спровадить куда-нибудь Шамсудина или Ирину, а также отделаться от девчонки, и тогда...

Внезапно шедший рядом полугном ощутимо ткнул славянина в бок, заставив того остановиться. Сквозь неплотно пригнанные доски ограды, окружающей двор караван-сарай, было видно, как какие-то подозрительные люди, загнав в угол перепуганных караванщиков и местных служителей закона, шныряют повсюду с явным намерением кого-то найти.

— Что-то случилось, пока нас не было, — встревожено сказал Шамсудин.

— Сам вижу, — пробурчал Сварог. — Интересно, кого они ищут — не нас ли?

— Я бы не удивился, — со вздохом проговорил турец, уже привыкший к тому, что с Сварогом всегда надо ожидать худшего, и внимательно оглядел двор.

— Их двенадцать человек верхами и с оружием, — подсчитал Шамсудин. — Правда, они пока никого не убили... Подожди-ка здесь, я подберусь к воротам и попробую разузнать, что там происходит. Может, все еще и обойдется.

Турец удалился, ступая мягко, точно кошка, а Сварог, привалившись плечом к забору, принялся наблюдать. Вдруг послышался женский визг, и сибиряк увидел Ильму, которую бесцеремонно тащил за собой один из незнакомцев. Другой нес следом ее маленькую дочку.

Сварог нахмурился. Он так славно все устроил, раздобыл две комнаты — а теперь девушку, ради свидания с которой все и затевалось, уводят у сибиряка прямо из-под носа! Зря он, что ли, разбил чернильницу из зингарийского стекла над головой славного, в общем-то, старика-судьи? Сварог почувствовал, что в его душе закипает гнев на этих невесть откуда взявшихся чужаков, решивших расстроить сердечные дела северянина. Появление Ирины, вступившей в беседу с рыжеусым надменным мужчиной, по-видимому, главарем этих людей, никак не утешило Сварога. Кто знает, какие коварные планы лелеет рабирийка в

отношении соперницы!

— Пока там Шамсудин вынюхивает да разузнает, я, пожалуй, останусь без подружки, — пробормотал сибиряк и окончательно утвердился в своем намерении действовать без промедления.

С оглушительным гиканьем Сварог преодолел деревянный забор, едва не повалив его, и в несколько прыжков оказался посреди врагов. Кажется, Ирина что-то кричала ему — но киммерийцу было некогда прислушиваться. Свалив ударом меча одного из оторопевших похитителей и кулаком разбив переносицу другому, Сварог схватил взвизгнувшую Ильму за руку и поволок ее за собой к лошадям. Девушка вырывалась и что-то кричала, но до Сварога не сразу дошло, что она зовет своего ребенка.

— Кром, забыл!

Отпустив Ильму, Сварог бросился вслед за человеком, держащим Нию. Тот в растерянности топтался на месте, не зная, что ему делать — увозить девочку или помочь своим соратникам в схватке с славянином. Сварог разрешил его сомнения, приложив противника точным ударом в челюсть и выхватив из обмякших рук непривычно тихую Нию. Выполнив задуманное, Сварог готов был отступить, но ему не позволили. Оправившиеся от первого потрясения чужаки уже выхватили из ножен оружие и стягивались кольцом вокруг сибиряка. Правда, их было всего семеро — но они считали, что этого достаточно, и Сварог был склонен с ними согласиться.

— Стой здесь! — Сварог поставил девочку на землю и прижался спиной к росшему посреди двора раскидистому платану. Взревев для поднятия боевого духа, сибиряк обрушил свой меч на первого, осмелившегося сделать выпад в его сторону своим скромным эстоком. Противник парировал удар, но его эсток переломился у эфеса, и пока враг с удивлением рассматривал зажатую в его ладони филигранную рукоять, Сварог беспрепятственно отправил его на встречу с Нергалом. Остальные шестеро были более осторожны и кружили вокруг сибиряка, точно собаки возле медведя, ожидая, когда славянин ослабит бдительность, и можно будет нанести удар. Сварог уже решился было первым начать атаку, когда позади одного из его противников зловеще блеснуло узкое лезвие, и парень даже не успел ничего понять, как присоединился к своему неудачливому товарищу. Пятеро оставшихся в живых обернулись — но Шамсудин сделал красивый пирамиду, и их стало на одного меньше.

— Сварог, бери ребенка и беги к лошадям!

Не заставив себя долго упрашивать и зная, что полугном способен постоять за себя, сибиряк подхватил Нию, послушно стоявшую все на том же месте, и помчался к коновязи, где Ирина торопливо отвязывала их скакунов, а очень бледная Ильма нервно всхлипывала. Подсадив немедийку на лошадь и вручив ей ребенка, Сварог вскочил на своего коня и, взяв в руку повод лошади Шамсудина, галопом пронесся через двор к тому месту, где полугном сражался с наседающими врагами. Ловко отбив удар, туранец быстро взобрался в седло, и вся четверка устремилась к распахнутым воротам караван-сарая.

— Ведьма, ты мне за это заплатишь! — с ненавистью крикнул рыжеусый, благоразумно воздержавшийся от участия в драке, вслед удаляющимся путникам.

Хотя их никто не преследовал, всадники остановили своих коней, лишь отъехав на порядочное расстояние от Эдеса. Сварог вытер пот со лба и открыл было рот, чтобы задать вопрос — как натолкнулся на яростный взгляд желто-карих глаз рабирийки.

— Ты, грязный славянин, недоумок, мужлан, тупая скотина! — зашипела Ирина, и на ее скулах заиграли алые пятна. — Почему ты вечно суешься, куда тебя не просят?!

— А вот насчет скотины — это ты зря, — с упреком сказал Сварог.

— Это еще слишком нежное прозвище для тебя! — гневно закричала девушка. — Ты хоть иногда думаешь головой, прежде чем начать махать своим куском железа? Ты все испортил!

— Ничего себе! Я рисковал жизнью, чтобы спасти вас — и в ответ слышуплощадную брань! — возмутился сибиряк. — И что, интересно, я испортил, кроме физиономий нескольких недостойных людышек?

— Ах, ты нас спас? Может, ты бы сначала поинтересовался, грозит ли нам что-нибудь? — насмешливо произнесла Ирина. — Я поговорила с предводителем этого отряда, который оказался моим старым знакомым, и он согласился отпустить Ильму и девочку. Мы могли совершенно спокойно ехать, куда нам заблагорассудится, пока ты не вмешался, Нергал тебя забери! — девушка сердито взглянула на Сварога. — Теперь, когда вы покрошили ни с того ни с сего несколько немедийцев, нас могут обвинить в убийстве и вздернуть на одной из площадей Берлина! А главное — моя карьера теперь под угрозой! И дернул же меня демон связаться с такими недоумками! — с отчаянием воскликнула Ирина.

— Откуда мне было знать, что среди твоих знакомых встречаются даже разбойники и похитители людей! — раздраженно сказал сибиряк. — Подумаешь — в убийстве обвинят! На мне таких обвинений с полсотни висят — и ничего, не вздернули, как видишь.

— Когда-нибудь вздернут, — мрачно пообещала Ирина. — Я поспособствую!

— Послушайте, не ссорьтесь, — примирительно заговорил Шамсудин. — Сварог действительно хотел, как лучше. Не его вина, что он немного поторопился...

— Немного! — скривила узкие губы Ирина.

— Мне вот что интересно, — продолжил полугном, — кто были эти люди, и зачем они охотились за госпожой Ильмой? — турец вопросительно посмотрел на немедийку, прижимающую к себе ребенка. Та бросила взгляд на Ирину и растерянно улыбнулась.

— Это люди ее отца, некоего барона, — решительно сказала рабирийка. — Он ищет свою дочь с внучкой... Ильма, ты не против, если я расскажу? — спросила Ирина и, не дожидаясь ответа девушки, пояснила: — Обычная история. Барон решил выдать замуж дочь, не считаясь с ее чувствами. Просьбы и слезы не помогли, и тогда она решила бежать к родственникам в Коф, надеясь таким образом избежать ненавистного брака. В горах нанятых ею слуг перебили люди барона, посланные стариком по следу дочери, и Ильма не знала, что делать. Так получилось, что я знакома с ее отцом, да и ее видела несколько раз на придворных балах...

Тут Ильма хихикнула, но, смущившись, опустила голову.

— В Шусфе мы с ней узнали друг друга, и я решила помочь девушке, — закончила Ирина.

— Почему же мы везем госпожу Ильму обратно в Берлин? — с недоумением сказал Шамсудин. — Разумней было бы помочь ей добраться до Кофа...

— Я знаю, что делаю, месьор, — церемонно произнесла рабирийка. — Я сумею спрятать Ильму в Берлине так, что даже отец не найдет ее. А потом, глядишь, все уладится, и не придется ехать в далекий Коф.

— Ну и правильно, — одобрил Сварог, подумав про себя, что старый барон в чем-то прав, решив приискать для бойкой дочки, прижившей на стороне ребенка, строгого мужа.

Шамсудин задумчиво покачал головой, но если у полугнома и возникли какие-то сомнения, он не поведал их своим спутникам.

— Ну так что, в Берлин? — нетерпеливо спросил сибиряк.

Ирина ожгла напоследок славянина сердитым взглядом и вонзила шпоры в бока лошади.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О, Берлин, крепостенный и многолюдный! Не одну сотню лет лелеешь ты корону Немедии и внушаешь единый трепет и друзьям, и врагам силой и грозностью своей. Суровы Немедийские горы, и суров облик твой, город, построенный из серого гранита и белого мрамора!

Впрочем, столь цветисто обратиться к столице Немедии мог только путешественник из стран Восхода, обладающий поэтическими наклонностями и сытым желудком. Сами немедийцы относились к Берлину с прохладцей, ибо славился он своими грязными улицами и ловкими карманниками, а также тем, что там проживают самые спесивые вельможи, самые грубые сборщики налогов и самые дорогие шлюхи во всей Немедии.

Сварогу ранее доводилось бывать в Берлине. Четыре года назад, будучи контрабандистом, он даже удостоился чести быть нанятым некими высокопоставленными особами для выполнения щекотливого поручения, которое нельзя было доверить законопослушным гражданам. Правда, к его выполнению Сварог подошел несколько творчески, что совсем не оценили наниматели, и, в итоге высокопоставленные особы и сибиряк расстались не совсем в дружеских чувствах.

— Ох, наконец-то я смогу принять ванну и выспаться в мягкой постели без клопов! — с наслаждением простонала Ирина, когда они миновали ворота города. — Больше всего во время моих заданий меня угнетает жизнь без всяких удобств.

— Я слышал, знатные дворяне, если им золотой горшок не подадут, и облегчится не могут? — невинно поинтересовался Сварог. Ильма прыснула в кулачок, а Ирина нахмурилась и бросила на девушку сердитый взгляд.

— Есть вещи, которые нецивилизованному человеку вроде тебя не понять, — холодно произнесла рабирийка. — Говорят, славянины и моются-то лишь тогда, когда приходится реку вброд переходить.

— Что ж, придется поискать здесь реку, — хмыкнул Сварог.

Шамсудин вздохнул. Всю долгую дорогу от Дэлирама до Берлина Ирина и Сварог постоянно старались уязвить друг друга, порой переходя на откровенную ругань, что отнюдь не облегчало жизнь их спутникам. Полугном никак не мог понять, каким образом нежные взаимоотношения рабирийки и славянина так быстро выродились во взаимную войну. Сам турانец нисколько не обиделся на девушку-гуля, хитро использовавшую двух друзей в своих интересах. Видимо, у гномьего народа была своя, особенная гордость, которую не ранили подобные вещи.

— Скоро мы доедем до твоего дома, Ирина? — как ни в чем не бывало спросил Сварог. — А то у меня живот подвел, как есть охота. Надеюсь, твой повар прилично готовит?

— Прилично. Только тебе это не поможет, — не без торжества заметила Ирина.

— Это почему? — поднял брови славянин.

— Потому что вы остановитесь на постоялом дворе, — сообщила рабирийка. — Или ты надеялся, что я приглашу вас в гости после того, что вы натворили в Эдесе? Я в Берлине на хорошем счету и не хочу иметь неприятностей с законом.

— Вот, значит, как, — зловеще процедил Сварог. — Когда тебе это было надо, ты не возражала, чтобы мы шли против закона. А теперь, оказывается, такие бандиты, как мы, недостойны водить компанию с честной дворянкой! Если б я уважал закон, ты бы и посейчас

сидела в той клетке! Оттуда я тебя вытащил не настолько давно, чтобы ты уже забыла об этом!

– Не горячись, Сварог, ты не так понял Ирину, – Шамсудин положил руку на плечо друга. – В Эдесе мы действительно погорячились, и теперь нам лучше затаиться и не привлекать к себе внимание. Двое таких бродяг, как мы с тобой, в квартале знати будут выделяться, как ястребы в курятнике. Следовательно лучше нам устроиться в гостинице, среди обычных людей.

– Именно это я и имела в виду, – согласилась Ирина. – И в следующий раз, Сварог, когда тебе захочется с кем-нибудь подраться, сначала сосчитай до десяти и подумай, нужно ли это кому-нибудь… А, вот здесь вы и поселитесь!

Гостиница называлась очень необычно: “Королевский плот”. Говорили, что хозяин, движимый верноподданническими чувствами, собирался назвать свое заведение “Королевский оплот”, да цензоры из Канцелярии не разрешили, заявив, что королевским оплотом является доблестная немедийская гвардия, а никак не грязный кабак. Но вывеска была уже готова, и владелец гостиницы, чтобы не заказывать новую, просто стер в надписи одну букву, изменив неугодное чиновникам название на вполне нейтральное, хотя и насквозь бессмысленное.

– Мой дом находится отсюда на достаточном расстоянии, чтобы я могла быстро найти вас в случае необходимости и при этом ночью не слышать твоего храта, Сварог, – сообщила Ирина. – Ну, вы пока отдыхайте, а мы с Ильмой поехали…

– Как – с Ильмой! – заволновался сибиряк. – Ты собираешься забрать ее с собой?

– Не беспокойся. Я знаю несколько надежных мест, где можно спрятать ее и ребенка, – ответила Ирина и повернулась к девушке. Ильма покорно наклонила голову, но украдкой бросила из-под темных ресниц призывающий взгляд на славянина. Это вдохновило сибиряка на борьбу за свое личное счастье.

– Послушай, Ирина, так ли ты уверена в надежности этих мест? – вкрадчиво заговорил Сварог. – По-моему, самое безопасное место – там, где есть два таких добрых меча, как мой и Шамсудинов. Никто не будет искать дочь барона в дешевой гостинице, а если и попытается – мы доходчиво объясним соглядатаю, что он ошибся.

Ирина на несколько мгновений задумалась, сдвинув тонкие, изящно выгнутые брови, и наконец кивнула:

– Хорошо, пусть Ильма и девочка остаются с вами. Но вы отвечаете за них головой! – Ирина твердо взглянула в глаза славянина и полугнома.

– Не командуй, женщина, – поморщился Сварог. – С нами – как за каменной стеной, тебе ли об этом не знать.

– Во всякой стене существуют ворота, – туманно ответила Ирина и, кивнув на прощанье, подхлестнула свою усталую лошадь.

– О Иштар, какая спесь! – разверла руками Ильма, когда рабирийка отъехала на порядочное расстояние. – Даже королева Рэлея держится гораздо скромнее.

– Ты знакома с королевой Немедии? – удивился Шамсудин.

– Да, и очень близко, – не без гордости сообщила девушка. – Она очень благородная и добрая дама, всегда приветливая даже со слугами. Однажды она подарила мне свое платье… – Ильма внезапно вспыхнула и замолчала, поймав испытующий взгляд слегка раскосых глаз Шамсудина.

– Что, твой старик-барон и тряпок тебе не покупал? – добродушно усмехнулся Сварог. –

Ничего, вот дадут мне обещанную награду – пойдем с тобой в лавку, выберешь себе любое платье!

Ильма ответила славянину признательной многообещающей улыбкой, и Сварог погрузился в приятные мечты, поэтому договариваться с хозяином “Королевского плота” о комнатах и обеде пришлось не столь подвластному плотским устремлениям и до отвращения вежливому Шамсудину.

Ильма осталась в своей комнате укладывать усталую и потому раскачивавшуюся Нию, а Сварог и Шамсудин спустились в общий зал. На хозяина гостиницы полугном произвел неизгладимое впечатление, усилившееся от знакомства с его мышью, поэтому обед был добротный и вкусный. В дальнем углу зала небольшая компания азартно резалась в кости, оттуда доносились радостные выкрики вперемежку с ругательствами. Насытившийся Сварог все чаще поглядывал в ту сторону, побрякивая истощившимся за время пути кошельком. Перехватив направленный на игроков взгляд сибиряка, Шамсудин привычно вздохнул и принял подсчитывать, сколько дней они смогут продержаться вдвоем на деньги полугнома. Но судьба, явившаяся в виде обтрепанного однорукого нищего, просившего милостыню у посетителей “Королевского плота”, спасла друзей от разорения.

– Сварог! – вдруг радостно воскликнул нищий, приближаясь к столику славянина и полугнома. – Снова в наши края? Давно о тебе здесь не слыхивали!

Сибиряк уставился на калеку непонимающим взглядом.

– Не узнаешь? – догадался нищий. – Я же Вонючка Пфундс. У Карелы работал, неужели не помнишь?

Лицо Сварога выразило попеременно напряженную работу мысли, погружение в воспоминания и, наконец, радость узнавания.

– Вонючка! – заорал славянин, заставив обернуться в свою сторону всех сидящих в зале. – Ну конечно! Мог заговорить зубы любому стражнику, пока ребята перетаскивали товар… Правда, тогда у тебя были две руки.

– Увы, да, – вздохнул Пфундс, вытянув обмотанную тряпками кулью. – Во время одного дельца мне не повезло, и злыдень-таможенник оттяпал мою правую клешню. Парни, конечно, намотали ему кишки на уши – да руку-то уже не вернешь. Пришлось уйти из шайки и заняться более спокойным ремеслом, – Вонючка дернул свою пыльную хламиду и церемонно сообщил: – Теперь я член правления Сообщества нищих Берлина и предместий, отделение безногих и безруких.

– Неплохая карьера, – одобрил Сварог.

– Да, место денежное, – подтвердил Пфундс. – А ты чем занимаешься?

– Да тем, что подвернется, – честно ответил славянин. – Вот, познакомься – мой друг Шамсудин, сын Гроина, из Турана. Весьма достойный человек, в гвардии владыки Илдиза служил, – и Сварог похлопал по плечу полугнома, скорбно взирающего на очередного подозрительного приятеля сибиряка.

– Друзья Сварога – мои друзья, – торжественно сказал Пфундс. – Запомни, Шамсудин, если что – обращайся к нам. Помощь всего Сообщества обещать не могу, но отделение безногих и безруких всегда тебя поддержит.

– Очень любезно с твоей стороны, – выдавил из себя турец, которому физиономия нищего живо напомнила его недавнее ремесло надзирателя.

– Сварог, а помнишь Карелу? Зверь-баба была! И, не в обиду тебе будь сказано, не слишком тебя жаловала, – доверительно произнес Вонючка.

— Да и я ее тоже, — проворчал славянин. — В делах она толк знала, но слишком много о себе мнила, а это может привести к большим неприятностям.

— И привело, — кивнул Пфундс. — Угораздило ее перейти дорогу Большому Эрдеку. А он не посмотрел, что баба, раз — и готово, — и Вонючка выразительно провел большим пальцем по горлу. — Хотя мы ее предупреждали...

— Женщину предупреждать бесполезно, пока сама не нарвется, — хмыкнул Сварог. — А помнишь, Пфундс...

И оба приятеля погрузились в воспоминания, от которых за лигу пахло разбоем, контрабандой и прочими противными закону авантюрами. Шамсудин рассеянно поглаживал выползшую на его плечо мышь и вспоминал сытую и спокойную жизнь на рудниках.

— Знаешь, Сварог, дела наши в последнее время не очень, — неожиданно посетовал Вонючка.

— Это почему? — из вежливости поинтересовался славянин.

— Да в Берлине что-то странное происходит, — принял охотно объяснить Пфундс. — Тюрьмы переполнены, казни, почитай, каждый день, на главные посты Немедии каких-то безвестных людышек поставили. Даже генерала Хертена, которого народ так любил, обвинили в измене и прилюдно голову снесли... Ну, и все в том же духе.

— Похоже на большую чистку, — со знанием дела сказал Шамсудин. — Владыка Илдиз тоже так иногда поступал — после раскрытия заговора или поражения в войне.

— Во-во, — закивал Пфундс. — Но у нас-то войны не было, да и в заговор с трудом верится. Все, вроде, нормально шло, а тут король Нимед направо и налево своих самых преданных людей в чем попало обвинять начал. И пошла катавасия. Теперь любого по доносу схватить могут как заговорщика — и поминай, как звали. Ну, народ и забеспокоился, боятся. А раз боятся — подают нам меньше. Мы ведь от перемен в политике тоже зависим, — вздохнул Вонючка. — А недавно, представьте — королеву в темницу заточили! Нимед, понятно, ей всегда изменял, но чтоб жену, да в Каземат — это слишком! Объявлено было, что она хотела мужа отравить и регентшей при наследнике стать — только кто в это поверит? Королева Рэлея тихая да скромная женщина, нищим всегда щедро подавала — такая худого не замыслит.

— А, может, ваш Нимед... того? — Сварог выразительно постучал себя по голове. — С царствующими особами это нередко бывает.

— Да непохоже, — пожал плечами Пфундс. — Он тут на днях с речью к народу обращался, призвал быть верными короне и искоренять мятежников — так вроде такой же, как и раньше, совершенно нормальный. Правда, он всегда мастак говорить был, а в этот раз все мямлил да мялся — ну это и понятно. Несладко ему, когда сын помер.

— Как умер? — удивился Шамсудин.

— А вот так! — развел руками Вонючка. — Манифест уже вышел, и траурные флаги во дворце развесили. Говорят, заговорщики из клана королевы отравили наследника. Да только зачем? А я вот что думаю, — Пфундс перешел на доверительный шепот. — Небось, парнишка от простуды какой скончался, без матери-то кто за ним последит? А король наш под это дело неугодных-то и уберет! Ох, чую, будет еще казней в Берлине, — покачал головой глава отделения безногих и безруких.

Заказав вина, Сварог остался обсудить со старым товарищем былые подвиги, а Шамсудин поднялся наверх. Проходя мимо комнаты Ильмы, полугном, словно повинувшись внезапной мысли, подошел к двери и осторожно постучал. Когда в ответ никто не отозвался, Шамсудин толкнул дверь, и она с тихим скрипом отворилась. Девушки в комнате не было,

лишь на столе горела толстая восковая свеча в дешевом гостиничном подсвечнике.

– Ильма, ты идешь? – раздался с кровати сонный детский голос. – Ильма, мне холодно! И вообще, мне надоело путешествовать! Когда мы вернемся к маме?

Шамсудин тихо притворил дверь и, кивнув сам себе, неспешно зашагал к своей комнате.

* * *

Три дня Сварог и Шамсудин безвылазно просидели в “Королевском плоте”, охраняя Ильму и девочку. На второй день явилась Ирина, сообщила, что была в Канцелярии с докладом о произошедших в Дэлираме событиях, и там действия девушки-гуля и ее помощников всемерно одобрили. Потом рабирийка туманно намекнула об ожидающей их большой чести и уехала. Сварог, радостно потирая руки, принялся прикидывать размер предполагаемой награды, и уже собрался было в счет нее сыграть несколько партий в кости с завсегдатаями “Королевского плота”. А Шамсудин задумался, почему это у Ирины такой усталый и озабоченный вид, и какую новую интригу затеяла неугомонная рабирийка.

Утром четвертого дня, когда Сварог, позевывая от скуки, вгонял свой магический кинжал в порядком уже истыканную столешницу, а полугном ползal по полу, катая на спине визжащую от восторга Нию, дверь их комнаты распахнулась, и решительный голос Ирины скомандовал:

– Собирайтесь скорее, мы едем во дворец!

Сварог поднял голову – и оторопел. Он привык видеть Ирину в простом платьице или в мужском дорожном костюме – а теперь девушка-гуль предстала перед ним в чудовищно дорогом придворном наряде. Тяжелое платье из роскошной аквилонской парчи, вышитой вручную знаменитыми шамарскими швеями золотыми нитями и самоцветами, переливающееся в такт дыханию алмазное ожерелье, при виде которого у любого вора загорелись бы глаза, высокая затейливая прическа, украшенная оправленным в золото гребнем из вареного панциря черепахи – все это превратило авантюристку из Дэлирама в величественную королеву. Сварог покосился на Шамсудина – и испытал облегчение, увидев, что тот потрясен не меньше.

– Поторопитесь, во дворце ждать не любят, – сказала Ирина, насладившись произведенным эффектом и кокетливо наклонив голову, отчего тяжелые алмазные серьги в ее ушах качнулись и брызнули ослепительным снопом искр.

– А с кем мы будем встречаться во дворце? – спросил полугном, смущенно поднимаясь с пола, невзирая на решительные протесты Нии.

– Нас удостоит аудиенции король Немедии! – торжественно сообщила Ирина и, покосившись в сторону Сварога, добавила: – Так что кое-кому неплохо бы вымыться и причесаться, на худой конец.

Заехав по пути в дом Ирины и оставив там Ильму с ребенком под присмотром дюжих привратников, что показалось Сварогу совершенно излишним, они вгроем проследовали во дворец немедийских правителей.

Суровый каменный замок, столичная резиденция немедийских королей, когда-то являлся центром небольшой крепости Берлин, призванной защищать подходы к плодородным

долинам центральной части страны, буде враг сумеет прорваться через перевалы Немедийских гор. Замок являлся отличным защитным сооружением, но был малопригоден для обитания королевской семьи. Королевские мастера старались вовсю, отдельывая внутренние помещения дворца по последней моде и стараясь сделать большие мрачные залы роскошными, а комнаты – уютными, но старый замок сопротивлялся этому, как покрытый шрамами седой ветеран, на которого пытаются натянуть щиты золотом яркий камзол лакея. Зодчие давно предлагали Нимеду пристроить ко дворцу новое крыло, более удобное и современное, как это сделал отец нынешнего короля Зингары, но Нимед неизменно отказывался. “Народ не будет уважать правителей, которые из страха перед сквозняками отказались от традиции предков,” – гордо говорил молодой король. Ну, традиции традициями, а вечный насморк обитателей королевской резиденции давно уже вошел в поговорку у жителей столицы.

Затянутые в мундиры стражники распахнули перед экипажем Ирины дворцовые ворота. Длинная, усаженная причудливо подстриженными деревьями аллея вела к парадному входу в замок, мрачной громадой возвышающейся над ухоженным парком. Стараясь хоть немного скрасить впечатление сухости древнего строения, придворные садовники разбили вокруг множество ярких цветников и понатыкали затейливых фонтанчиков. По дорожкам гуляли разряженные вельможи и дамы, и привыкшая к хмурым воинам крепость недоуменно прислушивалась к взрывам легкомысленного смеха. Впрочем, сейчас смех звучал приглушенно – при дворе был траур по скончавшемуся маленькому принцу.

Вывалившись из экипажа, Сварог прежде всего принял разминать затекшие в тесноте ноги, которые всю дорогу славянину пришлось держать поджатыми под себя из опасения испачкать платье рабирийки. Ирина, ожидавшая, что сибиряк поможет ей выйти из кареты, застыла с протянутой рукой и растерянным лицом. Положение спас Шамсудин, быстро выскочивший из экипажа вслед за другом и галантно подавший руку девушке.

– Ну ты и славянин! – возмущенно сказала Ирина Сварогу. – Тебя опасно даже пускать в королевские покои.

– И не пускайте, – согласился сибиряк. – У меня свои будут. Мне предсказали, что я стану королем.

– И ты в это веришь? – подняла брови девушка.

– Мало ли что может случиться в жизни, – философски ответил Сварог.

По широкой каменной парадной лестнице Ирина и ее спутники поднялись на второй этаж, где у огромных, украшенных гербом королевского рода дверей застыли высоченные гвардейцы с непроницаемыми лицами. Сварог решительно шагнул в ту сторону.

– Не сюда, – остановила его Ирина. – Прием будет конфиденциальным.

– Каким? – не понял славянин, но девушка просто подтолкнула его в направлении уходящего вбок коридора, вход в который охраняли каменные статуи каких-то воинов, выражением лиц до боли похожих на охраняющих двери солдат.

Пройдя по коридору несколько шагов, Ирина остановилась возле задрапированной двери. Возле нее, кроме гвардейцев, казавшихся родными братьями предыдущих гвардейцев, стоял бледный изысканный вельможа с завитыми длинными волосами.

– Ах, госпожа Ирина! Его Величество сейчас занят, тебе придется подождать – томно протянул вельможа и окинул взглядом ее спутников, задержавшихся на Свароге. – А кто это с тобой?

– Мои друзья, месьор Юлих, – высокомерно ответила девушка. – Его Величество знает о

них и сам пожелал видеть этих людей.

— Как Его Величеству будет угодно, я лишь спросил, — Юлих замолчал и поднес к носу тонкий кружевной платочек.

Ирина со скучающим видом отвернулась к окну, составленному из цветных стекол и превращающему самый пасмурный день в солнечный, Шамсудин начал рассматривать мозаичную картину на потолке, а Сварог привалился плечом к витой полуколонне, выступающей из стены. Царедворец Юлих, потеребив платком нос, поднял висящий у него на груди лорнет и принялся в упор рассматривать сибиряка. Сначала Сварог игнорировал это, но потому ему надоело и он грозно взглянул на вельможу.

— Ах, какой мужчина! — восхитился Юлих и танцующей походкой направился к славянину. Подойдя, он прикоснулся тонким пальцем к бугрящимся под тканью куртки мускулам сибиряка.

— Какая сила! — Юлих заулыбался в лицо Сварогу. — Ты нездешний?

— Из Киммерии я, — буркнул славянин.

— Ах, как интересно! — Юлих подался вперед, обдав Сварога ароматом благовоний. — У вас на родине, кажется, очень жарко?

— Просто пекло, — заверил Сварог и на всякий случай отошел подальше. Разочарованный вельможа вздохнул и принялся обозревать в лорнет неподвижных гвардейцев.

Неожиданно дверь королевских покоев отворилась, и оттуда вышла заплаканная дама в накинутом на голову темном шарфе — знаке скорби. Натолкнувшись на Юлиха, который брезгливо отстранился, женщина пошатнулась и, всхлипывая, побрела по коридору.

— Госпожа Тана, — окликнула женщину Ирина и участливо спросила: — Что случилось?

— Ах, милая Ирина, ты не представляешь, — слезы градом катились по лицу госпожи Таны, смывая пудру и румяна. — Три дня назад казнили моего мужа — преданнейшего королю человека, ты же знаешь! — а теперь забрали сына. Сейлор никогда не занимался политикой, он простой офицер! Я на коленях умоляла короля поверить мне и отпустить сына — но Его Величество отказал мне. Завтра моему мальчику отрубят голову на площади Трех Ворот!.. — женщина зарыдала в голос. — О Митра, что же происходит?!

Ирина хотела было что-то сказать — но от двери раздался тягучий как патока голос Юлиха:

— Его Величество ожидают госпожу Ирину и ее спутников!

Ирина торопливо и слегка смущенно погладила Тану по рукаву платья и, расправив плечи, стремительной походкой вошла в королевские покои. Шамсудин и Сварог последовали за ней.

Тщательно отделанная и ставшей оттого уютной комната предназначалась, по-видимому, для частных бесед правителя с придворными. Стены были завешаны ткаными гобеленами — эта мода пришла недавно из соседней Аквилонии. С потолка на витом шнуре спускалась люстра, украшенная выточенными из горного хрусталя подвесками, блестящими в пламени ароматных свечей словно капельки росы. На низком мозаичном столике стояли графин с вином и фрукты в фигурной серебряной вазе. В широком мягким кресле с удобной высокой спинкой сидел король и, слегка прищутившись, разглядывал вошедших. Позади него возвышались двое вельмож, у ног на скамеечке притулился карлик с огромной головой и печальными глазами.

Нимед был молод, но уже имел репутацию сильного и умного политика. Король Аквилонии Вилер как-то заметил, что, если бы имел такого сына, как Нимед, то ему было бы

легче умирать. При этом Вилер с отвращением взглянул на своего молодого племянника Нумедидеса, наследника трона, чьи способности внушали дядюшке серьезные опасения за судьбу Аквилонии.

Ирина присела в церемонном реверансе, Сварог и Шамсудин поклонились.

– Приветствуя тебя, госпожа Ирина, и вас, месьоры, – любезно сказал король. – Мне доложили, что вы оказали большую услугу Немедии, перекрыв контрабандный ввоз лотоса через Замору. Заморийские власти никогда не были способны навести у себя порядок, и этим приходится заниматься нашим подданным, что они делают просто блестяще.

Ирина вновь сделала реверанс, Шамсудин поклонился и незаметно толкнул Сварога, который, засмотревшись на вытканную на гобелене картину весьма фривольного содержания, перестал следить за речью короля.

– Впрочем, госпожа Ирина, кажется, не раз ужеправлялась с самыми сложными заданиями, – продолжил Нимед. – Просто не верится, что такая молодая и прелестная девушка столь искушена в делах пятого департамента... Месьор Трент! – король обернулся к одному из вельмож и сделал знак рукой. Тот выступил вперед и торжественно открыл небольшой бронзовый ларчик. Там, на бархатной белой подушечке лежала подвеска – огромный алый рубин, оправленный в золото и обрамленный маленькими блестящими самоцветами.

– Орден Чести даруется мужчинам, но мы решили сделать исключение, – проговорил Нимед. – Твои заслуги, госпожа Ирина, требуют достойного вознаграждения.

Король поднялся с кресла, вынул из ларца орден-подвеску и, подойдя к Ирине, самолично прикрепил его к платью девушки.

Сварог взглянул на рабирийку. Лицо девушки-гуля выразило изумление, потом растерянность, но Ирина быстро взяла себя в руки и смиренно произнесла:

– Получая столь высокую награду из твоих рук, мой король, я осознаю, сколь много мне еще предстоит совершить, чтобы оправдать такую милость.

Нимед вежливо улыбнулся девушке и перевел взгляд на ее друзей.

– Из доклада госпожи Ирины явствует, что без вашей помощи это дело не было бы раскрыто, – сказал король. – Я рад познакомиться с людьми, так самоотверженно защищавшими интересы Немедии, не будучи на королевской службе... Откуда вы родом, уважаемые месьоры? – любезно спросил Нимед, взглянув на полугнома.

– Шамсудин, сын Гроина из Турана, если угодно Вашему Величеству, – представился спутник Сварога. – Капитан гвардии Владыки Илдиза... в отставке.

– Султанапурский правитель умеет подбирать себе людей, – кивнул Нимед и без особого интереса спросил: – А почему ты оставил службу, месьор Шамсудин?

– Семейные обстоятельства, Ваше Величество, – ответил полугном.

Король перевел взгляд на славянина.

– Сварог из Киммерии, – сказал тот и, подумав, добавил: – Наёмник.

Нимед пошевелил губами, придумывая для Сварога какой-нибудь вопрос, так и не придумал, уселся обратно в кресло и произнес:

– Хотя вы и не являетесь подданными немедийской короны, но вы славно послужили ей и имеете право на награду. Что бы вы хотели получить из моих рук, месьоры?

У Сварога загорелись глаза и он открыл было рот, но Шамсудин быстро и незаметно наступил ему на ногу и, поклонившись, проговорил:

– Мы помогали госпоже Ирине не из расчета на награду, а из любви к порядку и

справедливости. Все, что преподнесет нам Его Величество, будет для нас величайшей милостью.

Взгляд сибиряка выразил большое разочарование. Король кивнул и сделал знак второму вельможе. Тот вынес два парадных эстока в кожаных ножнах, рукояти которых были украшены серебряной насечкой, а на конце набалдашников переливались вправленные в металл изумруды. Шамсудин с поклоном принял меч, и Сварог был вынужден сделать то же самое.

— Надеюсь, эти мечи в ваших руках еще послужат славе Немедии, месьоры, — произнес король положенное по ритуалу и добавил: — А это вам на расходы. Думаю, в дорогеуважаемые месьоры поиздержались.

При этих словах все тот же вельможа протянул Сварогу и Шамсудину кожаные мешочки с королевским вензелем, в которых что-то многообещающе позякивало.

— Благодарю всех за честную службу, — сказал Нимед, и в его голосе явственно послышалось нетерпение. Ирина, Сварог и Шамсудин в последний раз поклонились и быстро покинули королевские покои.

— Ну, и зачем мне эта игрушка? Этим прутиком даже драться толком нельзя! — раздраженно воскликнул Сварог, выйдя из дворца. — Шамсудин, что за чушь ты нес перед королем? Надо было денег попросить или поместье, на худой конец.

— Никто бы тебе поместье не дал, — спокойно ответил полугном. — То, что король Нимед сказал о награде — просто ритуальная фраза. Я и ответил, как было положено.

— Нергал вас всех забери с вашими ритуалами, — буркнул славянин. — Даже наградить по-человечески не могут, — и, открыв врученный ему кошелек, сибиряк принялся изучать его содержимое.

Ирина молча шла впереди к своему экипажу, машинально теребя приколотый к платью орден. Внезапно она остановилась, обернулась к Сварогу и Шамсудину и медленно произнесла:

— Можете считать, что я сошла с ума, но человек, с которым мы разговаривали — не король Нимед!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— То есть как — не Нимед?! — опешил Сварог. — Зачем же мы его тогда называли “Ваше Величество”?

— Ты не понял. Этот человек выглядит в точности как король Нимед — но это не он! — Ирина с несчастным видом взглянула на своих друзей. — Я и сама не понимаю, как такое может быть.

— Тогда ты действительно сошла с ума, — соболезнующим тоном заметил сибиряк.

— Что ты имеешь в виду, Ирина? Объясни, — попросил Шамсудин.

— Понимаете, я знаю Нимеда еще с пеленок, он сидел у меня на коленях, когда мы с его отцом обсуждали дела Канцелярии, — горячо заговорила девушка. — Я была на его коронации и сопровождала его невесту к алтарю. Можно считать, что мы с Нимедом друзья — если вообще можно назвать короля другом. Мне знакомы его излюбленные фразы, его манера взмахивать правой рукой, его смех, его привычка морщить лоб и грызть ногти. Человек же, который давал нам аудиенцию, ведет себя не так, как наш король! Он словно пытается подражать ему, и довольно умело — но близких людей этим не проведешь. А то, как он разговаривал со мной, только укрепило мои подозрения. Нимед прекрасно осведомлен, что я — не человек, знает мой возраст, и мог восхититься моей молодостью лишь в шутку. Нимед никогда не стал бы держаться со мною так официально, особенно на частной аудиенции — он вообще не слишком придерживается церемониала в близком кругу. К тому же наш король еще по-юношески любознателен, и он обязательно расспросил бы нас обо всех подробностях заварушки в Дэлираме. А этот человек с трудом выдавил из себя пару замечаний!

— Да, ситуация интересная, — пробормотал Шамсудин. — Но, может, король Нимед изменился за последнее время? Я слышал, у него несчастье — умер сын...

— Умер сын? — Ирина странно посмотрела на полугнома. — Конечно, горе меняет человека — но настолько? И потом, есть еще кое-что, изумившее и насторожившее меня больше всего, — девушка нервно сцепила руки. — Дело в том, что король Нимед уже награждал меня Орденом Чести! Это было года два назад, тогда возникли некоторые разногласия с Офиrom, и я... Впрочем, неважно. Я, правда, не носила этот орден на балах и приемах — он такой аляповатый, и совсем не идет к моим платьям. Но не мог же король забыть об этом награждении!

— Если бы это был не Нимед — неужели остальные придворные не заметили бы подмены? — резонно возразил Сварог. — Хотя бы королева!

— Королева в тюрьме, — напомнила Ирина. — И потом, в Немедии последнее время творятся странные дела. В Канцелярии все вверх дном. Кого-то казнили, кто-то бежал, остальные стремятся убедить друг друга, что они всемерно верны короне. Повсюду доносы и страх. Короля Нимеда никто не назвал бы мягким правителем, но устраивать в своей стране беспредел, точно в завоеванной непокорной провинции?.. — рабирийка покачала головой. — Это на него не похоже. И эта странная история с заговором королевы и смертью наследника...

— Как бы то ни было, Нимед там сидел или не Нимед — но нас он наградил, и мы можем ехать восвояси, — хмыкнул Сварог, пряча мешочек с монетами.

— Мы должны разобраться, что здесь произошло, — убежденно сказала Ирина. — Я просто чувствую присутствие чьего-то темного замысла, направленного против Немедии.

— Вот и разбирайся, — посоветовал сибиряк. — У тебя здесь дом, положение при дворе, деньги — есть ради чего стараться. А мы уже однажды помогли Немедии — и получили лишь никчемную железку да горсть монет. Впредь будем умнее.

— Но это же не охота за контрабандистами в захолустном заморийском городишке! Здесь пахнет большой политикой! — Ирина почти умоляюще взглянула на двух авантюристов. — Быть может, это самое значительное дело в вашей жизни, которое вам суждено!

— Конечно — если за время этого дела нам отрубят голову, —sarкастически заметил славянин.

— Гибнут невинные люди — кто-то должен же это остановить! — воскликнула девушка. — Я не могу обещать большую награду — но не все же измеряется деньгами, в конце концов!

Сварог лишь пожал плечами, не желая вступать в бесполезный спор.

— Я с тобой, Ирина — внезапно сказал Шамсудин со свойственным ему ледяным спокойствием. — Можешь рассчитывать на меня во всем. Я не уеду, пока мы не распутаем это дело или не убедимся, что с вашим королем все в порядке.

Сварог, приоткрыв рот, уставился на своего друга, а Ирина в порыве благодарных чувств кинулась полугному на шею и запечатлела на его губах горячий поцелуй, вызвав на смуглых щеках неустрешимого туранца слабый румянец.

— Но, Шамсудин... — с нажимом начал сибиряк, однако бывший воин Илдиза перебил его.

— Я сказал, — холодно и твердо произнес полугном, и Сварог замолчал, понимая, что переубедить принявшего решение туранца невозможно.

— Ну, в общем, я тоже могу повременить с отъездом, — небрежно проговорил сибиряк, помахивая врученным ему эстоком. — Ведь влизнете тут без меня, как пить дать. Да и интересно, что здесь случилось в вашей Немедии...

— Вот и славно, — как ни в чем не бывало, сказала Ирина. — Я тут поговорила кое с кем и выяснила, что весь это кошмар с заговорами и казнями начался примерно три седмицы назад. А перед этим король куда-то уезжал дня на два — неофициально, даже регента не назначал. После этого все и изменилось. Думаю, распутывать надо начинать с этого происшествия.

— И как же мы узнаем, куда он уезжал? — поинтересовался Сварог. — Может, вернемся во дворец и спросим его самого?

— Плох был бы Пятый департамент герцога Лаварона, если б там не знали, куда ездит собственный король, — усмехнулась девушка. — А я, как никак, не последнее лицо в названном Пятом департаменте...

— Я смотрю, у вас в Немедии и в нужник сходить нельзя, чтобы об этом не стало известно в Канцелярии, — пробормотал славянин.

— И куда же ездили король? — вернулся к теме разговора Шамсудин.

— К dame сердца, — ответила Ирина и по-матерински улыбнулась. — Молодой он еще, наш государь... Насколько мне известно, последняя его любовница — некая девица Эле, родом из Офира. Король подарил ей небольшой домик близ Берлина, где и происходят их свидания. Нимед не слишком афиширует свои сердечные связи, но мы-то прекрасно о них осведомлены.

— А королева знает? — поинтересовался Сварог.

— Да, но что она может поделать? — развел руками девушка. — Именно поэтому я до сих пор и не вышла замуж — лучше вовремя бросить мужчину, чем видеть, как он тебе изменяет.

— Я сильно сочувствую мужчине, который решился бы тебе изменить, — пробормотал Сварог.

— И как же мы поступим теперь? — вновь напомнил о деле Шамсудин.

— Отправимся к милейшей Эле и выбьем из нее все, что она знает, — жестко ответила Ирина, и ее маленькие острые зубки блеснули в недоброй улыбке.

* * *

Сварог, Ирина и Шамсудин выехали из Берлина около полудня. Ровная, хорошо наезженная дорога пролегала по берегу небольшой чистой речки, берущей свое начало в Немедийских горах. Их покрытые лесом вершины темнели на фоне ослепительно синего неба и казались совсем близкими.

По обеим сторонам реки утопали в садах загородные виллы дворян и богатых горожан. Путников то и дело обгоняли экипажи, влекомые сытыми холеными лошадьми. По реке на плоскодонных лодочках катались дамы, прикрываясь от солнца разноцветными накидками. Из-за высоких каменных оград доносился звон бокалов и музыка — утомившиеся от дел хозяева и их гости отдыхали и развлекались. Здесь почти не встречались крестьяне или простые Берлинцы — все в этом месте принадлежало сливкам столичного общества.

Домик королевской возлюбленной находился в стороне от дороги, в уединенном месте, почти скрытый от назойливых глаз небольшой тенистой рощей. Сам дом был небольшой, хотя и уютный с виду, зато окружающая его каменная стена и крепкие ворота ясно говорили — здесь не любят незваных гостей. Из сада доносилось негромкое журчание фонтана, где-то тоненько тявкала собачонка — других звуков Сварог и его спутники не слышали.

— Ну что, полезли? — сибиряк привычным взглядом окинул стену в поисках выбоин.

— Еще не хватало! — возмутилась Ирина. — Я, как никак, из Канцелярии, а это кое-что значит даже для любовницы короля.

Спешившись, Ирина подошла к воротам и решительно постучала по ним кулаком. Не дождавшись ответа, девушка вновь постучала, на этот раз каблуком своих высоких сапог для верховой езды — но результат был тот же. Подошел Сварог, загрохотал по воротам рукоятью своего меча — не потому, что надеялся на ответ, а так, для порядка. Обитатели дома упорно не отзывались.

— Похоже, никого нет, — констатировал Шамсудин.

— Не может быть! — удивленно пробормотала рабирийка. — Даже если бы сама Эле уехала — остались бы слуги...

— Придется приехать сюда еще раз, — развел руками полугном.

— Ну вот еще! — сибиряк привычным жестом засунул меч в заплечные ножны. — Тащиться по такой жаре — и так ничего и не узнать? Вы как хотите, а я полез. Глядишь, найду что-нибудь интересное.

С этими словами славянин разбежался и, подпрыгнув, повис на руках, уцепившись за верх ограды. Пыхтя, Сварог подтянулся, перевалил через стену и исчез из глаз. Вскоре треск кустов возвестил о благополучном приземлении славянина по ту сторону ограды.

Ирина и Шамсудин переглянулись.

— Никакого сладу с твоим дружком нет, — сердито сказала девушка и добавила: — Хотя иногда он бывает прав.

— Эй, вы еще здесь? — раздался вскоре приглушенный голос Сварога. — Я нашел в саду два свежих трупа. Открыть вам ворота, или вы предпочитаете через стену?

— Нашел время для шуток! — раздраженно ответила Ирина. — Открывай немедленно!

Послы wholeлся грохот отодвигаемого засова, и ворота открылись. Привязав лошадей, Ирина и Шамсудин вошли в сад, где их поджидал Сварог.

Первый труп они увидели сразу. Немолодая женщина, одетая как служанка, лежала навзничь на посыпанной гравием дорожке. Похоже было, что она пыталась убежать, но арбалетный болт настиг ее совсем близко от ворот.

— Я обошел весь сад, он небольшой, — заговорил сибиряк. — Там, за домом, есть потайная калитка. Сейчас она распахнута, и неподалеку лежит второй мертвец — похоже, садовник или конюх.

Шамсудин наклонился над женщиной.

— Труп еще не успел окоченеть, — пробормотал он. — Убийцы могут быть где-то рядом.

— Во всяком случае, в саду их нет, — уточнил Сварог. — Правда, я слышал отдаленное ржание лошадей где-то в роще, за калиткой.

Только сейчас Ирина заметила, что меч славянина покинул ножны и находится в руках хозяина.

— Думаю, нам стоит посетить дом, — решила девушка. — Хотя, боюсь, нас уже опередили...

Входная дверь была полуоткрыта, около нее жалобно тявкала маленькая пушистая собачонка с алым шелковым бантом на шее. Сварог, Шамсудин и Ирина осторожно вошли в дом — и наткнулись на третью жертву. Тело молодой девушки перегораживало собой ведущую на второй этаж лестницу. На светлом платье напротив сердца расплылось аккуратное алое пятно.

— Знатоки своего дела, забери их Нергал, — пробормотал Сварог.

— Это и есть Эле? — негромко спросил Шамсудин.

— По-моему, нет. Горничная, наверно, — шепотом отозвалась Ирина.

Внезапно тихий доселе дом прорезал женский визг, доносившийся из верхних покоев. Не стираясь, Сварог и Шамсудин помчались по широкой деревянной лестнице наверх. Пробежав через анфиладу комнат, друзья ворвались в небольшую уютную спальню. Широкая кровать под балдахином, тяжелые шторы, создающие приятный полумрак даже в полдень, ароматические курильницы и висящие на стенах картины соответствующего содержания не оставляли сомнения, что эта комната предназначена для более приятного времяпрепровождения, чем сон. Но сейчас здесь готовилось совершиться нечто прямо противоположное игривому духу этой спальни. За роскошной кроватью пряталась молодая женщина, которая от ужаса визжала не переставая. В дрожащей руке она держала бронзовый подсвечник, но было ясно, что это оружие ей не слишком поможет в борьбе с ее противниками. На нее не торопясь наступали двое мужчин с обнаженными кинжалами, третий, с арбалетом на боку, со скучающим видом стоял поодаль, разглядывая рисунок на большой фарфоровой вазе.

— Ай-ай-ай, как нехорошо, — покачал головой Шамсудин и его меч со свистом врезался в бок мужчины с кинжалом.

— Как нехорошо обижать женщин, — продолжил свою мысль полугном и, уклонившись от

брошенного в него ножа, вспорол живот второму незнакомцу.

Сварог тем временем схватился с любителем фарфоровых ваз, который успел вытащить из ножен меч. Оружием тот владел мастерски, и, когда первое изумление миновало, вокруг Сварога заплясало отточенное лезвие, отбить которое было не так-то просто.

Шамсудин мягким движением опустил клинок в ножны и подошел к бледной от страха женщине. Та неуверенно занесла над головой подсвечник, плохо соображая, что она делает.

– Не бойся, госпожа. Мы не причиним тебе вреда, – спокойно сказал Шамсудин, и женщина, всхлипнув, выронила свое оружие.

Позади них раздался грохот – это Сварог своротил тяжелый столик с нефритовой столешницей, уклоняясь от точного удара противника.

– Ты – госпожа Эле, так? – уточнил полугном, окунув быстрым взглядом возлюбленную короля. Она была невысока ростом, полновата, светлые волосы обрамляли простое лицо заурядной горожанки, а серые глаза под белесыми бровями говорили скорее о доброте и покорности, чем об уме или хитрости.

– Да, – бесцветным голосом ответила женщина, машинально сминая трясущимися пальцами оборку на лифе платья.

В дальнем углу комнаты что-то разбилось – это Сварог швырнул в своего врага так понравившуюся тому фарфоровую вазу, но промахнулся.

– Я – Шамсудин из Турана, – представился полугном. – Мы приехали сюда, чтобы кое о чём тебя расспросить – и, кажется, успели вовремя. Хотя твоим слугам повезло меньше.

– Значит, они убили и Кэрин? – прошептала Эле и прижала ладони к задрожавшим губам. – Бедная девочка. Она так и не вернулась в свою Британию...

Послыпалось невнятное проклятие незнакомца – он запутался в тяжелой гардине. Воспользовавшись этим, Сварог прыгнул вперед, намереваясь прикончить врага, но тот ловко перекатился по полу, успев разрубить мечом мешающую ему ткань, и лезвие славянина лишь выбило из вымощенного паркетом пола фонтан опилок.

В комнату стремительной походкой вошла Ирина и, бросив взгляд сначала на трупы, потом на сражающихся, подошла к Шамсудину и его собеседнице.

– Успели – это хорошо, – проговорила девушка, и непонятно было, похвала это или просто мысль вслух. – Тебе повезло, Эле. Благодари этих двух месьоров.

Из глаз женщины потекли слезы. Она благодарно посмотрела на Шамсудина и обернулась в сторону Сварога, который, сцепив зубы, отводил от себя меч противника.

– Спасибо, господа, – послушно сказала Эле, вытирая слезы.

– Не за что, – прохрипел Сварог, отбрасывая назад смертоносное лезвие.

– Я из Пятого департамента, мое имя Ирина, графиня Эрде, – сообщила рабирийка. – Я хочу кое о чём расспросить тебя, Эле. Ты должна все честно нам рассказать – ради нашего короля.

– С ним что-то случилось? – встрепенулась Эле. – Он не приезжал ко мне так давно... Я не знаю, что и думать.

– Возможно, с ним действительно что-то случилось... – начала Ирина, но тут сзади вновь раздался грохот – это незнакомец задел мечом небольшой ореховый комод, и с него посыпались расставленные там серебряные статуэтки. Одна из них подкатилась под ноги Сварогу, тот наступил на нее, поскользнулся и от души выругался.

– Здесь совершенно невозможно разговаривать на важные темы, – поморщилась Ирина и, обернувшись, крикнула славянину: – Ты что, до сих пор не можешь с ним справиться?

— Молчи, женщина, чтоб тебя забрал Сет! — яростно воскликнул Сварог и со злостью обрушил свой меч на противника. Тот не ожидал столь бешеной атаки и, не сумев отбить удар, рухнул на пол с развороченной грудью, забрызгав кровью затянутые светлой тканью стены. Эле взвизгнула и закрыла лицо руками.

— Совершенно незачем было его убивать! — укоризненно сказала Ирина. — Теперь мы не сможем узнать, кто их послал.

Проигнорировав это замечание, Сварог вытер пот со лба и обернулся к Шамсудину.

— Ты, гном-переросток, Нейглам тебе в брюхо, не мог помочь, что ли?

— Зачем? — искренне удивился турец. — Настоящий воин лишь обидится, если ему придут на помощь в схватке с единственным противником.

— Не волнуйся, я бы как-нибудь стерпел эту обиду, — пробормотал славянин, прокляв про себя глупые рыцарские правила офицеров Илдиза.

Покровительственно полуобняв потрясенную Эле, Ирина увела ее в соседнюю комнату и усадила в кресло. Шамсудин занял второе кресло, а Сварог пристроился прямо на массивном обеденном дубовом столе, положив рядом так хорошо послуживший ему сегодня меч.

— Эле, сегодня тебя пытались убить, — без обиняков начала Ирина, заставив женщину вздрогнуть. — Думаю, это связано с нашим делом... Ты знаешь этих людей? — девушка кивнула на дверь спальни.

— Нет, — замотала головой Эле. — Даже не знаю, как они пробрались сюда. Я вышивала, а Кэрин повела гулять Туми, когда в саду послышался крик Бреты — это наша домоправительница. Я подошла к окну, спросила, что случилось, но мне никто не ответил, — женщина зябко повела плечами. — Потом я услышала тяжелые шаги и мужские голоса — и страшно испугалась. А они даже не торопились — знали, что мне некуда убежать. Как я благодарна Митре, что он направил сюда вас! — в серых глазах королевской возлюбленной вновь засияли слезы.

— Проникнуть в твой дом не так уж и сложно, — пожала плечами рабирийка. — К тому же он находится на отшибе, и глаз соседей можно не опасаться.

— Но я никому не причиняла вреда! Зачем кому-то нужна моя смерть? — в отчаянии воскликнула Эле и шепотом добавила: — Неужели мне решила отомстить короля?..

— Королеве сейчас не до тебя, — невесело усмехнулась Ирина. — Король заточил ее в Каземат.

— Не может быть! — ахнула Эле, схватившись за щеки, словно какая-нибудь купчиха.

— Раньше я сказала бы то же самое, — Ирина задумчиво постучала длинными острыми ногтями по каминной полке. — Эле, как давно ты виделась с Его Величеством?

— Почти полную луну назад, — вздохнула женщина. — С тех пор он не приезжал ко мне, а я даже написать ему не решаюсь... Наверно, король обиделся на меня за то, что я устроила ему здесь встречу с тем вельможей. Его Величество всегда говорил, будто приезжает сюда отдыхать, а не заниматься делами, а тут...

— Какую встречу? — насторожилась рабирийка. — С кем?

— Я... я не знаю, — растерялась Эле. — Он сказал, что его имя не имеет значения, что в интересах безопасности... Но я лишь хотела помочь королю! — женщина умоляюще посмотрела на девушку-гуля, словно пытаясь оправдаться за былую доверчивость.

— Эле, расскажи все по порядку, — терпеливо попросила Ирина.

— Чуть больше месяца назад, когда я ожидала приезда короля, — Эле слегка покраснела,

что вызвало на лице Ирины усмешку, – сюда прибыл какой-то человек и просил принять его. Я очень удивилась – ведь ко мне никто не ездит, но он сообщил, что речь идет о жизни Его Величества, и я сразу согласилась поговорить с ним.

– Как он выглядел? – прервала подругу короля рабирийка.

Эле наморщила лоб:

– Ну, у него темные волосы, бороды нет, – женщина сделала неопределенный жест. – Высокий такой, в плаще.

– Ясно, – вздохнула Ирина. – Рассказывай дальше.

– Этот человек сказал, что королю угрожает большая опасность – я толком не поняла, кажется, какой-то заговор, – Эле обвела виноватым взглядом слушающих ее Ирину, Сварога и Шамсудина. – Он так запутанно говорил, а я простая женщина, всяким премудростям не обучена... Этот вельможа попросил сообщить, когда король приедет ко мне, чтобы он смог у меня поговорить с Его Величеством и предупредить о заговоре. Он специально для этого и слугу своего здесь оставил, чтоб я через него подала весть о прибытии короля. И когда Нимед... то есть наш король мне письмо прислал, что на днях будет – я тотчас этого слугу и отправила с поручением к тому господину.

– Эле, неужели ты веришь всему, что тебе говорят? – не вытерпела Ирина. – Зачем этому господину тайно поджидать короля у тебя, рискуя навлечь на себя гнев Нимеда, вместо того чтобы просто обратиться к нему во дворце? Об этом ты не подумала?

– Я... я думала... мне казалось... – залепетала Эле, но по ее расстроенному круглому лицу было ясно видно, что она много не думала, а просто делала то, что ей говорил незнакомый мужчина, ради спасения ее любимого короля.

– Ну, и что дальше? – смягчившись, спросила Ирина.

– Дальше – тот вельможа тотчас приехал, с ним было еще трое друзей. Они ждали до вечера, пока не появился король, – Эле невольно вздохнула. – Я ему все рассказала, он меня начал ругать, как и вы, но я так умоляла его поговорить с ними, что он согласился. Они проговорили до полуночи, а потом те четверо вышли и сказали, будто Его Величество предупрежден о заговоре, но сейчас он утомился, и чтоб я ему не мешала отдохнуть.

– Великий Митра, и ты не проверила все ли хорошо с Нимедом?! – всплеснула руками Ирина.

– Нет, я вошла в спальню – они там беседовали, – Эле указала на дверь. – Однако король действительно спал, как младенец. А утром он проснулся такой холодный и чужой, даже ласкового слова мне не сказал. Так и уехал, – грустно закончила женщина.

– А тот вельможа с друзьями? – поинтересовался Сварог.

– Они еще ночью уехали, даже рассвета ждать не стали, – Эле робко посмотрела на Ирину, которая, очевидно, внушала ей наибольшее почтение. – Но ведь эти люди ничего с королем не сделали!

– Как знать, – весомо проговорила рабирийка и мягкой походкой прошлась по комнате.

– Король ездит к тебе без охраны, госпожа? – внезапно спросил Шамсудин.

– Конечно с охраной, – удивилась Эле. – В саду для них есть флигелек, там они и ожидают.

– Так-так, – покивал головой полугном. – В саду, значит... Если б эти люди захотели убить короля, они могли бы спокойно это сделать в доме. Но они не захотели...

– Как выглядели остальные трое, тоже не помнишь? – без особой надежды поинтересовалась Ирина.

— Да я их не разглядывала, — жалобно сказала Эле. — Обычные люди, молодые, одеты хорошо.

— А никто из них не прятал лицо — под плащом, например? — снова задал вопрос Шамсудин.

— Не помню. Кажется, нет. А зачем? — простодушно удивилась Эле.

— Действительно, незачем. Знали, с кем дело имеют, — проворчала Ирина. — Это все, что ты знаешь, Эле?

— Да, — виновато отозвалась королевская возлюбленная. — Я ведь живу здесь совсем одна, даже новостей последних не знаю. Поехала я было в Берлин на днях — а под моим экипажем мост через овраг рухнул. Я вместе с Кэрин пешком шла, потому и жива осталась, а кучер наш насмерть разбился. Я так испугалась, что больше и не ездила никуда. А еще пожар у нас начался недавно. Хорошо, Берн вовремя заметил и потушить успел. И чем я Митру прогневила, что на меня столько бед валится? — Эле совсем по-детски всхлипнула.

— Боюсь, госпожа, что прогневила ты не Митру, а вполне обычных людей, — заметил Шамсудин. — То, что ты знаешь, для них опасно, поэтому и пожар, и мост, и эти приятные месьоры с кинжалами.

— Но я ничего не знаю! — воскликнула Эле.

— Эти люди считают иначе, — пожал плечами полугном.

Ирина, на мгновение остановившись перед висящим на стене большим серебряным зеркалом, поправила уложенные на голове в виде короны косы и обернулась к мужчинам.

— Думаю, больше здесь мы ничего не выясним, — заметила она. — Можно возвращаться в город.

— Это точно! — обрадовался Сварог, на протяжении всего разговора беспрестанно ерзавший на жестком столе.

— А я? Что мне делать? — взмолилась Эле. — Я боюсь здесь оставаться!

— Я бы на твоем месте, дорогая, скрылась бы отсюда как можно скорее, — Ирина изящным движением смахнула с рукава невидимую соринку и направилась к лестнице.

— Но куда же мне ехать? — растерялась женщина. — И потом, Его Величество...

— Я бы не рассчитывала на короля, особенно в свете последних событий, — усмехнулась рабирийка. — И поезжай куда угодно — лишь бы подальше от Берлина, а лучше — от самой Немедии. Деньги есть? Еще и драгоценности? Вот и отличненько.

* * *

Покинув плачущую и суетливо собирающуюся в дорогу Эле, Ирина, Сварог и Шамсудин двинулись в обратный путь. Последние лучи солнца еще золотили вершины Немедийских гор, а в долинах уже наступили сумерки. В окнах вилл уютно зажглись огоньки, неподалеку шумела почти неразличимая в полутьме река. Путники подгоняли лошадей, торопясь вернуться в столицу, пока не закрыли городские ворота.

— Узнали мы немного, но то, что узнали, весьма любопытно, — задумчиво проговорил Шамсудин.

— И что король нашел в этой женщине? — надменно произнесла Ирина. — Променять

умницу и красавицу королеву на какую-то набитую дуру!

— В наше время, увы, ум и доброта редко ходят вместе, — печально улыбнулся полугном. Ирина невольно покраснела и слегка торопливо заговорила:

— Впрочем, это неважно. Теперь о деле. Думаю, те четверо имели прямое отношение к перемене, произошедшей с королем. История с мнимым заговором годна лишь на то, чтобы обмануть такую простушку как Эле. Она даже не догадалась подслушать, о чем говорили король и эти незнакомцы! — девушка досадливо поморщилась.

— Но что же они сделали с Нимедом? — подал голос Сварог. — Может, подпоили чем?

— Это только тебя можно подпоить, причем без особого труда, — вяло съязвила Ирина.

— Знаете, когда я был молод и в гвардии Илдиза считался всего лишь мешратом-новобранцем, — неторопливо начал Шамсудин, — учил меня владению метательными звездочками один седой уже воин. А говорили про него, что он знатного рода, чуть ли не родич эмира, и мы удивлялись — почему в таком случае прозябает он на должности джабуба — наставника безусых юнцов? И однажды, выпив крепкого керзаза, поведал он мне, что в молодости принимал он участие в заговоре против отца аграпурского эмира. Заговор, конечно, раскрыли, и мой наставник, едва избежав позорной смерти на колу, был вынужден всю жизнь влачить существование простого солдата, хотя по своему рождению мог бы командовать армией. А заговор задуман был хитро, — полугном значительно посмотрел на заинтересовавшихся его рассказом Ирину и Сварога. — У тогдашнего эмира был большой гарем и много детей. Однако один из его сыновей был очень уж похож на принца-наследника, поскольку рождены они были от двух сестер, только одна была старшей женой эмира, а другая — лишь наложницей. И заговорщики хотели тайно подменить законного наследника его двойником-братьем, а потом эмира отравить. Тогда на престоле оказался бы человек, связанный с ними одной тайной и потому послушный их воле, — Шамсудин замолчал, давая слушателям возможность осмыслить эту историю.

— Но единственный брат Нимеда умер еще в младенчестве, — задумчиво протянула Ирина. — И не всегда братья бывают так похожи, что их трудно различить.

— Я знал таких умельцев, что могут сделать из одного человека другого — родная мать не узнает, — вмешался Сварог. — Очень удобно, когда тебя ищут стражники или осерчавшие дружки.

— Вот-вот, — кивнул полугном. — Заговорщики могли увезти из дома Эле настоящего короля, оставив вместо него двойника, который теперь и правит Немедией. Потому и королева в тюрьме — чтобы не почувствовала подмены. И казнят высокопоставленных дворян для того, чтобы освободить их места для участников заговора.

— Да — но кто это сделал? — воскликнула девушка. — Кто были те люди, что приезжали к Эле?

— Я тут перед уходом пошарил за пазухой у этих парней, — признался Сварог. — Думал — мало ли, драгоценности у них с собой есть или золото. Им-то оно без надобности, а нам пригодится. И вот что у одного нашел, — славянин протянул Ирине свиток в кожаном футляре.

Девушка нетерпеливо открыла футляр и пробежала глазами бумагу.

— Ах ты, ворюга, — ласково произнесла Ирина и вслух прочитала: — “Удостоверяю, что предъявитель сего документа действует с согласия Его Величества короля Нимеда и для блага Немедии.” Это значит, что владеющий этой бумагой может делать все, что угодно, а если ты попытаешься его остановить, то будешь считаться государственным изменником, — пояснила рабирийка. — Но самое главное — здесь имеется подпись! Вот, пожалуйста:

“Советник Его Величества Эрих, барон Вольденский”, – Ирина хмыкнула. – Что-то не припомню я такого. Вот с этим скороспелым советником мы и побеседуем в ближайшее время, – девушка одарила сибиряка благосклонным взглядом: – Нет, Сварог, от тебя действительно порой бывает польза!

– Покорно благодарю, – буркнул славянин. – Я-то думал, ты способна сказать хорошее только о мертвце.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Ну, крошка, наконец-то мы одни!

Сварог довольно улыбнулся и энергично потер руки. Сидящая рядом Ильма, опустив ресницы, жеманно заулыбалась.

Все предыдущие дни были наполнены бурными поисками загадочного барона Вольденского, возглавляемыми неугомонной Ириной и проводимыми, по мнению Сварога, с излишней суетой и торопливостью. Попытавшись было разузнать об этом человеке через налаженную сеть штатных осведомителей Канцелярии, девушка заметила, что чиновники начинают проявлять к ее деятельности подозрительный интерес. В былые времена Ирине было достаточно погрозить своим тонким пальчиком, чтобы напуганные служаки мигом оставили ее в покое. Но в наступившие для Немедии смутные дни, когда головы летели с плеч без всякого повода, приходилось проявлять осторожность.

Подумав, рабирийка решила не пользоваться служебным положением, а действовать самостоятельно, точнее, с помощью находящихся под рукой Сварога и Шамсудина. Славянину и полугному приходилось с утра до ночи метаться по Берлину, расспрашивая всяких лавочников, слуг и прочий люд и стараясь при этом, по выражению Ирины, “не возбуждать подозрений”. Сварогу до невозможности претило подобное занятие, и он норовил отсидеться в какой-нибудь полутемной уютной таверне, предоставляя своему товарищу проводить поиски самостоятельно.

Но, в конце концов, Шамсудину повезло — на базаре он разговорился с весьма бойкой молодой особой, как оказалось, служащей в доме того самого барона, о чем она почти сразу сообщила туранцу. Обходительный полугном оказал на девушку такое впечатление, что она поведала ему историю всей своей нехитрой жизни, а заодно и все, что знала о своем хозяине. Оказалось, что месьор Эрих баронство получил совсем недавно, и месяца еще не прошло, а до этого он был лишь младшим сыном захолустного немедийского дворянина, и даже захудалое поместье папаши ему не светило. Жил месьор Эрих в столице давно, надеясь сделать карьеру при дворе, да все как-то не выходило. А тут — такая неожиданная удача! Девушка взвужденно рассказала Шамсудину, какой дорогой особняк купил ее хозяин, сколько новых слуг нанял и какой теперь у него великолепный экипаж, запряженный четверкой белых лошадей — специально из Зингары выписывали! А в королевском дворце он теперь бывает, почитай, каждый день, и состоит в близких друзьях Его Величества. И какие он устраивает балы! Закатив глаза, молодая служанка описала туалеты любой половины тех дам, что бывали в гостях у ее господина. Шамсудин все это терпеливо выслушал, чем окончательно завоевал сердце девушки. Ему даже не пришлось расспрашивать, где находится особняк барона — нежно склонившись к уху Шамсудина (ибо девушка была едва ли не на голову выше своего собеседника), служанка сама пригласила туранца к себе в гости, описав, как добраться до жилища ее хозяина и где находится ее комната.

Ирина несказанно обрадовалась такой удаче. В ее изящной головке тут же сложился план, как им проникнуть к новоиспеченному барону. Шамсудину надлежало оправдать ожидания молодой служанки и заявиться к ней в гости, взяв с собой Ирину и представив ее своей сестрой, желающей наняться в услужение к господину Эриху.

— Главное — попасть в дом, а там посмотрим, — говорила рабирийка, тщательно убирая волосы под чепец, какие носили простые горожанки. — Думаю, случай поговорить с

господином Эрихом представится обязательно. Чтобы вытянуть из него все, что он знает, я могу намекнуть на свою близость к Нимеду – это его удивит, а также на свой высокий пост в Канцелярии – это его испугает...

– Больно сложно все у вас, – проворчал Сварог, развалившись на кровати и потягивая отличный эль, которым славился “Королевский плот”. – Подкараулить бы вашего барона в темном месте, вытащить из экипажа с белыми лошадками, приставить нож к горлу – мигом бы все выложил: и что знает, и что не знает. Мы бы вопросы задавать не поспевали.

Ирина поморщилась:

– Ты как славянином родился, Сварог, так им и останешься. Никакого понятия об интриге и тонкой дипломатии! – девушка вновь обернулась к маленькому зеркальцу, которое со стойческим видом держала перед ней Ильма. – Может, нам удастся подкупить этого человека, и он будет действовать на нашей стороне. Хотя обычно гораздо лучше подкупа действует запугивание, – Ирина нацепила поверх скромного платья дешевые бусы из каких-то камешков и, обернувшись к мужчинам и скромно сложив руки, полушепотом произнесла:

– Простите, господин... Нашей семье нужен кусок хлеба, и я подумала, что вы согласитесь нанять меня... Да, я могу готовить и стирать – все, что угодно, господин...

Куда девалась гордая столичная аристократка, привыкшая запросто общаться с королем? Перед ними стояла, опустив голову в блеклом чепце, бедная городская девушка, согласная на любую работу, лишь бы помочь своей большой и вечно голодающей семье. Что ни говори, а способностью к перевоплощению за свою долгую бурную жизнь Ирина овладела мастерски.

– Просто замечательно, – одобрил Шамсудин.

– Аппетитная из тебя служаночка получилась, – хмыкнул сибиряк.

– Ты, Сварог, остаешься охранять Ильму и девочку, – уже своим обычным, не терпящим возражения тоном сказала Ирина. – Головой за них отвечаешь! Не вздумай пить или отправиться играть в кости.

– И не собирался, – пробормотал славянин. – Меня ожидает более приятное занятие, – и он бросил многозначительный взгляд на Ильму, которая в этот момент жадно примеряла снятые Ириной при переодевании дорогие серьги.

Ирина подошла к Шамсудину и взяла его под руку. При том, что коренастый круглицы турец был совсем не похож на тоненькую изящную девушку-гуля, в них чувствовалась какая-то родственность. Их словно объединяла некая загадочность – оба они внешне казались не теми, кем были на самом деле. У Сварога мелькнула мысль, что невозмутимый Шамсудин гораздо больше подходит Ирине, чем он сам, и что их короткий роман был обречен с самого начала.

– Ждите нас здесь, – уже на пороге комнаты продолжала командовать Ирина. – На улицу не выходите, это опасно для Ильмы. Если ее кто-нибудь узнает – все пропало.

Ильма вздохнула и за спиной Ирины скрчила гримаску, означающую, что ей давно надоело самоуправство рабирийки.

– Не упускай случая, развлекись, если сможешь, – подмигнув, напутствовал друга славянин и напоследок увесисто хлопнул Шамсудина по плечу.

И вот теперь тайное желание Сварога наконец сбылось – ничто не мешало его маленькому приключению с беглой дочкой немедийского вельможи. Подсев к Ильме, Сварог полуобнял ее за плечи и начал нашептывать всякую дребедень, на которую обычно падки женщины. Ильма заливалась краской и беспрестанно хихикала, словно не замечая, что правая рука сибиряка уже начала развязывать тесемки на лифе ее платья. Неожиданно Ния,

которая до этого, казалось, спала, свернувшись клубочком на широкой кровати, приподнялась на локте и мрачно взглянула на шушукающуюся парочку.

— Я хочу есть! — заявило белокурое созданье, одарив слегка смущенного Сварога враждебным взглядом.

— Ах, Ния, мы же недавно обедали! — недовольно воскликнула Ильма, оправляя одежду и отодвигаясь от славянина.

— Ну и что! — упрямо сказала девочка. — А я еще хочу! Будешь плохо за мной ухаживать — я папе пожалуюсь!

Ильма вздохнула и принялась раздраженно натягивать на Нию верхнее платьице. Девочка победно посмотрела на Сварога и показала ему язык. Это окончательно разозлило сибиряка, чья личная жизнь вот-вот должна была пойти прахом из-за капризного младенца.

— Ну, вот что, — решительно сказал Сварог, бесцеремонно схватив девочку под мышки, как котенка. — Я посажу тебя за стол внизу, в общем зале, закажу тебе чего-нибудь поесть, и ты будешь сидеть там, как мышка, пока мы с твоей мамой тут поговорим о всяких важных делах. Иначе я запрячу тебя в подпол, где живут огромные крысы, и еду тебе будут спускать на веревке. Понятно? — сибиряк встряхнул Нию так, что у той клацнули зубы.

— А мой папа... — нерешительно начала девочка, с некоторым страхом глядя на славянина.

— А твой папа мне только спасибо скажет, что я избавил его от такого вредного дитяти, — и сибиряк улыбнулся Ние той улыбкой, что обычно предназначалась врагу перед тем, как выпустить из него кишки.

— Подожди, Сварог, нельзя оставлять ее там, это опасно! — заговорила Ильма, схватив славянина за локоть.

— Да что ей сделается! — небрежно произнес Сварог. — Подумаешь, посидит одна некоторое время. Ведь ты будешь вести себя хорошо, малышка? — славянин грозно посмотрел на Нию. Та побледнела и судорожно кивнула.

— Но... Ирина велела... Мы не можем... — растерянно залепетала Ильма. Сварог поставил Нию на пол и повернулся к девушке.

— В наши нелегкие времена никогда нельзя отказываться от маленького удовольствия — ведь оно может оказаться последним, — и, обняв Ильму, Сварог закрыл ей рот долгим поцелуем. Вначале девушка сопротивлялась, но вскоре ее руки удобно устроились на широких плечах славянина, а глаза томно закрылись.

— Подожди, киска, я быстро, — заверил сибиряк и, подхватив оторопевшую Нию, выскочил в коридор.

...Сварог вытянулся на постели, точно умиротворенный сытый лев. Избавившись в жарких объятиях от снедавшей его силы, сибиряк чувствовал себя несколько усталым, но вполне довольным. Рядом тихо дремала Ильма, положив руку на смуглую мускулистую грудь славянина. Она оказалась ласковой и покорной, с ней было легко и спокойно — не то что с утонченной непредсказуемой Ириной. Сварог вновь вспомнил свой быстротечный роман с рабирийкой и не смог удержаться от некоторого сожаления. Что ни говори, а такие девушки, как Ирина, попадаются очень редко, как золотой самородок в песке...

Внезапно в дверь резко и нетерпеливо постучали. Ильма вздрогнула и села на постели, натягивая на голые плечи одеяло.

— Кого там Сет принес? — недовольно поинтересовался Сварог.

— Открывай немедленно, где ты там застрял?! — раздался в ответ знакомый звонкий

голос.

— Помяни демона к ночи — он и появится... — проворчал сибиряк с досадой.

Пока Сварог натягивал штаны и сапоги, а Ильма торопливо приводила себя в порядок, они выслушали от стоявшей под дверью Ирины немало интересных вещей о себе самих, а также о собственных родителях и ближайших родственниках. Наконец, сибиряк отодвинул засов, и разъяренная до предела рабирийка ворвалась в комнату, точно разгневанная Иштар на оргию святотатцев.

— Чтоб у тебя то самое отсохло! — яростно обратилась Ирина к Сварогу. — Мы влипли Нергал знает во что, а он только об одном и может думать!

— Не ревнуй, крошка, — добродушно произнес сибиряк. — Я же не знал, что это тебя так расстроит.

— Расстроит! — сердито бросила рабирийка. — Мне не до твоих шашней со всякими тут... — девушка бросила уничтожительный взгляд на жмущуюся в уголке Ильму. — У нас большие неприятности, клянусь Митрой! — и Ирина устало опустилась на скамью.

— Что случилось? — сдвинул брови Сварог.

— Ничего хорошего, — мрачно ответила Ирина. — Та девица провела нас в особняк барона, мы с ней поговорили о том, о сем, потом попросили отвести к ее хозяину — якобы просить принять меня на службу. Она привела нас к кабинету этого Эриха. Мы под благовидным предлогом от нее избавились и вошли. А там господин барон валяется в луже крови и из горла кинжал торчит. И кровь еще свежая, — девушка безнадежно махнула рукой. — Я было кинулась в его бумагах копаться, что на столе лежали — а тут городская стража. Навел кто-то... Меня не тронули, приняли за служанку... Шамсудина сразу повязали, да он и сопротивляться не стал, только повторял, что невиновен...

— Узнаю старого друга, — проворчал Сварог. — Теперь небось свою невиновность в тюрьме доказывает.

— Похоже на то, — кивнула Ирина и стиснула ладони в кулаки. — Неужели за нами следили?! Но, клянусь волосами Иштар, я бы заметила соглядатая!

— Может, по вашим следам шла опытная ищейка, вот ты и проглядела, — предположил Сварог.

— Я уже добрых шестьдесят лет работаю на Канцелярию, так что кое-какой опыт тоже имеется, — холодно проговорила девушка.

— Теперь он нам очень пригодится, когда будем этого наивного нелюда вызволять, — примирительно сказал сибиряк.

Ирина начала машинально развязывать ленту на чепце, задумчиво оглядывая комнату. Вдруг она вскочила и в упор посмотрела на Сварога.

— Где ребенок? — очень тихо спросила девушка.

— А, девочка? — не чувствуя угрозы, беззаботно отозвался славянин. — Так она внизу, ест. Ты ее разве не заметила, когда входила в гостиницу?

— Внизу? Одна?! — в голосе Ирины прозвучал такой ужас, что с губ Сварога сползла ухмылка. — Ты... вы... — рабирийка задохнулась и бросилась вон из комнаты. Вскрикнув, Ильма выбежала за ней.

— Что они, с ума посходили? — Сварог недоуменно пожал плечами. — Можно подумать, что за этой писклявой девчонкой охотится пол-Немедии.

Через некоторое время девушки вернулись. Не глядя на Сварога, Ирина подошла к столу, села на скамью и уткнула лицо в ладони. Плетущаяся за ней Ильма беспрестанно

всхлипывала. Сварог понял, что на аресте Шамсудина их неприятности отнюдь не кончились, а только начались.

— Ирина, я... я не думала... Ирина, пожалуйста... — лепетала немедийка, покаянно опустив голову.

— Я сама виновата, — глухо сказала Ирина. — Понадеялась на похотливого славянина и дуру-служанку. Доверила им самое ценное, что у нас было и что могло помочь нам распутать весь узел — и они успешно это проморгали. Великий Митра, как я была глупа!

— Что случилось-то? — обратился сибиряк к Ильме. — Ребенок исчез?

— Увели, — губы немедийки плаксиво скривились. — Хозяин гостиницы сказал, какой-то мужчина поговорил с Нией и увел с собой. Кто это был — хозяин не знает, но, говорит, человек не бедный, сразу видно, — девушка расплакалась в голос. — Что же мы наделали?!

— Да из-за чего такой переполох? — растерянно спросил Сварог. — Найдем мы твою дочку, Ильма. Кому нужна пятилетняя капризная девчонка?

В отчаянии Ирина стукнула кулаком по столу.

— Это не девчонка! — закричала она, яростно глядя на сибиряка. — Это мальчик! И не просто мальчик, забери тебя Нергал — это наследник трона, сын короля Нимеда!

* * *

— Во имя Крома, трудно было еще в Шусфе все объяснить? — в который раз спрашивал Сварог. — Зачем было городить эту дурацкую историю со сбежавшей дочкой барона? Сказала бы прямо — это сын Нимеда, так я бы с мальчишки глаз не спускал! А ты опять хотела заставить нас играть вслепую по твоим правилам — и перегнула палку. Так что виноваты не только мы с Ильмой.

— Может быть, — тусклым голосом согласилась Ирина. — Но за свою долгую жизнь я твердо усвоила одну истину — никому не доверяй, если хочешь чего-нибудь добиться. Люди слабы и могут предать тебя в любой миг. Поэтому, когда в Шусфе я узнала переодетого девочкой маленького принца, я решила не говорить вам, наскоро сочинила историю с побегом от сурового отца, а Ильме велела разыгрывать из себя баронскую дочку. Впрочем, с этой ролью онаправлялась из рук вон плохо, — рабирийка грустно усмехнулась.

— Конечно, откуда мне знать, как должна вести себя дочь богатея? — запальчиво сказала Ильма. — Да, я служанка — но не чья-нибудь, я служанка самой королевы! Именно мне королева Рэлея, перед тем как оказаться в темнице, доверила увезти сына, чтобы спрятать его от сошедшего с ума короля!

— А ты ее доверия не оправдала, — холодно произнесла Ирина, и Ильма съежилась под острым взглядом рабирийки.

— Значит, те парни, что пытались забрать Ильму в Эдесе — вовсе не наемники? — поинтересовался Сварог.

— Да, это королевские солдаты, — кивнула рабирийка.

— Твоя истина хороша, Ирина, но невозможно никому не доверять, — Сварог покачал головой. — В любом бою кто-то должен прикрывать тебе спину. А в Дэлираме ты могла заметить, что на нас с Шамсудином можно положиться. Так что тебе следовало сказать нам

все.

— Сомневаюсь, чтобы ты отказался от возможности прилечь с молодой девицей даже ради сына самого Митры! — Ирина безнадежно махнула рукой. — Впрочем, что теперь спорить... Сейчас удача не на нашей стороне. Мы почти ничего не узнали, потеряли принца, а Шамсудин оказался в тюрьме. Думаю, мальчика искать бесполезно — тот, кто его забрал, наверняка узнал сына Нимеда, и теперь или отведет его к королю, или надежно спрячет. Так что зайдемся вызволением твоего друга, — в желтых глазах рабирийки вновь засверкала жажда действия.

...Отечественной системой правосудия в Немедии гордились, пожалуй, не меньше, чем вышколенностью солдат немедийской армии. Когда путешественники из далеких стран повествовали о чудесах и красотах их родины, местные жители неизменно отвечали: “Зато у нас справедливые суды!” И посрамленный рассказчик замолкал, ибо что значат какие-то экзотические диковинки по сравнению с возможностью быть осужденным и повешенным строго в соответствии с законом?

...Не обратив никакого внимания на очередь толпящихся у здания женщин с узелками, Ирина твердой рукой толкнула тяжелую дверь тюремной канцелярии. Сварог последовал за ней, хотя вид Берлинкой тюрьмы навевал на него тяжелую тоску. Впрочем, на сибиряка могла навести тоску любая тюрьма, поскольку в добре десятке городов власти имели вполне законное право надолго поселить его в этом уютном заведении.

Строго говоря, Берлинская темница состояла из двух отдельных тюрем. В первой — старом здании унылого серого камня, построенного Митра весть когда, содержали обычных воров и убийц до вынесения им приговора, после чего их либо ссылали на рудники в Немедийские горы, либо принародно вешали в особо отведенном для этого месте. Вторая тюрьма представляла собой башню, создатели которой явно находились под впечатлением от знаменитой Железной Башни, что украшает собой аквилонскую столицу. В эту башню, называемую в городе устрашающим словом Каземат, заключали высокопоставленных государственных преступников, обвиненных в измене или просто помешавших кому-то, приближенному к королю. Говорили, что в Каземате одни камеры похожи на дворцовые апартаменты, а в других нет даже окна и узник не может выпрямиться в полный рост. Говорили, что некоторые заключенные находятся в Каземате по тридцать-сорок лет, живые, но забытые всеми, разучившиеся говорить и отвыкшие от дневного света. Ее пыточными комнатами пугали друг друга Берлинские мальчишки. А сейчас где-то за одним из этих зарешеченных маленьких окон томилась королева Немедии.

В тюремной канцелярии царила кипучая деятельность. Ее служащие часто жаловались, что работы у них гораздо больше, чем, например, у писцов Королевской или Тайной канцелярий, а платят им гораздо меньше. Здесь записывали имена вновь прибывших заключенных, распределяли их по камерам, назначали довольствие, разрешали свидания и принимали еду и одежду для узников, передаваемые их женами. Здесь же взятых под стражу допрашивали и назначали день суда, который заседал в зале этажом выше.

Звонко стучала каблучками своих туфель по каменному полу, Ирина подошла к сидевшему за столом румянему юноше, усердно что-то писавшему в толстой регистрационной книге.

— Молодой человек, вчера к вам должны были привести мужчину по имени Шамсудин, — начала Ирина, небрежно вертя на пальце свое кольцо с топазом. Юноша поднял голову от записей и уставился на рабирийку пустым остекленевшим взглядом статуи. Девушка-гуль вытащила из висящего у нее на руке расшитого кошелька монету и незаметно уронила ее на

раскрытою книгу писца. Его глаза мигом ожили, и на румяном лице появилась приятная улыбка.

— Насчет новеньких — это не ко мне, госпожа, — сказал юноша. — Это к моему начальнику, вон он сидит, — и юноша указал на худого бледного мужчину, столь же усердно заполнявшую точно такую же на вид книгу.

Ирина кивнула и направилась к нему. Идущий за ней Сварог заглянул было в книгу юноши, чтобы определить величину полученной от рабирийки мзды, но толстые листы были уже чистыми, как взгляд молодого писца.

— Мне нужно узнать, не содержится ли у вас человек по имени... — заговорила Ирина, но худой мужчина даже не поднял головы, продолжая писать. Девушка вновь вытащила из кошелька монету и положила ее на стол. Мужчина поднял голову и молча посмотрел на Ирину, словно не замечая подношения. Рабирийка достала вторую монету и положила ее рядом с первой. Обе монеты мигом исчезли, а мужчина изобразил на лице любезное внимание.

— ... человек по имени Шамсудин, родом из Турана, — закончила Ирина.

Худой мужчина кивнул и начал листать свою книгу. Просмотрев несколько листов, он покачал головой:

— Такого к нам не приводили. Может, он назывался другим именем?

— Как же, догадается он, — пробурчал Сварог.

— Его взяли под стражу вчера, — настаивала Ирина. — Невысокий такой, с бородкой и залысинами, в черном плаще...

— У него еще мышь с собой была, летучая, — добавил штрих к портрету друга Сварог.

— Не помню, — развел руками служащий. — У нас их столько бывает — и с бородами, и с мышами, всех не упомнишь...

Ирина и Сварог разочарованно переглянулись.

— Знаете что, — вдруг сказал мужчина, — может, его не к нам посадили, а в Каземат? По Каземату у нас записей не ведется. Попробуйте спросить вон у того человека — он там надзирателем служит. Глядишь, и вспомнит вашего приятеля.

Указанный начальником писцов человек, пожилой толстенький господин, был больше похож на повара, чем на надзирателя. В канцелярию он зашел, по-видимому, просто поболтать со служащими. Когда Ирина и Сварог подошли к нему, он сразу обернулся, оживляясь при виде нежданных собеседников.

— Погожий сегодня денек, не правда ли? — жизнерадостно заговорил он. — Солнышко так и пригревает!

— Да, конечно, — вежливо согласилась Ирина. — Мы бы хотели выяснить...

— Ах, госпожа, какой ладное платье на вас! — надзиратель восхищенно поцокал языком. — Это где такие шьют? Я бы дочеке заказал, она у меня такая модница.

— Мы ищем человека по имени... — терпеливо продолжила девушка.

— Все сейчас кого-нибудь ищут! — посетовал толстяк. — Вот недавно женщина приходила, так она сына ищет. А знаете, что он натворил? — надзиратель трагически всплеснул руками. — Он забрался в дом одного известного в городе месьора и мало того, что украл все его драгоценности, так еще и успел развлечься с его юной женой, негодник этакий...

Пока толстяк говорил, Ирина достала очередную монету и опустила ее в широкую ладонь надзирателя.

— А вы, значит, кого ищете? — словно невзначай поинтересовался тот.

– Шамсудин из Турана, – быстро ответила девушка-гуль. – Невысокий, с бородкой, он еще летучую мышь с собой носит.

– А, летучая мышь... – надзиратель недовольно потер свежую царапину на лбу. – Как же, помню такого. Вчера привели. Вежливый такой господин. Я ему и камеру хорошую подобрал, с видом на горы.

– В чем его обвиняют? – встревоженно спросила Ирина. – Когда будет суд?

– Вот, знаете, что не люблю, так это бывать на судах, – оживленно заговорил толстяк. – Душно, жарко, мухи жужжат, заключенный ругается...

Ирина сунула ему в руку еще монету, и надзиратель тут же прервал свое разглагольствование.

– Тех, кто в Каземате сидит, обычно не судят, милочка, – заметил он. – Знать, ваш друг не обычный преступник, раз к нам попал. Из Каземата одна дорога – к Нергалу.

– Эй, подожди-ка, при чем тут Нергал? – вмешался Сварог. – Шамсудин же ничего не сделал! Шел к человеку поговорить – а тот мертвым оказался. И за это в башню сажать?!

– О, какой живописный молодой человек! – обрадовался толстяк. – Вы, позвольте спросить, откуда родом? Не из Гандерланда случайно? А то у меня брат туда ездил, и...

– Ирина, дай ему еще монету, а не то я засуну ее ему в глотку! – прорычал взбешенный сибиряк.

– Слышал я кое-что насчет вашего друга, – заговорил надзиратель, пряча полученное от девушки подношение. – Вроде, взяли его в доме одного влиятельного вельможи, чуть ли не друга короля. И обвиняют его не просто в убийстве, а в заговоре против короны! – толстяк выразительно развел руками. – Ежели суд и будет, то закрытый. Вы об этом узнаете, только когда вашего Шамсудина в черной тележке вместе с палачом на площадь Трех Ворот повезут.

– Эх, Кром! – Сварог стиснул кулаки. – Угораздило же Шамсудина, сто демонов ему в печеньку!

Нахмутившись, Ирина на мгновение задумалась и обернулась к надзирателю.

– Я слышала, из Каземата года два назад был совершен побег. – вкрадчиво сказала девушка.

– Побег? У нас? – ужаснулся толстяк, замахав жирными руками. – Этого не может быть!

Ирина небрежно сняла с пальца кольцо и протянула его надзирателю.

– Что вы, такое дорогое... – запротестовал он.

– Твоей дочери, – пояснила рабирийка. – У меня достаточно драгоценностей.

– Достаточно? – надзиратель бросил на девушку-гуля острый взгляд. – Что ж, приходите ко мне домой – я близко отсюда живу, как раз на Тюремной улице, спросите там дом Толстяка Серкла. Дочка будет рада знакомству с таким молодцем, – второй острый взгляд предназначался Сварогу. – Заодно и поговорим. Только, госпожа, драгоценностей понадобится ой как много...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тюремная улица, мало соответствуя своему названию, была уютной и светлой. Небольшие разноцветные домики горожан с твердым доходом, окруженные каждый маленьким палисадом, радовали глаз после больших неуклюжих каменных зданий в центре Берлина, где не было ни единой травинки, а мусор вываливали прямо на узкие улочки. Жилище тюремщика Серкла Ирине и Сварогу показали сразу. Его дом отличался от соседних тем, что на всех окнах красовались решетки.

— Да у нас недавно новые в камеры ставили, а эти выбросить хотели. Я подумал — что добру пропадать? Вот и пристроил их сюда, — пояснил хозяин, впуская гостей.

Цыкнув на заливавшуюся лаем дворовую собаку, сидевшую на толстой цепи с кандалами на конце, Серкл провел Ирину и сибиряка в дом. К их немалому удивлению, там был накрыт стол, за которым уже восседал немолодой чернобородый мужчина.

— Это мой друг Ранд, — представил мужчину Серкл. — Он в Каземате стражником служит. Зашел вот на огонек... Вы садитесь, не отказывайтесь от скромного угощения, уважьте!

Ирина, собиравшаяся было опуститься на широкую дубовую скамью, внезапно охнула и отпрянула.

— Там кровь! — воскликнула девушка, указывая на скамью.

— Да, — расстроено подтвердил хозяин. — Дочка отмывала-отмывала, да она крепко въелась уже, ничего не сделать. Конечно — скольких бедолаг на этой скамье пытали! Мы-то привыкли и внимания не обращаем, — Серкл суетливо накинул на скамью старый ковер. — Так получше?

Ирина сердито взглянула на услужливого толстяка и, подобрав юбку, уселась за стол. Сварог примостился рядом и первым делом потянулся к оловянному кубку, в котором что-то многообещающе плескалось. Взяв кубок в руки, Сварог обнаружил на его боку клеймо Берлинской тюрьмы и торопливо, точно обжегшись, поставил обратно.

— Вино не понравилось? — казалось, хозяин сейчас расплачется. — В Каземате его только самим важным узникам подают! Неужто плохое?

— Забери тебя Сет с твоими тюремными штучками! — невнятно пробурчал славянин и вновь взял кубок.

— Иногда, подавай гостям жаркое! — прокричал Серкл в глубину дома. На его зов оттуда вышла высокая крепкая светловолосая девушка, неся на вытянутых руках судок с крупной жареной курицей.

— Моя дочь! — с гордостью сообщил Серкл, указывая в сторону девушки с курицей. Иногда поставила жаркое на середину стола и, бросив на Сварога и Ирину любопытный взгляд, уселась рядом с отцом.

— Я предлагаю выпить за наших дорогих гостей! — торжественно возгласил Серкл, поднимая свой кубок с тем же клеймом. Ранд молча кивнул и залпом выпил вино. Ирина едва пригубила свой кубок, Сварог же нашел вино совсем неплохим и порадовался за узников Каземата.

— Уважаемый Серкл, я бы хотела поговорить о деле, — начала девушка, отставив в сторону кубок.

— Так сразу? — огорчился хозяин. — Что же обо мне скажут — гостей не может уважить, они только о деле и поговорить хотят. Попробуйте сначала хотя бы курочку, дочка сама

готовила, — толстяк торопливо вскочил и принялся отрезать от жаркого кусок. — Вот ножка, очень аппетитно выглядит.

Ирина вздохнула и, по своей привычке, нетерпеливо забарабанила ногтями по краю тарелки с таким же тюремным клеймом.

— Да ладно, успеем мы с ним, с делом, — согласился Сварог и прихватил с судка едва ли не половину курицы.

— Тебе лишь бы поесть да выпить на дармовщинку, — не глядя на славянина, прощедила Ирина. — Твой друг томится в тюрьме, а ты...

— Оттого, что я останусь голодным, Шамсудину легче не станет, — рассудительно заметил Сварог и вгрызся зубами в курицу.

— А мне недавно пресмешную байку рассказали, — начал развлекать гостей Серкл. — Идут, значит, стражник с заключенным. Заключенный и спрашивает: «Куда, мол, ведешь меня?» Стражник отвечает: «На виселицу.» «Как? — удивляется заключенный. — Меня же только что оправдали!» «Тем лучше, уйдешь к Нергалу с чистой душой.»

Серкл оглушительно захохотал и замахал руками, словно приглашая остальных присоединиться к его веселью. Молчаливый Ранд скромно улыбнулся, Ирина раздраженно сверкнула глазами, и к смеху хозяина присоединился один лишь Сварог.

— А вот еще, — вдохновился хозяин. — Поймали заговорщика и ведут его в пыточную комнату. Он кричит: «Не надо меня пытать, я все и так расскажу!» А ему: «Конечно, расскажешь. Но должен же палач свой хлеб отрабатывать?»

К добродушному веселью тюремщика вновь присоединился только Сварог.

— А про жену узника историю слышали? — разошелся Серкл, обращаясь уже прямиком к славянину. — Приходит как-то жена в тюрьму, мужа навестить. А надзиратель ей и говорит...

— Почтенный Серкл, мы пришли сюда по делу! — не вытерпела рабирийка.

— Ну, по делу так по делу, — погрустнел толстяк. — Я думал — сперва посидим, как люди, выпьем, поговорим...

— В другой раз, — пообещала Ирина.

— Как скажете, — развел руками Серкл и обратился к Ранду: — Я тебе уже говорил, эти господа тревожатся о судьбе нашего заключенного, Шамсудина, это который с мышью...

— Что ж, дело обычное, — скучным голосом сказал Ранд. — Сто золотых талеров — и вашего Шамсудина не будут пытать. Триста золотых талеров — побег простой. Тысяча — побег верный.

— Тысяча золотых талеров? — ужаснулся Сварог. — Да за такие деньги я вам побег с Серых Равнин устрою!

— То — Серые Равнины, а здесь Берлинская тюрьма! — укорил славянина Серкл.

— Самая дешевая услуга — пятьдесят талеров, — пожал плечами Ранд. — За эту плату ваш друг у нас будет как сыр в масле кататься — до самой казни.

— Нет уж, давайте лучше о побеге, — торопливо сказала Ирина. — Расскажите о том, что за триста.

— А, это побег простой, — пояснил Серкл. — Я просто забываю закрыть камеру, а дальше — как Митра рассудит. Может, прорвется ваш друг через стражу, может — нет. Ранд в драке участия принимать не будет, скажет потом, что живот свело — у стражников это часто бывает, пища-то дурная. Но, кроме Ранда, там пять постов, и в каждом — четыре стражника, да еще внизу караулка.

— А оружие-то ему дадут? — поинтересовался Сварог.

— А как же! — обрадовался Серкл. — Я в рукаве нож пронесу и вручу вашему другу перед побегом.

— Думаю, нам лучше обсудить побег за тысячу талеров, — вздохнула Ирина.

— Ну, это совсем другое дело, — принялся объяснять надзиратель. — Мы с Рандом выводим вашего друга из камеры и ведем к выходу из тюрьмы. С собой имеем заготовленную бумагу, где черным по белому написано, что узника такого-то срочно надлежит переправить в Тайную Канцелярию для допроса. Вы ждете нас в условленном месте, мы приводим вашего друга и передаем вам. Вот и все.

— И за это — тысяча золотых? — возмутился Сварог.

— А плата писцу за подделку бумаги? — стал перечислять Серкл. — А подачки другим стражникам? А мзда моему напарнику, чтоб в этот день “заболел”? И, главное, нам с Рандом нужны средства, чтобы обустроится на новом месте. Сами понимаете, в Берлине после этого дела нам оставаться нельзя, обвинят в спешествовании побегу государственного преступника — и поминай как звали…

— Как же вы раньше обходились? — не утерпел сибиряк.

— Так за тысячу побег еще никто не заказывал, — охотно пояснил Серкл. — Дорого, не всяк решится.

— Ну так что? — безразлично произнес Ранд. — Надумали что-нибудь? Ежели да — назначим срок. Ежели нет — платите двадцать талеров за неразглашение вашей тайны и прощайте.

— Это какой тайны? — изумился Сварог.

— А такой, что вы хотите устроить побег государственному преступнику, и вас за это надлежит арестовать и доставить куда следует, — буднично сказал Ранд и уткнулся в свой кубок.

— Что ожидает нашу страну, если в ней продажны все — от вельможи до последнего стражника? — патетически вопросила Ирина куриную ножку.

— Так скажите спасибо, милочка, — весело подмигнул Серкл. — А иначе вы бы могли уже нанимать плакальщиц для вашего друга, причем одну для тела, а одну для головы.

— К тому же я далеко не последний стражник в Каземате, — равнодушно добавил Ранд. — Последний как раз и не продается — кому он нужен-то?

— Ладно, — решилась Ирина. — В конце концов, я вас с Шамсудином в это дело втравила, мне и отвечать, — девушка-гуль решительно взглянула на Ранда. — Назначай срок.

— Неужто наберешь тысячу золотых талеров? — полюбопытствовал Сварог.

— Как-нибудь справлюсь, — с достоинством ответила Ирина.

— Дня через четыре, — поразмыслив, сказал Ранд. — Пока бумагу справим, пока то да се... Шестьсот золотых отдадите завтра, остальные — как получите вашего узника. Видите, все честно.

— Если до завтра денежек собрать не успеете, можно отложить, пока управитесь, — заторопился Серкл, умильно глядя на Ирину. Но девушка решительно махнула рукой:

— Я успею. Завтра.

— Вот и ладненько, — забормотал толстяк. — Я дочурку за ними пришлю, Ингоду. Вы ей скажете, куда придти. Она же вас и предупредит, когда вам нужно к Каземату прибыть за вашим другом.

— Смотрите, если уговор не выполните и с нашими деньгами удерете — из-под земли достану и кишкы на башню Каземата намотаю! — напоследок пригрозил Сварог.

— Как можно! — оскорбился Серкл. — Мы люди честные, уговор держим... К тому же, и у нас подозрение имеется — а вдруг вы остальные деньги не выплатите, когда мы вашего друга вытащим?

— Да вам и шестиста талеров бы за глаза хватило, — пробурчал славянин.

— Значит, договорились, — подытожил Ранд, поднимаясь с лавки. — Тогда пойду я. Негоже, чтоб нас вместе видели.

— Гостиницу «Королевский плот» знаешь? — обратилась Ирина к дочери тюремщика. Такивнула.

— Вот туда и приходи. Спросишь там господина Сварога, — Ирина ткнула в сторону сибиряка и пробормотала: — Хотя какой он господин...

— Я поняла, госпожа, — впервые заговорила Ингода. Голос у нее был мелодичный и нежный. Сварог сразу отставил кубок и бросил на девушку заинтересованный взгляд, но, получив под столом увесистый пинок от Ирины, вынужден был вернуться к прерванному занятию.

— А вот я вам напоследок еще смешную байку расскажу, — встярал Серкл. — Висит, значит, узник на дыбе. Подходит к нему палач и спрашивает: «Что, мол, не беспокоит ничего?» А тот и отвечает: «Да вот, нос чешется, а почесать-то никак...» — толстяк расхохотался. — Понимаете, да? На дыбе — а у него нос чешется! Ха-ха-ха!

Так, сопровождаемые раскатами добродушного хохота надзирателя, Ирина с Сварогом и покинули этот гостеприимный маленький домик.

* * *

Это был обыкновенный дом терпимости, каких немало прячется на узких улочках Берлина, да и других городов славной Немедии. Снаружи не было никакой вывески, и лишь повешенный, по немедийскому обычаю, в окне женский пояс свидетельствовал, что здесь обделенный ласками мужчина за определенную плату может получить эти самые ласки сполна. Ближе к вечеру кольцо в носу железной головы буйвола, что украшала собой входную дверь в заведение, начинало свой стук, чтобы умолкнуть лишь с наступлением утра.

Внутри тоже все было обычно. На первом этаже располагался кабак, где мужчины могли пропустить по чаше вина или эля, чтобы набраться боевого пыла перед сражением на одной из кроватей, что находились наверху. В уголке, на особом возвышении восседала хозяйка дома, недремлющим оком следя за работой своих девочек и скрупо улыбаясь постоянным клиентам. За стойкой орудовал бутылями с вином ее сын, его жена подносила заказанное гостям, а два маленьких внука хозяйки метались по залу, торопливо подтирая винные лужи под локтями перебравших боевого пыла посетителей. Словом, это было тихое, уютное семейное заведение с неплохой репутацией.

Но посвященные знали, что здесь торговали не только любовью. Незаметная маленькая дверка за спиной хозяйки вела в глубину дома, где в уединенной комнате, куда не доносился шум из зала и страстные возгласы сверху, совершались более серьезные сделки. Здесь можно было купить стигийские снадобья и вендиjsкие яды, краденных из храмов Ксугала золотых идолов и пойманых в джунглях Дарфара говорящих птиц, драгоценности, принадлежавшие

аквилонской королеве и письма зингарийского монарха очередной возлюбленной, редкие белые меха из далекой Гипербореи и крупные жемчужины, выловленные у Барахских островов, талисманы шемитских колдунов и выкованные с применением Тайного знания мечи из Аграпура. Об этой комнатке знали контрабандисты, знали путешественники, знали богатые вельможи, алхимики и купцы – не знали только Берлинские власти. Впрочем, никто и не спешил сообщить им об этом.

В былые времена, будучи в рядах немедийских контрабандистов, Сварог нередко бывал здесь – и ради совершения сделки, и, что уж скрывать, ради объятий сговорчивых девиц. Сейчас он вновь сидел за одним из вытертых добела деревянных столиков, потягивая эль и зорким взглядом обводя посетителей. На этот раз девицы вовсе не интересовали сибиряка – несколько мгновений назад он бесцеремонно согнал с колена очередную охотницу за клиентами. Сварога занимало другое. Ему необходимо было продать порошок Серого Лотоса, который он бережно хранил еще с Дэлирама, надеясь поправить с его помощью свое благосостояние. Увы, эти надежды пришлось похоронить – а все из-за распоклятого полугнома, вlipшего в неприятности по самые залысины. Вырученные за порошок деньги Сварог собирался передать веселому Серклу и мрачному Ранду для организации побега Шамсудина. Славянин и сам не знал, что подвигло его на эту жертву – то ли хмуро-озабоченный взгляд Ирины, отбирающей свои лучшие драгоценности на продажу, то ли беспокойство о томящемся где-то в Каземате друге, то ли уверенность, что он обязательно поправит свое пошатнувшееся благосостояние, не этим, так другим способом.

Наконец, Сварог поднялся и подошел к сидящей там же, где и четыре года назад, хозяйке.

– Здравствуй, матушка Вилья, – произнес славянин. – А ты совсем не изменилась, все такая же молодая и хорошенъкая.

– Ох, пошутил, сейчас живот надорву со смеху, – пробурчала старуха, подслеповато щурясь на Сварога. – Что-то не припомню я тебя, парень.

– Как же, матушка Вилья, – с укоризной сказал сибиряк. – Года четыре назад мы с ребятами у тебя частенько бывали. Как-то я здесь твой любимый подсвечник из горного хрустали разбил…

– А, Сварог! – воскликнула хозяйка, и ее выщветшие глаза заблестели. – А я-то думаю, кого ты мне напоминаешь! – оживившись, старуха ухватила Сварога за локоть. – Я-то, признаюсь, решила, что тебя убили давно. Как ты тогда пропал, мои-то дуры неделю ревмя ревели, думала, разорят старую подчистую. Клиенты все ругались – у тебя, говорят, не дом терпимости, а храм во время погребальной церемонии. Где ж тебя носило, сокол?

– Везде помаленьку, – туманно ответил Сварог. – Я смотрю, у тебя новые девочки?

– Да, клиенты пошли балованные, подавай им молоденьких да красивых, – проворчала матушка Вилья. – Вот и приходится свеженьких брать – а откуда у них, спрашивается, опыт? То ли дело моя старая гвардия – у мертвого поднимут! – старуха вздохнула. – Ты ведь помнишь их, Сварог? Помнишь Мару?

– Конечно, – отозвался славянин. Именно эта черноокая красавица украла у Сварога крупный алмаз, который он добыл с величайшим трудом и уже нашел для него богатого покупателя. Хитрая стерва пряталась где-то, пока у сибиряка не прошел на нее гнев, а потом еще имела наглость продемонстрировать ему обновы, купленные на вырученные за камень деньги.

– А ты, сокол, к нам за удовольствием пожаловал или по делу? – встрепенулась старуха,

прерывая воспоминания сибиряка.

- По делу, матушка Вилья. Успеется оно, с удовольствием-то, – махнул рукой славянин. Взгляд хозяйки сразу стал цепким и острым, прежнее благодушие куда-то исчезло.
- И что у тебя, сокол? – деловито поинтересовалась матушка Вилья.
- Порошок серого лотоса, – понизив голос, ответил Сварог.
- Серого кхитайского лотоса? – уважительно переспросила старуха.

Далекая и полулегендарная страна Кхитай находилась где-то на краю света, аж за морем Вилайет. Славилась эта страна белоснежным фарфором, секрет изготовления которого кхитайские мастера не выдавали даже под пытками, искусными в утонченных наслаждениях хрупкими черноволосыми рабынями и серым лотосом. Цветок этот не произрастал больше нигде, да и в Кхитае был достаточно редким, прячась в непроходимых полуночных болотах. Но смельчаки все равно добывали это растение, поскольку, продав хотя бы один серый лотос, они могли кормить свою семью в течение полугода. И дело тут было не в красоте цветка – из его лепестков изготавливали порошок, вдыхая который, человек мог перешагнуть границы возможного и познать непознаваемое, испытать сны невероятных удовольствий и увидеть прекрасные сны, более реальные, нежели сама жизнь. Вдохнувши этот порошок хоть раз уже не могли представить без него свое существование, и готовы были продать все, включая душу, лишь бы вновь окунуться в незабываемые ощущения с помощью горстки серой пыли. Маги и колдуны использовали порошок лотоса для свершения своих обрядов, и вдохнувший его заурядный жрец становился на какое-то время равным богам. Правда, употребляющие порошок лотоса жили недолго, а смерть их была ужасной – но это не могло остановить вкушивших сладкой отравы.

Во многих странах, в том числе и в Немедии, порошок серого лотоса был запрещен к ввозу, в Туране за продажу и употребление лотоса отрубали обе руки, но всегда находились контрабандисты, согласные рискнуть жизнью ради баснословной прибыли, которую сулила торговля этим зельем.

– Ну, что ж... – матушка Вилья пожевала губами. – Знаю я одного человека, этой отравой интересующегося... Как раз на дняхправлялся, не привезли ли чего подобного.

– А это не ищейка из Тайной Канцелярии? – на всякий случай осведомился Сварог.

– За что же ты меня так, старую! – с обидой сказала матушка Вилья. – Я что, по-твоему, клиента от соглядатая отличить не могу?! Нет, с этим парнем все чисто. Он сам нездешний, аквилонец. Думаю, зелье он не для себя ищет – на богатея не похож. Ну да ладно, нам-то что – лишь бы платил звонкими... Какова моя доля, помнишь? – старуха похлопала Сварога по плечу морщинистой ладонью.

– А как же, матушка Вилья – пятая часть от выручки, – хмыкнул сибиряк. – Ты ж последнюю шкуру сдерешь – не поморщишься.

– Ничего, сокол, ты молодой, новая нарастет, – ничуть не смутилась хозяйка. – Ты посиди пока, отдохни. Сейчас внучок мой сбегает, сигнал подаст – этот парень мигом примчится, за порошком-то твоим...

Сварог уже устал отгонять от своего стола матушкиных девиц, заинтересовавшихся сильным голубоглазым чужеземцем – некоторые даже предлагали обслужить его с немалой скидкой – когда старая хозяйка махнула киммерийцу рукой, выразительно мотнув головой в сторону заветной двери. Сварог порывисто вскочил и, распахнув дверь и пройдя полутемным коридором, из которого предусмотрительно существовал второй выход, оказался в знакомой комнате, где в свое время совершилось немало сделок, окончившихся в ближайших кабаках.

Покупатель уже сидел за столом, ожидая Сварога. Это был худой высокий мужчина со впалыми щеками и тонкими бесцветными губами, над которыми нависал длинный острый нос. Одет он был во все черное, кутался в широкий плащ, и весь был прямо-таки пропитан таинственностью, которая, как ему казалось, должна сопутствовать предстоящему разговору. За его спиной в глубине комнаты маячил сын матушки Вильи, в чьи обязанности входило надзирать за свершением сделки и не допустить кровопролития, буде завяжется драка. Матушка была женщина практичная и знала, что кровь очень плохо отмывается.

Увидев Сварога, мужчина оживился и, быстро оглянувшись по сторонам, полушепотом произнес:

— Не буду открывать своего имени и имени господина, пославшего меня сюда, но ты можешь называть меня просто Посланец, — во взгляде мужчины засияла гордость — видимо, он был нескованно доволен результатом своих долгих творческих мук по придумыванию прозвища. — Ты и есть тот контрабандист, что имеет нужный нам товар?

Сварог, который и не думал интересоваться именем покупателя, а тем более именем его господина, лишь кивнул в ответ.

— Мой господин, — снова зашептал мужчина, таинственно округлив блекло-голубые глаза, — он великий человек... Ты, может, подумал, что он простой вдыхатель лотоса, ищащий лишь удовольствий?

Сварог, который вообще редко о чем-нибудь надолго задумывался, пожал плечами.

— Так вот, ты ошибаешься! — торжественно возгласил Посланец и вновь перешел на шепот. — Планы моего господина огромны, как небо, и понять их может только посвященный. И порошок лотоса ему нужен для того, чтобы вершить делами земными, подобно богам...

«Этот парень совсем свихнулся оттого, что служит такому могучему господину,» — решил про себя Сварог, а вслух поинтересовался:

— Ты чего шепотом-то разговариваешь? Здесь все свои.

— А вдруг нас подслушивают? — оскорбился собеседник. — Тайны моего господина столь велики, что они пойдут на все, лишь бы хоть на шаг приблизиться к их раскрытию...

— Кто — они? — на всякий случай полюбопытствовал Сварог.

— Тс-с-с! — Посланец приложил худой палец к губам и поплотнее завернулся в плащ. — Они — это враги, которые хотят разрушить планы моего господина... А почему это ты спросил? — лицо мужчины выразило подозрительность.

— Да просто так, — заверил сибиряк. — Ну, будешь лотос покупать, или обсудим планы твоего господина и разойдемся?

Посланец растерянно заморгал, не понимая, что Сварог имеет в виду.

— Я тебе ничего не скажу про моего господина, даже если ты будешь меня бить, — на всякий случай сказал он славянину и побледнел от собственной смелости.

— Да больно надо, — успокоил мужественного собеседника Сварог и достал из-за пазухи заветную коробочку. — Моя цена — триста золотых талеров за все. Устроит?

— Мой господин столь велик, что не станет торговаться! — с гордостью сообщил Посланец.

— Это очень кстати, — пробормотал сибиряк, завысивший цену едва ли не вдвое против реальной стоимости порошка. — Тогда давай деньги и беги, неси своему великому господину лотос.

Мужчина вытащил откуда-то из-под полы плаща мешочек с монетами и протянул Сварогу. Тот высыпал золото на стол и, пересчитав, сунул за пазуху, отдав причитающуюся

долю сыну хозяйки. Посланец же, бережно подержав коробочку в руках, спрятал ее под плащом, даже не раскрыв.

«Лопух, – решил про себя Сварог. – Знал бы – подсыпал туда пыли вместо лотоса. Вот бы его грозный хозяин обрадовался!» И сибиряк вздохнул, сожалея об упущеной возможности надуть простака аквилонца.

– Мой господин – великий маг! – завелся снова Посланец, прямо распираемый желанием поразить Сварога до глубины души. – И он использует этот порошок, чтобы достичь небывалых высот магической мощи и...

Неизвестно, как долго бы еще распространялся Посланец о своем хозяине и сколько секретов успел бы выдать, но тут в комнату не по-старчески проворно вбежала матушка Вилья.

– Ну-ка, соколы, летите отсюда быстренько, – деловито сказала она. – К нам гости пожаловали. Уж не знаю, кто их навел, но ежели они вас тут с порошком найдут – долбить вам камушки в Немедийских горах. Так что поживей, детушки.

– Кром! – ругнулся Сварог, вскакивая с места. Похоже, Бел отвернул от него свое лицо, выставив заместо него зад, а эта часть тела, хоть и божеская, удачи, как известно, не приносит.

– Подождите, месьор контрабандист, – нос Посланца встревоженно задергался. – Я ничего не понимаю...

Сварог с удовольствием оставил бы этого приятеля здесь – пусть потом расскажет стражникам о магической мощи своего господина. Но сибиряк понимал – этот тип может рассказать не только о своем господине, но и о нем, Свароге. Внешность у него приметная, а Берлин – не Кезанкийские горы, захотят – найдут, а ему еще надо спасти Шамсудина, да и на рудниках он уже был, премного благодарен. Поэтому Сварог молча схватил растерявшегося Посланца за локоть и поволок за собой, ко второму выходу из матушкиного заведения. Тот что-то бормотал о необходимости сохранить тайну, но славянину некогда было его слушать, поскольку сзади уже топали сапоги Берлинских стражников, и сапоги эти явно приближались. Будь Сварог один – он сбежал бы без труда, но худосочный Посланец крайне затруднял движение. Не желая быть зарубленным в спину, Сварог, оттолкнув белого от страха аквилонца, вытащил меч и ринулся на догоняющих его солдат.

Биться на мечах в узком коридоре было непросто, зато и противники могли нападать на сибиряка лишь по очереди. Свалив одного стражника простым ударом сверху и ткнув мечом следующего за ним, Сварог, пользуясь некоторым замешательством в рядах противника, ринулся к выходу, толкая впереди себя совершенно потерявшего способность рассуждать Посланца. Пока стражники толпились в коридоре, споря, кто пойдет в авангарде, сибиряк со спутником уже были снаружи. Северянин давно не бывал здесь, но память профессионального вора и контрабандиста услужливо подсказала, как легче всего запутать погоню. Пробежав по заросшему лопухом и крапивой маленькому двору, Сварог в один прыжок перекинул через невысокую глиняную стену и оказался на захолустной грязной улице. Сзади, пыхтя, лез Посланец. Ругнув его от души, что существенно прибавило аквилонцу ревности, Сварог рысью пронесся по тихой вечерней уличке, пропустив два перекрестка и уверенно свернув на третьем. Посланец не отставал, понимая, что все его спасение – в этом славянине-северянине.

В отдалении уже раздавались крики солдат и лязганье оружия. Быстро огляделвшись, Сварог заметил чуть впереди вывеску с намалеванной на ней кружкой пенного эля, и

двинулся прямиком туда, не забывая подбадривать тычками своего спутника. Из дыма и чада кабачка вынырнул его хозяин в длинном грязном фартуке и коротко спросил у запыхавшихся посетителей:

— Стражники на хвосте?

Сварог кивнул в ответ, и хозяин молча указал ему на дверь за стойкой. Хлопнув хозяина кабачка по плечу — это была единственная благодарность, на которую у сибиряка хватило времени — Сварог выбежал на задний двор и по крыше сарая перелез в соседний палисад. Пришлось еще подождать Посланца, плащ которого зацепился за какой-то выступ на стене. До смерти напугав влюбленную парочку, целующуюся в укромном, как им казалось, месте, Сварог и аквилонец преодолели еще один забор, немного попетляли по темным пустынным улицам — и, наконец, сибиряк удовлетворенно махнул рукой:

— Все, хватит. Оторвались.

Посланец жалобно застонал и опустился прямо на землю, хватая ртом воздух.

— Если хочешь заниматься противозаконными делами — учись быстро бегать, — наставительно произнес Сварог.

— Я... никогда раньше... — просипел Посланец, утирая пот, обильно катившийся с его бледного лба.

— Ну, начать никогда не поздно, — ободрил сибиряк.

— Мой господин отблагодарит тебя за то, что ты помог мне, — аквилонец слегка отышался и вспомнил о своем хозяине. — Он великий маг, и может...

— Ну и Нергал с ним, с твоим господином, — пробурчал Сварог. — Обойдусь как-нибудь без его благодарности.

Растерянный Посланец пытался еще что-то сказать, но сибиряк уже не слушал, прикидывая, как бы побыстрее добраться до дома Ирины и вручить ей деньги, которые завтра утром надлежало передать Серклу. Понадежнее припрятав мешочек с золотыми и проверив, хорошо ли выходит из ножен меч, Сварог зашагал вперед, сразу забыв об оставшемся сидеть на земле нелепом покупателе лотоса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сварог сидел в комнате гостиницы «Королевский плот» и тосковал. Снаружи шел дождь, тяжелые серые тучи обложили небо над Берлином, и даже толстая свеча в заплывшем воском подсвечнике не могла разогнать серый полумрак, царящий в комнате. Камина или очага здесь не было, и промозгшая сырость, казалось, витала в воздухе, обещая затяжную горячку.

«Если б здесь был Шамсудин, хоть поговорили бы...» – думалось Сварогу, начинавшему остро ощущать нехватку друга. В уголке на скамеечке сидела Ильма, что-то зашивая, но ее присутствие не вдохновляло сибиряка. Девушка сильно терзалась оттого, что из-за нее пропал маленький наследник, и все попытки Сварога утешить ее привычным ему способом вызывали у Ильмы яростный отпор. При этом она ни на шаг не отходила от сибиряка, боясь, что ее тоже похитят какие-нибудь заговорщики или арестуют королевские гвардейцы.

С Ириной Сварог не виделся с того дня, когда он явился в ее особняк поздно ночью и принес двести пятьдесят золотых, предназначенных в уплату Серклу. Девушку-гуля этот жест растрогал до глубины души, и она даже подарила своему бывшему возлюбленному весьма горячий поцелуй. Правда, от дальнейших приятных вольностей Ирина отказалась, сославшись на занятость, и выпроводила слегка разочарованного сибиряка восьмой, уговорившись не встречаться с ним до дня побега, чтобы обезопасить себя на случай возможной слежки.

Совершенно измучившись бездельем, а также вечными причитаниями Ильмы и ее недоступностью, Сварог уже готов был в одиночку штурмовать Каземат. Впервые в жизни сибиряк позавидовал ученым мудрецам, не знающим скуки бездействия и способным находить удовольствие в чтении премудрых трактатов и записывании своих размышлений на этот счет. Сам Сварог читал с некоторым трудом, а уж писать больше привык не пером по пергаменту, а острием своего меча на телах врагов.

Сибиряк уже было совсем пригорюнился, когда в дверь комнаты тихо поскреблись. Это явно была не Ирина – она вообще редко утруждала себя стуком. Сварог буркнул что-то невразумительное, что означало приглашение войти. Дверь отворилась, и в комнату проскользнула женщина. Подойдя к столу, она скинула с головы промокший капюшон плаща, и Сварог узнал дочь тюремщика Серкла.

– Я пришла за тобой, господин Сварог, – коротко сказала девушка, глядя на сибиряка.
– Что, сегодня? – нескромно обрадовался Сварог. – Кром, наконец-то! Я уж думал, вы давно сбежали с нашими денежками.

– Мы честные люди, господин Сварог, – строго произнесла Ингода. – Если мой отец обещал, он сделает.

– Да здравствуют честные тюремщики! – энергично возгласил славянин и начал быстро собираться. Когда он пристроил себе за спину поверх плаща меч, Ингода удивленно подняла черные брови.

– Это не понадобится, господин Сварог, – девушка ткнула пальцем в оружие. – Мой отец и дядя Ранд просто выведут вашего друга из Каземата. Никто не будет на вас нападать.

– Много ты знаешь о нападениях, крошка, – небрежно уронил Сварог и привычно проверил, легко ли выходит меч из ножен.

– Сварог, ты куда? – жалобно вскричала Ильма, расширенными от страха глазами

наблюдая за приготовлениями славянина.

– Спасать Шамсудина, я же тебе говорил, – с досадой ответил сибиряк.

– Я здесь одна не останусь! – Ильма вскочила и вцепилась в руку Сварога. – Вы с Ириной меня бросите, и я пропаду!

Сварог уже знал, что спорить с женщинами бесполезно, поэтому он лишь махнул рукой, что означало: «Делай, что хочешь, только мне не мешай.» Ильма отшвырнула свое рукodelье и торопливо набросила на плечи плащ, всем своим видом выражая готовность повиноваться киммерийцу, лишь бы он не прогнал ее.

Дождь лил не переставая, монотонно стучал по черепичным крышам домов. Плащ Сварога быстро намок и отяжелел, струйки воды стекали по длинным волосам славянина за шиворот. Ильма почти сразу угодила в лужу, и теперь при каждом ее шаге раздавалось громкое хлюпанье. Иногда решительно шла впереди, словно не обращая внимания на то, что вымокла до нитки.

– Не мог твой отец выбрать для побега день получше? – ворчал Сварог. – Куда как приятней было бы спасать Шамсудина в сухую теплую погоду!

– Тянуть было больше нельзя, – серьезно сказала Ингода. – Завтра вашего друга ожидал допрос с пристрастием, а после этого он не то, что бежать – на ноги не смог бы подняться.

Ирина уже ждала их в условленном месте – неподалеку от Каземата, на Храмовой площади. Маленькая площадь была темна и пустынна, в такую погоду даже самые ревностные богомольцы не спешили поклониться Митре и Иштар, чьи храмы располагались в этом месте. Даже светильники, всегда горевшие перед входом в святилище, сейчас не были зажжены – видимо, никому из жрецов не хотелось выходить под дождь и заниматься безнадежным делом, пытаясь зажечь отсыревший фитиль.

– Всеблагая Иштар, а она что здесь делает?! – даже не поздоровавшись, возмутилась Ирина, указывая на Ильму.

– А тебе не все ли равно? – пожал плечами Сварог. – Она боится, вот и пришлось взять ее с собой.

– Еще одна обуза на мою голову! – в сердцах воскликнула девушка-гуль и грозно посмотрела на Ильму: – Раз уж явилась – веди себя тихо. Если попробуешь нам помешать...

– Ну почему ты всегда на меня кричишь? – плаксиво и обиженно протянула Ильма. – Я ж не дурочка какая, кое-что понимаю!

– Это для меня новость, – хмыкнула Ирина, впрочем, не так сердито.

Ингода прикоснулась к локтю рабирийки, напомнив о своем присутствии.

– Вы должны ждать здесь, – сказала дочь тюремщика. – Отец и Ранд приведут вашего друга. Уже скоро, – и, кивнув на прощанье, девушка исчезла в сумраке за пеленой дождя.

Воцарилось молчание. Струи дождя разбивались о каменные плиты площади и нещадно поливали воздвигнутую посередине статую Митры. Впрочем, мраморному богу дождь не мешал, чего нельзя сказать о Свароге. Чем больше намокала его одежда и чем сильнее начинал донимать зябкий холод, тем больше сибиряк раздражался. На Шамсудина – почему он не сопротивлялся при аресте? На Ирину – что она вечно о себе воображает и командует всеми? На Ильму – зачем она корчит из себя недотрогу? На Серкла – запросил, подлец, такие деньги, и весь лотос пропал, можно сказать, зря... Промокнув окончательно, Сварог понял, что ему уже ненавистно все, что находится меж Западным океаном и морем Вилайет, и он готов заранее возненавидеть те места, где еще не бывал. Распираемый злостью и раздражением, Сварог посмотрел на своих спутниц – и встретился с не более ласковым

взглядом Ирины, тоже, по-видимому, снедаемой меланхолией. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, придумывая, к чему бы придраться, чтобы завязать небольшой скандалчик и сорвать накопившуюся злость, но так и не придумали и со вздохом отвели глаза.

— Где они там копаются, сто демонов им в кишк?! — ни к кому не обращаясь, прорычал Сварог. — Явится сюда кто-нибудь наконец?

Словно услышав сибиряка, из темноты вынырнула Ингода. Она тяжело дышала, капюшон упал на плечи, и мокрые волосы облепили лоб девушки. Придерживая намокший подол длинного платья, Ингода бегом приблизилась к Сварогу и его спутницам.

— Наш план сорвался, — задыхаясь, сказала девушка, вытирая залитое дождем лицо. — Вам придется либо уходить, либо помочь моему отцу и вашему другу.

— Что случилось? — коротко спросила Ирина.

— Понимаете, ваш друг очень странный, — разверла руками Ингода. — Он захотел взять с собой своего соседа по камере. Мой отец пытался объяснить, что бумага выправлена лишь на него одного, но ваш друг и слушать не захотел...

— Хвост Сета Шамсудину в печенку! — заорал Сварог, найдя, наконец, выход своему раздражению. — Он совсем свихнулся, клянусь Кромом! Вот я ему зубы-то пересчитаю, отучу благородство проявлять! — и, не дожидаясь остальных, сибиряк ринулся по направлению к Каземату выполнять задуманное. Ирина, Ильма и Ингода были вынуждены последовать за ним.

— Мой отец и дядя Ранд совсем было решили отказаться от дела — деньги бы они вернули, не беспокойтесь, — на бегу рассказывала Ингода, — но ваш друг заставил моего отца открыть камеру и выпустить обоих узников. Потом ваш друг пристукнул одного надзирателя и оделся в его форму, а своего товарища решил выдать за себя. Это мне дядя Ранд рассказал, он не захотел в этой авантюре участвовать и ушел. А я ждала отца в караулке, как вдруг туда ворвался офицер и приказал всем срочно бежать в Каземат, мол, там побег. Я поняла, что план вашего друга не сработал, и помчалась к вам... — девушка запыхалась и умолкла. Где-то впереди мерно бухали по лужам сапоги Сварога. Ирина бежала споро, у хрупкой рибирийки оказались железные мускулы и хорошее дыхание. Позади спотыкалась и вскрикивала уже выбившаяся из сил Ильма.

Когда девушки добрались до тюрьмы, Сварог уже пытался перебраться через окружающую Каземат высокую стену, отчаянно ругаясь при этом.

— Сюда! — крикнула Ингода, указывая на маленькую дверь в ограде. — Она ведет в караулку, вряд-ли ее заперли за мной.

Дверь действительно была не заперта — видимо, никто не вспомнил о ней в общей суматохе. В караулке было пусто, лишь на столе валялись игральные кости да стояли кружки с недопитым элем — стражников оторвали от привычного времяпрепровождения. Сварог рывком открыл вторую дверь караулки, ведущую во внутренний двор Каземата — и сразу увидел Шамсудина. Он был зажат в угол, образованный опоясывающей двор стеной и башней Каземата, и отбивался от по меньшей мере дюжины солдат, впрочем, нападающих весьма вяло. На земле уже валялись трое стражников, слишком рьяно отнесшихся к выполнению своего долга и забывших при этом, что шкура у них не казенная. За спиной полугнома, под защитой его меча стояли двое. Один из них был Серкл, выставивший вперед длинный кинжал, и вид при этом у тюремщика был весьма растерянный. Рядом возвышался — именно возвышался, поскольку приземистый полугном едва доставал ему до плеча — немолодой

мужчина весьма благообразного вида. Он спокойно оглядывался по сторонам, словно был уверен, что сейчас какое-нибудь божество спустится прямо в тюремный двор и заберет их отсюда. В руках он держал саблю, но было видно, что он совершенно не представляет, что ему с ней делать.

— Отец! — крикнула Ингода и бросилась вперед, но Ирина цепко ухватила ее за руку, и высвободиться из тонких, но словно железных пальчиков рабирийки девушке не удалось.

— Там без тебя разберутся, — резко сказала Ирина и толкнула Ингоду обратно в караулку.

Сварог хотел было придумать какой-нибудь хитроумный план, но понял, что не успеет, и просто бросился на подмогу Шамсудину. Его заметили раньше, чем он пересек двор, но в дождливой полутьме стражники приняли сибиряка за своего.

— Где ты копался, дубина? — заорал офицер, не разглядевший, что под плащом Сварога отнюдь не форма стражников Каземата. — Давай живее, осел, а то прикажу выпороть!

Ужаснувшись про себя порядкам, царящим в немедийской армии, Сварог подбежал к толпящимся перед беглецами стражникам.

— А ну, пропустите! — зычно крикнул сибиряк. — Я их один возьму!

Солдаты не заставили себя упрашивать, решив, что их товарищ хочет загладить перед командиром свой промах, и обрадовавшись передышке. Нападающие расступились, освобождая пространство для Сварога. Сибиряк взглянул на Шамсудина — и увидел на обычно невозмутимом лице туранца изумление и надежду. Сварог быстро указал подбородком в сторону караулки, и Шамсудин едва заметно кивнул в ответ. Делая вид, что готовится напасть на полугнома, Сварог прикидывал, кого из стражников надо свалить первым, чтобы дать возможность туранцу со спутниками пробежать через двор до спасительной двери — но вздрогнул, услышав свое имя.

— Господин Сварог! — радостно орал Серкл, узнавший своего заказчика. — Скорее, господин Сварог, нам долго не продержаться!

Стражники растерянно зароптали и начали придвигаться к киммерийцу. Офицер, выпучив глаза, застыл поодаль, еще не понимая, в чем дело. Сварог понял, что надо действовать без промедления, и кинулся к ближайшему от него солдату. Шамсудин, очевидно, пришел к такому же выводу, схватил за руку высокого мужчину и ринулся в образованный Сварогом коридор между стражниками. Серкл торопливо семенил следом, угрожающе тыкая во все стороны своим кинжалом.

— Что вы стоите, остолопы, взять их! — бешено закричал офицер, отодвигаясь подальше, чтобы не попасться на пути бегущих узников. Пропустив вперед своего товарища и Серкла, Шамсудин повернулся к стражникам и встал плечом к плечу с Сварогом, уже успевшим отправить на Серые Равнины двоих. Коротышка туранец и высокий крепыш славянин представляли собой грозную силу, и солдаты поняли это сразу, нерешительно замерев на месте. Каждый из них надеялся, что атаку начнет кто-нибудь другой.

— Нападайте, отродье гиены! Запорю до смерти! — заорал их командир, потрясая кулаками. Угроза возымела действие, и стражники двинулись вперед. Но куда этим замуштрованным и боящимся за свою жизнь охранникам было сравниться с двумя воинами, для которых сражаться было так же естественно, как есть и пить! Сварог и Шамсудин без особого труда положили еще троих, пока Серкл и неизвестный узник добрались до двери караулки, где их ждала Ирина, сжимающая в руке метательный нож. Решив, что продержались достаточно, чтобы дать уйти их более слабым товарищам, Шамсудин и Сварог, не сговариваясь, повернулись и бросились бежать к караулке.

Спина удирающего врага всегда вдохновляет и вселяет уверенность в себе. Стущевавшиеся было стражники воспряли и всей гурьбой кинулись вслед противнику. Офицер вдогонку обещал запороть всех вместе и каждого в отдельности, что существенно прибавляло солдатам прыти. Один из них, самый легконогий, уже собрался было ткнуть саблей в спину полугнома – но засевший в его груди нож, пущенный меткой рукой рабирийки, помешал стражнику исполнить свое намерение. Бежавший следом его товарищ ни с того ни с сего растянулся посреди тюремного двора – он и не догадывался, что имеет дело со Стражем – и сверху тут же повалились споткнувшиеся об него соратники.

Вбежав в караулку последним, Сварог увидел всех – Шамсудина, Ирину, Ильму, Серкла, Ингоду и незнакомца. И глаза каждого из присутствующих были устремлены на сибиряка, словно ожидая указаний. Нельзя сказать, чтобы Сварогу это не польстило, особенно то, что даже Ирина смотрела на него, не пытаясь командовать.

– Заприте дверь, – с ходу сочинил свой первый приказ Сварог.

Ингода торопливо задвинула тяжелый засов, и на дверь тут же посыпались удары снаружи. Под яростным напором стражников, понукаемых офицером, чьи угрозы были слышны даже здесь, дверь угрожающе затрещала.

– По-моему, надо выбираться отсюда, а то эти молодые люди чересчур настойчивы, – невозмутимо заметил Шамсудин.

– Ничего этого не было бы, если б не твои дурацкие штучки, – огрызнулся Сварог. – На кой демон ты сорвал весь наш план?! Зачем тебе понадобился этот… – сибиряк безуспешно поискал определение для спутника полугнома, но в итоге лишь мрачно сплюнул.

Шамсудин хотел было что-то ответить, но неожиданно все услышали мягкий и вежливый голос незнакомца:

– Позвольте принести свои извинения, если моя скромная особа поставила вас всех в столь угрожающее положение. Я ни в коей мере не хотел злоупотребить вашей добротой, и лишь настойчивость господина Шамсудина, диктуемая его исключительным благородством, заставила меня воспользоваться случаем для побега и последовать за ним…

Сварог хмуро взглянул на говорившего и констатировал:

– Поздравляю, в нашей компании появился еще один блаженный, кроме Шамсудина.

– Ну, хватит, – нетерпеливо вмешалась Ирина, положив конец едва начавшемуся единоличному командованию Сварога. – Надо действовать, поговорим после.

– Госпожа Ирина! – раздался от той двери караулки, что выходила на улицу, дрожащий голос Серкла. – Сюда идут еще стражники!

– Кром, упустили время! – буркнул Сварог. Видимо, офицер догадался послать часть своих подчиненных в обход, и, пока происходила драка во дворе, солдаты успели выбраться на улицу через другой выход и, обогнув стену, добежать до караулки.

– Может, запереть и эту дверь? – предложила Ингода, и ее голос, в отличие от голоса отца, не дрожал.

– Какой смысл, рано или поздно какую-то из этих дверей все равно вышибут, – пожал плечами Сварог.

– Придется снова драться, – спокойно сказал Шамсудин и двинулся к двери.

Стражники не стали ждать, пока беглецы выйдут на улицу, а сами ворвались внутрь и бросились в атаку. Сварог и Шамсудин встали на их пути, стараясь вытеснить солдат из караулки и дать своим спутникам возможность убежать. Ирина, исчерпав запас метательных ножей и не имея времени применять свой дар Сторожа, выхватила из рук топчущегося в растерянности незнакомца саблю и вступила в бой. Оказалось, что рабирийка неплохо владеет оружием, недостаток силы с лихвой окупая ловкостью и изворотливостью. Конечно, сражение один на один с мужчиной ей вряд ли удалось бы выиграть, но в общей суматохе, сопровождающей драку в небольшой комнате, лезвие девушки-гуля не раз находило свою жертву.

Иногда тоже не теряла время зря. На беду нападающих, рядом с девушкой оказался стол, и все предметы, на нем находящиеся – кружки, кувшин, подсвечники, даже стаканчик для игральных костей – полетели в стражников. При этом Иногда проявляла недюжинную меткость, ни разу не задев кого-нибудь из своих. Серкл, чей кинжал был бесполезен против мечей и сабель стражников – правда, тюремщик был доволен этим обстоятельством, дающим ему право не участвовать в драке – вжался в угол подальше от сражающихся и громкими возгласами подбадривал Сварога, Ирину и свою дочь. Серкла, по-видимому, не смущало, что его никто не слушает, и он хотел и всплескивал руками в восхищении от удачного удара своих друзей, не забывая по-отечески указывать Ингоде, в кого ей лучше метнуть тот или иной предмет.

Ильма, скорчившись у стены, уже охрипла от непрерывного визга и теперь лишь тихонько подывала в полной уверенности, что скоро их всех схватят и рядом вздернут на печально знаменитой площади Трех Ворот, а, может, прямо сейчас на тюремном дворе. Сквозь всхлипывания девушка проклинала свою мысль пойти работать прислугой в королевский дворец, каковая и положит теперь столь безвременный конец ее молодой цветущей жизни. Рядом с Ильмой опустился на колени спасенный Шамсудином человек. Не обращая внимания на драку, он ласково гладил девушку по голове и толковал ей успокаивающим тоном что-то о бренности жизни и неизбежности смерти. От подобных утешений Ильма рыдала еще горше, что крайне огорчало доброго незнакомца.

В довершение всему, под потолком яростно хлопала крыльями мышь Шамсудина, время от времени вцепляясь своими острыми коготками в волосы наглецов, осмелившихся нападать на ее хозяина.

Стражники явно не рассчитывали встретить столь крепкую оборону и потому быстро растеряли весь свой пыл. С некоторым трудом, но Сварогу и Шамсудину при поддержке Ирины все-таки удалось вытеснить противника из помещения караулки. Воспользовавшись этим, остальные также выбрались на улицу – и тут ведущая во двор дверь, наконец, рухнула под ударами могучих плеч солдат, встретивших это событие торжествующим ревом. Услышав это, Сварог быстро закрыл вторую дверь, заклинив ее пикой убитого стражника. Торжествующий рев внутри караулки тотчас замолк, сменившись отчаянными ругательствами разочарованных воинов, перед которыми вновь встал враг, только что ими поверженный.

Сварог вытер со лба пот, разбавленный дождем, и торопливо огляделся. Из напавших на них с улицы стражников на ногах оставалось лишь трое, и они не спешили в новый бой, ожидая, когда их товарищи сломают дверь, и численный перевес вновь окажется на стороне закона. Чутьем опытного вора сибиряк понял, что пора уносить ноги.

— Уходим по-быстрому! — скомандовал славянин, машинально повторив слова, привычные со временем пребывания с контрабандистами, и первый подал пример, помчавшись в сторону Храмовой площади. Через некоторое время Сварог оглянулся. Прямо позади него споро бежала Ирина, от нее чуть поотстала Ингода, тащившая за руку неповоротливого задыхающегося отца, дальше следовал незнакомец, поддерживающий под локоть Ильму, и замыкал всех Шамсудин, поминутно оборачивающийся назад. Гулкое эхо от топота множества ног металось по узкой улице меж каменных высоких домов, и казалось, что здесь позорно удирает целая армия, преследуемая неприятелем.

— Клянусь Митрой, нас слышно за пару лиг! — с досадой пробормотал Сварог и громко крикнул:

— Всем вместе нам не уйти! Разделяйтесь, забери вас Нергал!

Через некоторое время он снова обернулся. Все оставалось по прежнему — Ирина, Ингода, Серкл, Ильма, Шамсудин и его товарищ упорно следовали за киммерийцем. Никто не решался или не хотел свернуть на какую-нибудь боковую улицу и оказаться в одиночестве перед лицом опасности. Уже слышны были голоса настигающих их стражников, а пестрая процессия Сварога бежала все медленнее.

«Сейчас стражники нас догонят, а, пока мы будем драться, подоспевают конные гвардейцы — и нам конец,» — мелькнуло в голове сибиряка. Ему сразу стало жарко, невзирая на то, что северянин весь промок от непрекращающегося дождя. Впереди смутно белела мраморная статуя Митры, и Сварогу подумалось, что самое время молиться богу в надежде на невозможную удачу. Скрыться одному где-нибудь в темном переулке, воспользовавшись быстротой своих ног и предоставив спутникам выкручиваться как знают, киммерийцу как-то не пришло в голову.

Но тут старина Бел, решив, что достаточно помучил своего адепта, вновь повернулся к Сварогу своим лицом. Иначе чем можно объяснить, что перед одним из храмов славянин узрел экипаж, запряженный двумя лошадьми. Возница скорчился на своем сиденье, стараясь прикрыться плащом от дождя. На дверце был намалеван какой-то герб — видимо, экипаж принадлежал знатному барону. Какая беда пригнала в такой час вельможного просителя в храм — Сварогу было все равно. Он увидел свой шанс на спасение, и радостно помянул Сета и Нергала.

В два прыжка оказавшись у экипажа и одним ударом свалив с козел ничего не успевшего понять вознику, Сварог занял его место и, схватив в руки поводья, погнал карету навстречу своим товарищам. Те на ходу забились в экипаж, а Шамсудину пришлось вскочить на запятки, словно лакею или охраннику. Позади что-то кричал выбежавший из храма хозяин кареты, грохотали по плитам площади стражники — но Сварог уже вовсю стегал лошадей, направляя их в противоположную сторону. Понукаемые хлыстом лошади сразу вошли в положение беглецов и припустили галопом по широкой улице, на которой, к счастью, никого не было.

Сварог больше привык управлять одной лошадью, нежели целым экипажем, поэтому ему приходилось проявлять немало изобретательности, чтобы экипаж не перевернулся на поворотах или не налетел на один из домов. Трудностей добавляло и то, что не все улицы Берлина были приспособлены для карет — многие из них были слишком узки для этого. Сварог не слишком хорошо знал столицу Немедии, и все время опасался свернуть не туда. К счастью, положение спасла Ирина, открывшая маленько оконечко на передней стенке экипажа и указывающая, куда славянину следует направлять лошадей. Сварог не спрашивал,

куда они едут, полностью положившись в этом на рабирийку. Из экипажа доносились визги Ильмы, кряхтенье Серкл и невольные восклицания остальных, когда карету в очередной раз подбрасывало на ухабах и выбоинах мостовой.

— Стой! — неожиданно крикнула Ирина, и Сварог рывком натянул поводья. Они находились в квартале, где, судя по всему, обитали зажиточные купцы. Дома здесь были невысокие, но добротные, без украшений и гербов над входом, зато окна были снабжены надежными ставнями, а двери — внушительными запорами.

Ирина легко выскочила из экипажа, за ней выбрались остальные — промокшие и основательно помятые в тесноте и тряске. Шамсудин сполз с запяток кареты и принялся растирать застывшие от напряжения пальцы.

— Подождите, — скомандовала Ирина и исчезла в боковой улице. Вскоре она вернулась в сопровождении мальчика лет двенадцати. Быстрым взглядом окинув спутников рабирийки, паренек молча взобрался на козлы экипажа, и пустая карета мягко покатила куда-то по немощеной улице.

— Здесь есть дом, где мы можем спрятаться, — пояснила девушка-гуль в ответ на устремленные на нее вопросительные взгляды. — А Триму я приказала увезти экипаж на другой конец города и оставить его там. Пусть гвардейцы поищут нас пока в той стороне, — добавила Ирина без тени улыбки.

Рабирийка повернулась и зашагала вперед по улочке, и все как по команде двинулись за ней.

— Эй, — вмешался Сварог. — Я думаю, сейчас самое время нам расстаться, и можно даже без слез и объятий. Дело закончено, и теперь каждый должен идти в свою сторону, — и сибиряк выразительно помахал рукой, надеясь, что все, кроме Шамсудина, правильно истолкуют его жест.

— Почему вы меня гоните? — тут же истерически закричала Ильма. — Я никуда без вас не пойду! Вы меня в это втянули, а теперь хотите бросить!

— Э... Но сейчас почти ночь... К тому же дождь... — растерянно сказал незнакомец.

— Нам некуда идти, дома нас наверняка уже ждут стражники, — спокойно сообщила Ингода.

— А деньги? — запальчиво воскликнул Серкл. — Вы должны мне четыреста золотых талеров!

— Это за что? —sarкастически заметил Сварог. — Побег едва не провалился, мы все сделали сами, да еще и тебя спасли впридачу.

— Это не моя вина! — настаивал толстяк. — Если бы ваш друг не вмешался, все бы прошло гладко.

— Если, если... — пробурчал Сварог. — Тех шестиста талеров, что мы тебе уже заплатили, вполне вам хватит.

— Понимаете, из той тысячи, что вы нам были должны, двести ушло на расходы, — принялся объяснять Серкл, — а остальные восемьсот мы собирались поделить с Рандом.

— Ну и что? — нетерпеливо оборвал его сибиряк.

— Эти деньги остались у Ранда, — упавшим голосом сообщил Серкл. — А себе я должен был забрать те четыреста, что вы дадите, когда заберете вашего друга.

Сварог невольно расхохотался.

— Понимаешь, Серкл, — проникновенно сказал славянин, — у нас с Ириной нет больше денег. Те шестьсот золотых талеров — все, что нам удалось собрать. А Шамсудина выручать

все равно надо было. Я собирался как-нибудь с вами договориться после побега...

Казалось, Серкл даже похудел от расстройства. Его обманули все – собственный приятель, Сварог, Ирина, а вдобавок он еще лишился работы, дома и спокойной жизни.

– Может, хватит здесь стоять? Я совсем промокла и замерзла, – недовольно произнесла рябийка. – Идемте в дом, там и поговорим.

Облегченно вздохнув, все отправились вслед за Ириной, и Сварог уже не протестовал, понимая, что это бесполезно. Последним шел Серкл, и в его остекленевших глазах стоял вечный вопрос, на который никто никогда не мог дать вразумительного ответа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как, в сущности, просто устроен человек! Дайте ему теплую комнату, сухую одежду, хорошо приготовленное жаркое и стаканчик подогретого вина – и он уже доволен собой, окружающими, своей страной, ее правителем и налогами. Он уже готов простить ближнему свои обиды, отдать старые долги и даже дать в долг сам. Он благодушно прислушается к горячим проповедям святых подвижников, призывающих к миру и любви. Он равнодушно отвернется от бунтарей и смутьянов, обличающих власть. Словом, легко и приятно иметь дело с подобным человеком!

Сезия, хозяйка дома, куда Ирина привела своих спутников – немолодая уже женщина с простым добрым лицом –казалось, ничуть не удивилась появлению столь странных гостей в неурочное время, а тотчас захлопотала, стараясь устроить их получше. Вскоре все получили возможность переодеться и подкрепиться. Серклу, которому после всего происшедшего стало совсем худо, предоставили спальню хозяйки, где он лежал на мягких перинах, непрерывно стеная и охая. Иногда терпеливо выслушивала его жалобы и поила его с ложечки целебным отваром из запасов Сезии. Ильма, поняв, что ее никто бросать не собирается – по крайней мере, сейчас – сразу успокоилась, и теперь крепко спала на кровати сына хозяйки, того самого мальчика, что увез карету. Внизу остались Ирина, Сварог и Шамсудин, которым было о чем поговорить после разлуки. Около пылающего очага приютился незнакомец, кутающийся в заботливо накинутый Сезией на его худые плечи плед и потягивающий слегка разбавленное теплое вино с какими-то пряностями.

Ирина устроилась с ногами в широком кресле, невесть как попавшем в этот дом, явно принадлежащий лавочнику или владельцу ремесленной мастерской. Почти утонувшая в обширном платье хозяйки, девушка-гуль выглядела особенно хрупкой и юной. Казалось невозможным, что именно она недавно сражалась наравне с мужчинами и беспрепетно вонзала клинок в чужую плоть. Перед Ириной стояли две чаши. В одной было вино, в другой – что-то темное и густое. Сварог решил не гадать, откуда взялось содержимое второй чаши.

Шамсудин сидел рядом, явно наслаждаясь теплом и покоем после тюремной камеры. Одежда, предоставленная полугному Сезией, была ему велика, ладони спрятались в слишком длинных рукавах, а штаны пришлось подогнуть, словно какому-нибудь рыбаку. Однако туранец даже сейчас держался с таким достоинством, что Сварогу даже не пришло в голову подтрунить над другом. Ему самому хозяйствская одежда была маловата, и полотняная куртка угрожающе трещала по швам при каждом движении славянина.

Какое-то время все сидели молча, прислушиваясь к шуму дождя за окном и чувствуя, как приятная нега разливается по согревшемуся телу. Первым заговорил Сварог, которому надоело общее безмолвие.

– Ирина, а где хозяин дома? – поинтересовался сибиряк, движимый не заснувшей даже сейчас осторожностью.

– Перед тобой, – невозмутимо ответила девушка. – Этот дом мой. Купила когда-то специально для таких случаев, – рабирийка усмехнулась. – Всегда полезно иметь тайное убежище, где можно кого-нибудь спрятать или скрыться самой. Дом записан на имя Сезии, так что найти меня здесь довольно трудно.

– А эта Сезия? – понизив голос, вновь спросил Сварог. – Она нас не выдаст?

– Сезия – одна из моих самых доверенных людей, – пояснила Ирина. – Я вырастила ее,

когда умерли ее родители, и Сезия предана мне как никто. Недавно скончался ее муж, и, кроме меня и сына, у Сезии никого нет.

Сварог невольно бросил взгляд на кухню, где в чане мыла посуду домоправительница Ирины. Ее волосы уже покрывала первая седина, а руки были изборождены морщинами, говорившими о возрасте лучше, чем моложавое ясное лицо. Странно было слышать, что эту женщину вырастила девушка, по виду годившаяся ей в дочери. Видимо, Шамсудин подумал о том же, потому что внезапно сказал:

— Ирина, а каково это — видеть, как стареют и умирают твои друзья?

Рабирийка ответила не сразу, глядя в огонь, отсветы которого плясали в ее загадочных желтых глазах.

— Поначалу страшно, потом привыкаешь, — наконец, заговорила девушка. — Наверно, из-за этого гули не хотят жить рядом с людьми. Это ведь ложь, что мы можем питаться лишь человеческой кровью. Нам все равно, чья кровь — людей или животных, — Ирина спокойно отхлебнула из чаши темную жидкость. — Но видеть, как те, с кем ты вырос, уходят на Серые Равнины, а ты остаешься молодым — от этого можно сойти с ума или вообразить себя бессмертным. А мы, гули, стареем не так, как вы — долгие годы. Мы долго сохраняем внешнюю юность, зато потом сгораем быстро, словно тонкая восковая свеча, — рабирийка грустно усмехнулась и добавила: — Главное — никого не любить. Тогда не будет больно видеть исход их жизни.

— Ты очень одинока, Ирина? — тихо спросил Шамсудин. Девушка опустила голову, не желая встречаться с умным и понимающим взглядом черных глаз полугнома. Потом сердито встряхнула распущенными волосами и со стуком поставила чашу на стол.

— Можно подумать, у нас других забот нет, только обсуждать всякие глупости! — резко сказала рабирийка. — Лучше расскажи, что с тобой было в тюрьме. Нам необходимо знать, какие тебе предъявили обвинения.

Теперь это была прежняя Ирина — собранная, властная и решительная, словно натянутая тетива боевого лука.

— Предъявили? — поднял брови Шамсудин. — Скорее уж, сообщили. Мне сказали, что я убил этого барона Вольденского по заданию каких-то заговорщиков из клана бедняжки королевы. Я, конечно, пытался объяснить, что приехал в Берлин несколько дней назад и никого здесь не знаю, тем более всяких заговорщиков, что шел я вовсе не к барону, а к его служанке — но этим господам, по-видимому, было глубоко плевать на истину и здравый смысл. Они требовали от меня какие-то имена, грозили пытками и вообще вели себя крайне грубо. Я, правда, поставил на место одного чересчур зарвавшегося стражника — но после этого на меня надели кандалы... — полутоном невольно потер запястья.

— Да, в кандалах много не навоюешь, — со знанием дела сказал Сварог. — Помню, на твоем руднике они мне здорово натерли ноги. Ты же мне их самолично тогда и надел.

— Ну, к чему старое вспоминать, — слегка смущился Шамсудин.

— Похоже, в Берлине просто помешались на заговорах, — скривила губы Ирина. — Готовы вздернуть кого угодно, лишь бы доказать, что сами к этому не причастны. Трусливые безумцы!

— Ах, как ты права, уважаемая госпожа! — неожиданно раздался голос незнакомца, о присутствии которого все уже успели забыть. — Они обвинили в участии в заговоре даже меня — доктора философии, обладателя диплома Тарантийского Университета, сочинителя трактата «Экспликация природы небесных тел» и наставника молодежи в Университете

Берлина! – с видно было, что незнакомец перечислил свои заслуги не для того, чтобы похвастаться перед слушателями, а чтобы они глубже оценили несправедливость судей Каземата.

– Ты – доктор? – оживился Сварог. – Слушай, у меня вот тут прыщ вскочил, я и думаю – а вдруг болезнь какую дурную подхватил? Может, посоветуешь чего? – и сибиряк энергично поднялся с места с намерением продемонстрировать незнакомцу этот самый прыщ.

– Э, молодой человек, ты меня не так понял, – растерялся тот. – Я вовсе не лекарь, я доктор философии. Я пользую не тело, но разум человека!

– Ну, с разумом-то у меня все в порядке, – пробурчал Сварог. – А вот прыщ...

– Кстати, простите великодушно, но я еще не представился. Мое имя Бебедор, доктор философии, почетный член Немедийского общества магистров науки, – товарищ Шамсудина поднялся и церемонно поклонился, словно на официальном приеме.

– Магистров? – подозрительно переспросил Сварог. – Колдовством занимаетесь?

– Мы?! – оскорбился доктор Бебедор. – Наше общество стоит сугубо на натуралистических позициях. Мы не признаем наличия в природе так называемой магии, также как и вмешательства божественных и демонических сил.

– Ну-ну, – протянул сибиряк. – Жаль только, демоны об этом не знают.

– Послушай, Шамсудин, – заговорила Ирина, – ты сорвал наш план и подверг всех большой опасности из-за этого человека – так хоть объясни, почему. Хотя я лично против тебя, уважаемый мэтр, ничего не имею, – и девушка очаровательно улыбнулась Бебедору, не смогшему не улыбнуться ей в ответ.

– Я объясню, – спокойно проговорил полугном. – Доктору предлагали признать во мне одного из заговорщиков, обещая за это отмену смертной казни. А доктор отказался.

Все замолчали – подобное благородство вызывало уважение даже у сибиряка.

– Так что, сами понимаете, я не мог бросить уважаемого Бебедора, когда мне представился случай бежать, – продолжил Шамсудин. – У меня, понимаете ли, слабость к порядочным людям.

– А к нам у тебя нет слабости? – недовольно произнес сибиряк. – Мы едва не распостились с жизнью из-за твоей прихоти!

– Это не прихоть, – холодно сказал Шамсудин, взглянув в глаза Сварогу – и славянин замолчал, поняв, что эту тему лучше не обсуждать, для его же собственного блага.

– Хоть бы спасибо сказал, нелюдь несчастный, – пробормотал словно бы про себя Сварог.

– У нас в Туране не говорят спасибо человеку, спасшему тебе жизнь, – невозмутимо сообщил Шамсудин. – Слова здесь бессильны. Просто твоя жизнь отныне принадлежит твоему спасителю, вот и все.

– Мне ужасно неприятно оттого, что из-за меня вы подверглись такому риску, – взволнованно произнес Бебедор. – Право, спасение одинокого старика не стоит ваших юных жизней. Теперь я навеки ваш должник!

Тут даже Сварог махнул рукой – как можно сердиться на человека, одержимого демоном мягкосердечности?

– А что нового у вас? – многозначительно поинтересовался Шамсудин, меняя тему беседы.

Ирина покачала головой и незаметно кивнула в сторону доктора философии, протянувшего худые руки к огню.

– Можете говорить при мэтре Бебедоре. Я ему доверяю, – твердо произнес полугном.

Ирина вздохнула, Сварог пожал плечами – но спорить с туранцем никто не решился.

– Проклятая девчонка оказалась мальчишкой, и ее, то есть его, увели, – мрачно сообщил сибиряк главную новость.

Шамсудин вопросительно поднял брови, и Ирина кратко рассказала полугному о событиях последних дней.

– Значит, это был наследник трона? – без всякого удивления повторил Шамсудин. – Что ж, я догадывался о чем-то подобном.

– И не сказал мне? – возмутился Сварог, чувствуя себя оскорбленным оттого, что, как оказалось, он единственный попался на удочку Ирины.

– Это была не моя тайна, – развел руками туранец.

– Кто же все-таки похитил ребенка? – задумчиво протянула Ирина. – Судя по всему, во дворце он не объявился. Может, это действительно были те самые заговорщики, в чьи ряды едва не записали нашего Шамсудина?

– Ох, уж эти заговорщики! – вмешался мэтр Бебедор. – Вместо того, чтобы изучать науки или, на худой конец, искусства, молодые люди закрывают лица черными платками, собираются в каких-то подозрительных местах и толкуют о том, о чем не имеют ни малейшего понятия в силу их молодости и отменной глупости! Мой племянник, знаете ли, тоже этим увлекся. Мнит себя спасителем отечества и пыжится – а сам даже не способен дать определение сущности мирового эфира! – философ осуждающе покачал головой, приглашая остальных присоединиться к его негодованию.

– Так я могу твоего племянника научить, – проявил любезность сибиряк. – Я эту сущность по запаху определяю. К примеру, хороший эль пахнет совсем... – тут Сварог увидел устремленные на него взгляды присутствующих и несколько смущенно пробормотал: – Разве эфир – не выпивка? А я думал, это что-то вроде туранского керзаза...

На лице доктора Бебедора был написан истинный ужас, которого на нем не было даже во время драки у Каземата – видимо, мэтр впервые встретил более неосведомленного в философии человека, чем его племянник, и это поразило его в самое сердце.

– Послушай, мэтр Бебедор, а как давно твой племянник связался с заговорщиками? – словно невзначай поинтересовалась Ирина, но по ее заблестевшим глазам было видно, что девушке пришла в голову какая-то мысль.

– Совсем недавно. До этого Ревенд был вполне приличным юношей, – сокрушенno вздохнул философ. – Учился в Университете Берлина, и неплохо. А теперь и учебу забросил. Говорит, не время заниматься образованием, когда король разваливает страну! Явно племянник попал под чье-то дурное влияние – каких-нибудь прощелыг-эвдемонистов! – горячо воскликнул мэтр. – Совершенно, знаете ли, ложная теория! Я еще могу согласиться с некоторыми утверждениями гедонизма, но...

– Прости, мэтр, а с кем встречается твой племянник? – вежливо перебила доктора Ирина. – Какие у них планы?

– Ревенд мне что-то говорил, да я не прислушивался, – отмахнулся Бебедор. – Все это детские игры, и ничего более. Хотя есть среди них и вполне взрослые приличные люди, дворянского сословия. О чем они думают, позволяя мальчикам рассуждать на такие темы? – внезапно философ побледнел и встревожено взглянул на собеседников: – Но вы ведь не донесете на Ревенда? Он, конечно, глупый мальчишка, но я не могу допустить, чтобы ему отрубили за это голову. Перед смертью мой брат просил меня позаботиться о сыне, и я хотел

бы оправдать его доверие. В Каземате я ни словом не упомянул о моем племяннике – как я понял, эти звери не будут разбираться, кто настоящий преступник.

– Успокойся, уважаемый доктор, – улыбнулся Шамсудин. – Ты забыл, что за нами самими охотится стража.

– Да, действительно, – смутился Бебедор. – Прошу великодушно простить.

– Мэтр, нам необходимо поговорить с твоим племянником, – с нажимом сказала Ирина. – В одном Ревенд прав – в столице действительно творится что-то неладное, и мы пытаемся в этом разобраться. Быть может, твой воспитанник сумеет помочь нам в этом.

– Мне бы не хотелось, чтобы мальчик занимался такими делами, – вздохнул доктор философии. – Гораздо больше пользы для юношества приносит учеба, чем участие в политике. Но моим спасителям я отказать никак не могу... Я завтра же пойду домой и попрошу Ревенда встретиться с вами.

– Мэтр Бебедор, тебе нельзя идти домой, – терпеливо проговорила девушка. – После твоего побега из Каземата в доме тебя наверняка ожидает стража.

– Да, наверно, – расстроено произнес философ. – Я как-то не подумал об этом. А что же делать?

– Я пошлю Тrima, и он приведет твоего племянника сюда, – решила Ирина. – Тем более, что ему тоже грозит опасность. Ревенда вполне могут арестовать как твоего сообщника.

– Какое ужасное время! – посетовал Бебедор. – Ученый, вместо того, чтобы заниматься изысканиями, вынужден сбегать из тюрьмы и прятаться, точно какой-нибудь разбойник!

Ирина грациозно поднялась с кресла и по-кошачьи потянулась всем телом.

– Вы как хотите, месьоры, а я иду спать, – сообщила рабирийка. – Сами знаете, в моем возрасте такие эскапады даются нелегко, – и, рассмеявшись, девушка легко выбежала из комнаты.

– В ее возрасте? – недоуменно покрутил головой Бебедор. – Не считите вопрос бесактным, но сколько же госпоже лет?

– Я думаю, около сотни, – серьезно ответил Сварог и, подумав, добавил: – Ну, может быть, девяносто восемь.

– Но это же невозможно! – вскричал доктор с пылом. – Согласно законам естествознания, человек не может выглядеть столь юно в подобном возрасте!

– То – человек, а то – вампир-гуль, – пояснил сибиряк.

– Но... вампиров не бывает, – как-то по-детски жалобно сказал философ.

– А ты спроси об этом Ирину, – хмыкнул славянин.

Доктор Бебедор растерянно взглянул на Шамсудина – но тот лишь развел руками: мол, я тебя очень уважаю, но против истины не попрешь. Недоверие не лице доктора сменилось печалью, и он вышел, что-то расстроено бормоча про себя о конфликте между какими-то номиналистами и реалистами. Сварог тоже поднялся, намереваясь найти свободную кровать и хорошенько вздремнуть до утра.

– Послушай, Сварог, – остановил его Шамсудин. – Это, конечно, не важно, но мне хотелось бы знать... Серкл сказал мне, что мой побег стоит тысячу золотых талеров. Откуда у вас такие деньги?

– Не тысяча, а шестьсот, – поправил Сварог и невольно ухмыльнулся. – Часть насобирала Ирина, продав свои драгоценности, а остальное достал я.

– Ограбил кого-нибудь? – мигом расстраиваясь вздохнул турец.

– Сразу тебе ограбил! – оскорбился славянин. – Я продал свой лотос.

— Лотос? — резко переспросил Шамсудин. — Откуда... Ты украл лотос в Дэлираме?! — полугном даже стукнул кулаком по столу в гневе от своей догадки.

— Не украл, а спас от бессмысленного уничтожения, — поправил друга Сварог. — И, как видишь, правильно сделал.

Лицо Шамсудина залила краска.

— О Эрлик, думал ли я, что доживу до такого позора! — воскликнул полугном. — Своим спасением я обязан проданным женским украшениям и украденному порошку лотоса!

— С тобой не поймешь, что для тебя позор, а что нет, — пробурчал Сварог. — Я бы на твоем месте не ломался.

— Ты не понимаешь, — печально сказал бывший гвардеец. — Туранский воин считает себя опозоренным, если женщина будет продавать из-за него свои вещи или если он воспользуется краденым. Теперь моя честь погибла, — и Шамсудин в отчаянии отвернулся.

Сварог поглядел на своего друга и недоуменно пожал могучими плечами.

— Охота людям мучиться, — пробормотал сибиряк. — Сначала насочиняли себе запретов, а потом беспокоятся, как бы их не преступить. Как, все-таки, удобно быть славянином!

* * *

Ночью дождь прекратился, и под утро Берлин затянуло плотным белесым туманом. Солнце отчаянно трудилось, прокладывая себе дорогу сквозь белую пелену — и, наконец, торжественно засияло в чистом, словно вымытом дождем голубом небе.

Трудолюбивая Сезия поднялась спозаранку, чтобы успеть приготовить завтрак дляочных гостей. Иногда молча спустилась на кухню и принялась помогать хозяйке. Ильма, напротив, первым делом занялась приведением в порядок себя и своего платья, весьма пострадавшего после вчерашнего приключения. Шамсудин и мэтр Бебедор беседовали на ученые темы, сидя у очага. Серкл, уже оправившийся от потрясения, обретался рядом, делая попытки вставить в их разговор очередную байку из тюремной жизни. Сварог, не мудрствуя лукаво, просто отсыпался в ожидании, когда позовут трапезничать. Ирина ушла куда-то с самого утра, и на все вопросы о ней Сезия лишь улыбалась и разводила руками — мол, сами знаете, госпожа Ирина как ветер, на одном месте не сидит...

Рабирийка вернулась к обеду. Оказывается, она ходила в город разузнать последние слухи. Там уже активно обсуждался ночной побег из Каземата. Говорили, что сбежали чуть ли не десять узников во главе с самой королевой, что помогали им наемники-головорезы, количество которых колебалось от двадцати до ста в зависимости от воображения рассказчика. Погоня будто бы результатов не дала, поскольку беглецы на быстрых, как ветер, конях умчались в сторону Офира, чья грязная лапа, без сомнения, и организовала эту авантюру, каковая является просто плевком в лицо Немедии. Теперь король, конечно же, объявит войну этим наглецам, считающим, что соседи без о菲尔цев в своих делах не разберутся. Так что можно чистить дедовское оружие и готовиться к рекрутскому набору, а цены на соль снова взлетят.

В Канцелярии, куда рискнула зайти рабирийка, проявили гораздо большую осведомленность. Как выяснилось, сбежали из Каземата неизвестный иноземец,

хладнокровно вырезавший всю семью почтенного дворянина, друга самого короля, и один из самых отъявленных смутьянов, выдававший себя за какого-то ученого. Снаружи их ожидал могучий человек славянинского обличья, который без труда порубил половину стражников, дав возможность скрыться своим сообщникам.

Канцелярия шумела и возмущалась наглостью бунтовщиков. Были принятые крутые, хотя и несколько запоздалые меры. Приказы об аресте и смертные приговоры раздавались направо и налево. Стражники во главе с офицером, упустившие беглецов, уже находились на пути к Немедийским горам, где им предстояло охранять каторжников в самых глубоких и сырых шахтах. Караулы в Каземате удвоили, надзирателей сменили, а королеву лишили возможности получать с воли даже нитки для вышивания.

К вечеру Трим привел в дом Сезии еще одного гостя. Это был весьма молодой человек, которому явно еще не исполнилось двадцати лет, чего он, видимо, очень стеснялся. Юноша был высокий и худой, с длинными руками и крупными ногами, и при этом напоминал большого неуклюжего щенка. Лицо его, нежное и румяное, как у девушки, чем-то напоминало лицо мэтра Бебедора.

— Дядюшка! — взволнованно закричал гость, бросаясь к философу и заключая его в объятия. — Как я счастлив видеть тебя вновь на свободе! Я так беспокоился за тебя!

— Позвольте представить вам моего племянника Ревенда, — сказал Бебедор, выпутавшись из рук юноши. — Этим людям, Ревенд, твой дядя обязан своей свободой и, если не ошибаюсь, жизнью.

Юноша обвел всех присутствующих — а присутствовали при этом Ирина, Сварог и Шамсудин — взглядом больших светлых глаз и прижал руки к сердцу.

— Вы благородные люди, месьоры, — срывающимся голосом заговорил Ревенд. — Но знайте: спасая мэтра Бебедора, вы спасали один из лучших умов Немедии, продвинувших нашу философию на сотню лиг вперед!

— Если меня поймают, эта мысль очень скрасит мои последние мгновения на эшафоте, — не слишком вежливо пробормотал Сварог.

— Ревенд, эти господа нуждаются в одной услуге, которую ты можешь им оказать, — начал было философ.

— Для твоих спасителей я готов на все! — горячо вскричал юноша, и его глаза загорелись опасным блеском энтузиазма.

— Ну, так много они не требуют, — успокоил Бебедор. — Им всего лишь надо, чтобы ты свел их со своими друзьями... Ну, ты понимаешь, о каких друзьях я говорю. Ты знаешь, я не одобрял и не одобряю твоих увлечений, но на этот раз ты можешь не считаться с моим мнением.

Лицо Ревенда покрылось жарким румянцем, брови сдвинулись, а кулаки сжались.

— Дядюшка! — срывающимся голосом заговорил юноша. — Я очень уважаю тебя, но эту просьбу я не выполню никогда! Как ты можешь просить своего племянника совершить предательство! Что сказал бы мой отец...

— Да оставь ты в покое моего бедного брата, — поморщился Бебедор и вздохнул. — Госпожа Ирина, прошу тебя, объясни этому глупому мальчишке, для чего вам понадобилось встречаться с его не более умными друзьями.

— Конечно, мэтр, — кивнула девушка.

Сварог со скучающим видом отвернулся. Подобные сосунки, изъясняющиеся сплошь восклицаниями и поминутно краснеющие, наводили на него одну тоску. Сам он не был

таким даже в пору ранней юности, а в Киммерии, между прочим, юность обычно заканчивается лет в четырнадцать.

Ирина что-то мягко и настойчиво втолковывала Ревенду, напоминая умелого наездника, облезжающего молодого жеребчика. Вскоре глаза юноши перестали метать молнии, кулаки разжались, и лицо приняло спокойное выражение, что с ним, по-видимому, случалось нечасто.

— Конечно, госпожа Ирина, мой долг — помочь вам, — согласился юноша. — Мы, как и вы, печемся лишь о благе Немедии, и здесь наши интересы пересекаются. Мои друзья будут в восторге оттого, что я привел таких знающих людей и... — Ревенд с уважением посмотрел на Сварога, — таких хороших бойцов.

— Как же, стану я драться за твоих приятелей-заговорщиков, держи карман шире, — пробормотал Сварог в сторону.

Тут в комнату легкой походкой вошла Ильма. Увидев новое лицо мужского пола, она быстрым движением поправила прическу, на которую потратила половину дня, и с кокетливой улыбкой прошла мимо юноши, повиливая округлыми бедрами. Но Ревенд, занятый своей важной миссией посредника между двумя тайными обществами, не обратил на присутствие девушки никакого внимания. Ильма разочарованно пожала плечами и подошла к Бебедору. Философ тут же отвернулся от племянника и засуетился, пододвигая девушке стул и усаживая ее поближе к очагу.

— Как хорошо, что вы прислали за мной именно сегодня, — возбужденно говорил Ревенд. — Завтра мы встречаемся в доме одного из наших людей, чтобы обсудить дальнейшие действия. Туда-то я вас и приведу! — юноша сиял, словно он только что придумал удачный план сражения.

— Пойдете только вы с Сварогом, — сказала Ирина, посмотрев на Шамсудина. — Думаю, мне не стоит туда соваться. Если я встречу там знакомого — могут быть неприятности. Я ведь всегда слышала сторонницей Нимеда, и мое появление в стане недовольных королем может насторожить их, — добавила девушка, понизив голос, чтобы ее не услышал племянник философа.

— Месьор Сварог и месьор Шамсудин? — обрадовался Ревенд, глядя на них так, словно они были его братьями, потерянными десять лет назад и вновь обретенными. — Конечно, наши будут рады вам! — при этом юноша невольно повернулся к Сварогу, видимо, не будучи уверен, что его друзья будут рады принять какого-то коротышку с лицом заурядного чиновника. Потом Ревенду пришла в голову еще одна мысль:

— А, может, мы возьмем с собой дядю? Он представит вас как своих спасителей, это внушил к вам большое доверие. Мэтра Бебедора все уважают... Дядюшка, ты пойдешь с нами?

— Что?.. А... Да... Не знаю... — рассеянно ответил философ, который в этот момент объяснял Ильме, каким образом в гностицизме решается проблема дуализма. Ильма старательно кивала.

— Я думаю, мэтр не откажется сопровождать Сварога и Шамсудина, — улыбнулась Ирина.

— Да, конечно, — нетерпеливо отмахнулся Бебедор и перешел к учению об эманации, вдохновляемый взмахом длинных ресниц Ильмы.

Из кухни выглянуло круглое распаренное лицо Сезии.

— Ужинать! — позвала она, добродушно улыбаясь.

Уже знакомые с непревзойденным умением Сезии готовить, гости не заставили себя

упрашивать. В комнате остался один Ревенд, растерянно озирающийся вокруг и не знающий, что ему делать. Из кухни вышла Ингода и, увидев топчущегося на месте юношу, улыбнулась.

— Что же ты стоишь? — сказала она. — Ужин стынет.

— Но... меня не приглашали, и вообще... — промямлил Ревенд. Немногословная Ингода подошла и просто взяла его за руку.

— Ужин стынет, — повторила девушка, и племянник философа покорно пошел за ней, ведомый за руку, словно нерадивый ребенок терпеливой матерью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Неподалеку от столичной резиденции немедийских королей, подальше от кишащих крысами и нищими окраин Берлина, располагался богатый квартал, метко прозванный в народе Золотой Пуп. Здесь обитали преимущественно дворяне – придворные вельможи, офицеры, бароны, верховные священнослужители и просто знатные аристократы, прожигатели жизни и отцовских денег. Каменные особняки, один другого больше и кичливее, призваны были доказать величие хозяина. По фасаду зданий, везде, где только можно, были наяпаны гербы владельцев и аршинными буквами выведены их родовые девизы. По бокам парадного входа на посетителей скалились различные драконы, медведи, львы, мантикоры и прочая нечисть, долженствующая внушить почтение перед хозяевами. Окна были украшены затейливыми витражами, дабы доказать даже случайному прохожему, что живущие в доме ценят искусство. Из палисадников доносился запах экзотических растений, каковой должен был ввергнуть в черную зависть соседей и заставить их надавать зуботычин своим садовникам. Словом, всякий чужак, зашедший сюда, должен был остро ощутить свое ничтожество и поскорее убраться восвояси.

Правда, четверо идущих по одной из хорошо вымощенных улиц квартала Золотой Пуп людей, по-видимому, не спешили падать ниц и лобызать каменные лапы привратных львов. Они равнодушно проходили мимо роскошных зданий, богатых карет, суровых лакеев, разряженных дам... Впрочем, на дам один из них – мускулистый черноволосый гигант с мечом в заплечных ножнах – обращал внимание, но отнюдь не почтительное. Под острым взглядом его голубых глаз дамы невольно краснели, словно ощущая шорох стягиваемого с них платья. Идущий следом за гигантом коротышка казался вырезанным из дерева – до того бесстрастным было его лицо. Сопровождающие их юноша с пламенным взглядом и средних лет мужчина, задумчиво шевелящий губами, выглядели вообще существами не от мира сего.

На самом деле, Сварог рассматривал жен и дочерей вельмож лишь для того, чтобы хоть немного скрасить предстоящий визит к пресловутым заговорщикам. Сварог уже успел побывать во многих странах, и везде знать была надутой и спесивой до невозможности. Каждый захудалый дворянчик, владелец грязного замка и полусотни заморенных голодом крестьян, считал своим долгом выразить свое пренебрежение безродному славянину. Даже знакомство с мечом или кулаком сибиряка не всегда могло выбить из аристократов их врожденное самомнение. Поэтому у Сварога даже сводило скулы от мысли, что сейчас ему придется встретиться с очередными представителями высшего сословия и терпеть их косые взгляды. Особенно удручало, что при этом нельзя будет слегка посбивать с них спесь – перед выходом Ирина провела с Сварогом беседу, в которой недвусмысленно предостерегла славянина от возможных инцидентов.

Ревенд торопливо шел рядом с киммерийцем, стараясь подладиться под его широкий шаг. Сварогу казалось, что по лицу юноши любой распознает, что они идут на тайное сборище. Ревенд непрерывно оглядывался, вытягивая шею, рыскал взглядом по переулкам и шарахался от попадающихся навстречу конных гвардейцев, патрулирующих Золотой Пуп с похвальной и недоступной в других кварталах города тщательностью. Под полой плаща племянник философа прятал неведомо как попавший к нему кхитайский крис – Сварог подозревал, что Ревенд собирается торжественно воткнуть его себе в сердце в случае ареста. О другом предназначении оружия юноша явно не имел понятия, так же, как и его дядюшка.

Почтенный философ, погруженный в какие-то свои думы, что-то бормотал, иногда размахивал руками и постоянно отставал от своих спутников. Похоже было, что он воображает себя читающим с кафедры лекцию студентам, а об истинной цели их пути доктор Бебедор уже успел прочно забыть.

Проходя мимо какой-то лавки, Сварог обратил внимание на небольшую толпу, в центре которой явно кого-то били. Каждый хриплый вскрик жертвы зрители встречали одобрительным гулом, предназначавшимся экзекуторам. До Сварога долетел жалобный призыв избиваемого о помощи, сопроводившийся новой порцией ударов. Шамсудин напрягся и нерешительно посмотрел в ту сторону.

— Охота тебе ввязываться? — пробурчал Сварог, разгадав намерение друга. — Еще и тебе всыплют.

— Не люблю, когда несколько человек нападают на одного, — сухо ответил Шамсудин и поморщился. — Трусам и подлецам надо указывать их место.

Тут на Сварога сзади налетел доктор Бебедор, задумавшийся и не заметивший, что его спутники остановились.

— Что, уже пришли? — добродушно вопросил философ, оглядываясь вокруг.

— Нет, дядюшка, — терпеливо сказал Ревенд и встревоженно взглянул на Сварога. — Что-то случилось?

— Шамсудин давно никого не спасал, у него уже чешется, — не слишком вежливо пояснил славянин.

Тут избиваемый издал особенно жалостливый стон, призванный смягчить каменные сердца истязателей. Туранец решительно вошел в толпу и пробился в самую середину.

— Что тут происходит, люди добрые? — нехорошим голосом поинтересовался Шамсудин. — За что человека уродуете?

— Так он, мразь рваная, булку у господина Эмирали украл, — с ненавистью проговорил человек в поварском колпаке и плонул в сторону вора.

Господин Эмирали, владелец кондитерской лавки, с достоинством покачал головой и сцепил пухлые пальцы на животе, собираясь досмотреть избиение до конца.

— Я... очень есть хотел... — невнятно произнес распухшими окровавленными губами обвиняемый. Это был нищий, заросший бородой и в грязных отрепьях, худой, словно бродячий пес. При взгляде на него охотно верилось, что он изголодал настолько, что презрел опасность и решил украсть у лавочника булку.

— И вы за простую булку собираетесь лишить человека жизни? — холодно проговорил полугном, опасно блеснув глазами.

— Э, как это — за простую?! — возмутился Эмирали. — Там, между прочим, изюм был, корица опять же, миндаль, и булка была не обычная, а в форме сердца...

— Да хоть в форме статей! — гневно сказал Шамсудин. — Отпустите этого человека, я заплачу за булку.

— Мне денег не надо, я за справедливость! — гордо ответствовал хозяин лавки, поддержанный одобрительными выкриками горожан.

Шамсудин открыл было рот, собираясь что-то сказать, но его перебил срывающийся от возмущения юношеский голос.

— Какая справедливость? — закричал Ревенд, возбужденно размахивая руками. — Разве вам доступна простейшая справедливость? Унижая и избивая голодного человека, вы тем самым ставите себя на одну ступень с животными. Опомнитесь, люди! Где же ваша доброта,

милосердие? Даже Митра велел делиться с обездоленными! Хотя ваш Митра не более чем суеверие, но некоторые богословские идеи...

— Он кощунствует! — в ужасе вскричал кто-то в толпе. — Против Подателя Жизни наговаривает!

— Ах ты, безбожник поганый! — зловеще раздалось за спиной Ревенда.

— На костер захотел?!

— Вызовите стражу, мы еретика поймали!

— Держи гаденыша! Бей его!

Горожане зашумели, заулююкали. О нищем уже позабыли, предвкушая новую забаву. Воспользовавшись этим, бродяга быстро юркнул мимо господина Эмирали и смешался с толпой.

— Но... подождите! Я не против Митры, я чту ваши верования! — надрывался Ревенд, но его никто не слушал. Те, кто намеревался быть лишь зрителем, отодвинулись от юноши, очищая пространство для наиболее активных поборников религии. Ими оказались четверо или пятеро дюжих мужиков с внушительными мясницкими ножами и дубинками в руках, неторопливо начавших наступать на племянника философа.

Внезапно свистнул извлеченный из ножен меч и опасно закачался, нацелив острие в грудь ближайшего почитателя Митры.

— Еще шаг — и я выпущу тебе кишки, — спокойно сообщил Шамсудин верзиле.

— Хе! — пренебрежительно сказал тот, обманутый мирной внешностью полугнома и его небольшим ростом. Поддерживаемый выкриками из толпы, верзила сделал еще шаг к Ревенду — и, взвыв от боли, рухнул навзничь, подняв облачко пыли. Из-под его тела побежали ручейки крови, скапливаясь в углублениях между камнями мостовой.

Дружки верзилы попятались. Над толпой повисло гробовое молчание, прерванное истерическим криком:

— Убили! Еретики Стыря убили! Что ж это делается, люди добрые?!

По опыту Сварог знал, что это выкрик обычно предшествует большому побоищу, учиняемому помянутыми добрыми людьми. Отшвырнув с дороги пару зевак, сибиряк пробился к спутникам и встал рядом с Ревендром, недвусмысленно помахивая извлеченным из ножен мечом. Сбоку пристроился философ, преисполненный намерения быть рядом с племянником. По счастью, более опытный в общении с народом, нежели юноша, мэтр Бебедор молчал.

Зашитники Митры заколебались еще больше, увидев, что противников уже четверо.

— Немедийцы, мы что, позволим этим поганцам над собой измыватьсь? — раздалось из толпы.

— Бейте их, гадов!

— Давайте, парни, смелее!

Поддержаные выкриками сограждан, парни двинулись на врагов. За ними в арьергарде пошли самые сознательные из зрителей, решившие поддержать бойцов не только словесно.

— Надо сматываться. Слишком их много, — со знанием дела сказал Сварог. — Давай, Шамсудин!

Сибиряк и полугном кинулись на вооруженных парней как самых опасных противников. Те неумело попытались сопротивляться, замахиваясь на Сварога и его спутников дубинками и стараясь пырнуть их ножом. Конечно, трудно ожидать от простых горожан знания того, что против мечей нож и дубинка ничего не стоят, но все-таки Сварог ожидал от них больше

здравого смысла. Славянину и полугному пришлось убить и покалечить пятерых, пока остальные сообразили, что дело пошло не так, как они рассчитывали, и устроить на забаву избиение странных чужаков не удастся. Толпа поспешно раздалась в стороны, избегая встречи с безжалостными мечами Сварога и Шамсудина. Под защитой их оружия почтенный философ тащил за руку своего незадачливого племянника. Ревенд, уже понявший, что одних горячих слов согражданам явно недостаточно, угрожающе выставил перед собой крис.

Вырвавшись из толпы, Сварог и его товарищи свернули в ближайший проулок. Впрочем, преследовать их никто не собирался. Вдали раздавался стук копыт конной стражи, и участники столкновения сами спешили убраться восвояси, по опыту зная, что стражники не станут разбираться, кто прав, а кто нет. В Золотом Пупе мелкому люду – лавочникам, слугам, ремесленникам – нечего было рассчитывать на снисходительность охранителей порядка.

Сварог засунул меч обратно в заплечные ножны и сердито взглянул на Шамсудина.

– Я же говорил – не ввязывайся! – буркнул он. – Учу тебя уму-разуму, учу, а толку никакого… Добро бы, этот молокосос полез, а тебе в твоем возрасте такая дурь не к лицу.

В ответ полугном лишь молча пожал плечами, давая понять, что в этом вопросе мнение друга для него не слишком авторитетно.

– Позволь поблагодарить тебя, Сварог, и тебя, Шамседин, за то, что не дали этим людям обидеть моего племянника, – мягко произнес Бебедор. – Но, друзья мои, мне все же кажется, что не стоило убивать их, ибо они не ведали, что творят. Увы, мои сограждане темны и жестоки, но брат на себя бремя смертоубийства…

– А мы что, должны были им поклониться и вежливишко попросить убраться с дороги? – ядовито заметил Сварог. – Нет уж! Если кто против меня оружие обнажил – пусть получает сполна. Жизнь у меня всего одна, и я намерен еще ею попользоваться. Знавал я одного проповедника в Шадизаре, тоже все толковал о мире да о братстве, оружия не носил. Ну и что? Пристукнул его какой-то бродяга за пару монет. И кому от этого стало легче? Я не разбойник какой, на мирных людей не нападаю. Но если кто-то встанет мне поперек пути – я удар смягчать не стану!

– Какая славянинская сила! – с восхищением сказал Бебедор, выслушав речь сибиряка. – Типичный волюнтарист!

– Ты, мэтр, не заговаривайся! – побагровел Сварог. – Я такими вещами не занимаюсь! С женщинами – пожалуйста, а это… А что славянин, так я не стыжусь. Уроженец ваших просвещенных стран и половины тех передряг не прошел бы, что на мою долю выпадали.

Внезапно кто-то тихо тронул Шамсудина за локоть. Он обернулся. На него смотрели темные глаза давешнего бродяги.

– Благодарю вас, месьоры, – печально произнес нищий, вытирая все еще сочившуюся из губы кровь. – Вашему вмешательству я обязан своей жизнью. Увы, мне нечем отблагодарить вас, кроме слов признательности…

Сварог дружески хлопнул нищего по тощему плечу.

– Ничего, парень, – дружелюбно заметил славянин. – Хоть это была и не моя идея, но я рад, что мы проучили это шакалье отродье. А ты, уж если взялся воровать, так смотри в оба. Тут с налета не возьмешь, хитрость и осторожность нужна. Знаешь, народ ой как любит воров дубасить!

– Просто они не знают, что такое голод, – тихо сказал бродяга, и губы его искривились. – Я тоже не знал до недавнего времени. О Митра, если б тогда кто-то мне рассказал, что я буду воровать булку у ничтожного лавочника, я велел бы бросить его в Каземат как порочащего

честь монарх!

Сварог и Шамсудин переглянулись. Все было ясно – бедняга не выдержал ударов судьбы, доведшей его до нищенства, и спятил. Такое случалось нередко – по дорогам бродили толпы блаженных, тронувшихся умом от горя, голода или болезней. Их жалели, слушали их невнятные рассказы и давали кусок хлеба. Даже стража и разбойники не трогали несчастных – убить блаженного считалось тяжким грехом. Были и такие, что считали себя посланцами богов, королями созданной их больным воображением страны или могучими чародеями. Этих особенно любили мальчишки – они бессердечно издевались над ними, встречая взрывами хохота угрозы испепелить их молнией или послать на виселицу.

Ревенд с жалостью посмотрел на нищего и, порывшись в карманах, вытащил несколько медных талеров и вручил ему. Бродяга зажал деньги в грязной и исцарапанной ладони.

– Благодарю, месьор, – глухо проговорил он. – Ты спас от голодной смерти короля Немедии.

Сзади послышались крики, свист хлыста и ругань гвардейцев, разгоняющих остатки зевак, наблюдавших за дракой. Нищий втянул голову в плечи и торопливо юркнул в ближайший переулок. Видно, ему уже доводилось встречаться со стражами порядка, и он не слишком желал повторения. Сварог и его спутники ускорили шаги.

– Странный человек, – произнес доктор Бебедор. – Выглядит как оборванец, а разговаривает, как образованный человек.

– Ах, дядюшка, мало ли образованных людей в наше время становятся оборванцами, – вздохнул Ревенд. – А ты еще говоришь, что я и мои друзья занимаемся глупостями. Позор такой державе, где порядочные благородные люди вынуждены погибать с голоду!

Шамсудин шел молча, что-то обдумывая. Потом он повернулся к философу.

– Мэтр Бебедор, а ты хорошо знаешь в лицо короля Нимеда? – неожиданно спросил полугном.

– Все его знают, – удивился философ. – Он часто проезжает по городу верхом. Однажды он даже был у нас в Университете, и мы с коллегами удостоились чести беседовать с ним. Очень, знаете ли, рассудительный молодой человек!

– Этот нищий случайно не был похож на короля? – как бы между прочим поинтересовался Шамсудин.

– Да что ты! – еще больше удивился Бебедор. – Ничего общего. Король высокий, почти как Ревенд, светловолосый, черты такие правильные – в королеву-мать пошел, она у него красавица была. А этот чернявый, роста среднего, глаза темные – нет, совсем не похож! – философ растерянно посмотрел на полугнома. – А, позволь узнать, почему ты спросил?

– Просто так, – отозвался Шамсудин. – Просто так...

* * *

– Прошу вас пройти со мной, месьоры.

От неожиданности Сварог вздрогнул и оглянулся. Позади него в арочном проеме стоял щегольски одетый молодой человек и снисходительно глядел на него и Шамсудина.

– Ну, наконец-то, – буркнул сибиряк.

После стычки возле кондитерской лавки Сварог со спутниками еще поплутали по аристократическому кварталу. Потом Ревенд, краснея и запинаясь, попросил их подождать здесь, поскольку он не имеет права привести их прямо в дом, где собирались его друзья, хотя сам безусловно Сварогу и Шамсудину доверяет... Киммерийцу надоело слушать бормотание юноши, и он согласился постоять на площади возле какого-то фонтанчика, пока Ревенд сходит к заговорщикам за указаниями. Вскоре юноша вернулся, красный и запыхавшийся – боясь обидеть своих спутников отсрочкой, он бежал всю дорогу. С ним пришел какой-то человек и непрекаемым тоном заявил, что вынужден завязать месьору Сварогу и месьору Шамсудину глаза, нисколько не желая их тем обидеть, а лишь для сохранения тайны местоприбывания дома. Полугном пожал плечами и безропотно дал завязать себе глаза черным платком, специально принесенным для этой цели соратником Ревенда. Сварог поскандалил ради удовольствия, посомневался в чистоте предложенного ему платка, повозмущался необходимостью оставить меч при входе – и, доведя заговорщика до белого каления, милостиво позволил завязать глаза и себе.

Сибиряк чувствовал себя чрезвычайно глупо, бредя по улице с завязанными глазами и надвинутом на лицо, чтобы скрыть повязку, капюшоне плаща, держась при этом за руку Ревенда. Его утешало лишь то, что Шамсудин в таком же положении. Их еще немного поводили по улицам, чтобы запутать, потом заскрипела тяжелая входная дверь, их предупредили, что сейчас будут ступени, Сварог все равно споткнулся и помянул Нергала – и, наконец, киммерийцу и полгному сняли повязки.

Они находились в небольшой комнате сбоку от парадной лестницы. Полукруглые арочные проходы вели из комнаты – один к лестнице, другой – в недра дома. В комнате находился лишь стол со стулом да большое бюро из темного дуба – судя по всему, здесь работал секретарь хозяина или личный писец. Здесь Сварога и Шамсудина оставили одних, уведя Ревенда и мэтра Бебедора куда-то вглубь особняка, где, видимо, и находились таинственные противники короля. Правда, за гостями все же присматривали – Сварог слышал на лестнице чьи-то голоса, тоном профессионалов обсуждающие достоинства и недостатки полуторного меча перед двуручником.

В ожидании, пока заговорщики вдоволь насовещаются и позовут их, сибиряк принялся рассматривать бюро, поскольку больше в комнате рассматривать было нечего. На его поверхности были затейливо вырезаны различные животные, их черные бока и выпуклые морды глянцево блестели при свете масляной лампы. Сварог наклонился и, удивляясь сноровке резчиков по дереву, провел пальцем по гладко отполированному лбу быка, в нос которого даже было вставлено крошечное медное колечко. Тотчас внутри бюро что-то щелкнуло, и один из ящиков выскочил наружу. Сварог растерянно посмотрел на него, не понимая, что произошло.

– Закрой, а то подумают, что мы собираемся копаться в их бумагах, – посоветовал Шамсудин.

Сварог легко нажал на ящичек – но тот не поддался. Сибиряк нажал сильнее – тот со скрипом проехал внутрь на длину пальца, но, как только Сварог отпустил его, бодро выпрыгнул в обратное положение. Северянин ругнулся – это не помогло. Тогда Сварог яростно надавил на непокорный ящик со всей силы – внутри снова что-то щелкнуло, и ящичек, словно потеряв упор, легко закрылся.

– Кром, сломал! – повинился сибиряк.

Тут-то и явился посланец заговорщиков, пригласивший северянина и полгнома к

остальным. Следуя за юношой через анфиладу богато обставленных и роскошно отделанных комнат, Сварог тихо раздражался. Казалось, сама спина юноши, облаченная в бархатную куртку, выражала пренебрежение к странным гостям. То и дело поправляя унизанными перстнями пальцами пышные кружевные манжеты, выпущенные из рукавов куртки, молодой человек даже не оглядался на идущих за ним людей, словно это было ниже его достоинства.

«Попался бы мне этот цыпленок в укромном месте – я бы живо с него кружева-то пообдирил!» – мстительно думал сибиряк, сверля взглядом бархатную куртку. Проведя уже немало лет в цивилизованных странах, Сварог так и не научился признавать привилегии высокорожденных. Для него имели вес лишь те заслуги, что человек завоевывал сам, при помощи собственных меча и ума, а славные деяния предков и высокий титул не имели в его глазах никакого значения. Именно за это многие презрительно именовали его славянином. Впрочем, сам сибиряк не усматривал в этом ничего обидного.

Наконец, Сварог и Шамсудин в сопровождении щеголеватого юноши вступили в небольшую залу, предназначенную, судя по водруженному в середине массивному столу, для совместных семейных обедов. Сейчас на столе не было приборов, окна были плотно занавешены тяжелыми гардинами, и вставленные в высокие канделябры свечи освещали четверых человек, расположившихся в креслах у камина. Один из них был мэтр Бебедор, подслеповато шурившийся на вошедших. За его креслом стоял Ревенд, радостно улыбаясь Сварогу и Шамсудину.

– Я привел их, отец, – сообщил юноша и насмешливо покосился на стоящих рядом людей. Сварог нахмурился, лицо полугнома осталось бесстрастным – туранца не могли взволновать вольности какого-то мальчишки.

– Хоть на это ты способен, Агритас, – ответил один из сидевших у камина, и в голосе его невольно проскользнуло застарелое недовольство сыном. Юноша изобразил на полных губах пренебрежительную усмешку и уселся верхом на стуле, демонстрируя свои стройные, обтянутые узкими штанами ноги.

– Мэтр Бебедор рассказал нам о вашем дерзком побеге из Каземата, месьоры, – заговорил отец Агритаса, даже не предложив гостям сесть. – Хоть это и выдающийся случай, но одного этого мало, чтобы мы доверились вам, господа. Поэтому мы не будем называть вам своих имен. Также в случае, если мы заподозрим в вас соглядатаев, мы оставляем за собой право применить к вам силу.

«Ничего себе, любезная встреча!» – мелькнуло в голове Сварога, но, повинувшись предостерегающему взгляду полугнома, он промолчал. Так же молча сибиряк придвинул к себе свободный стул и развалился на нем, мрачно поглядывая на вельмож. Поколебавшись, Шамсудин тоже сел.

Сварог весьма смутно представлял себе, зачем они явились сюда. Переговоры должен был вести Шамсудин, сообразуясь с указаниями Ирины. Девушка и полугном долго обсуждали предстоящую встречу, да Сварог не очень прислушивался. Кажется, Ирина хотела выяснить, что известно этим заговорщикам и какие у них планы. Киммерийцу же все этоказалось полной ерундой и совершенно, по его мнению, не могло помочь им разобраться, что произошло с королем.

– Досточтимые месьоры, – спокойно заговорил Шамсудин. – Думаю, нам нет смысла представляться, поскольку вы уже знаете наши имена.

При этих словах Ревенд густо покраснел и виновато взглянул на туранца. Но тот не

обратил на это внимания и продолжил:

– Не буду отнимать у вас драгоценное время и перейду сразу к делу. Мы прибыли к вам с поручением от некоего тайного, как и вы, сообщества, – слова «как и вы» Шамсудин подчеркнул, словно намекая, что уже связан с присутствующими здесь общим секретом.

– Тайного сообщества? – недоверчиво переспросил один из аристократов, пожилой седобородый мужчина. – Ревенд ничего об этом не говорил, он обещал привести лишь двоих, желающих вступить в наши ряды, – и седобородый устремил на юношу пронизывающий взгляд.

– Э... ну... – промямлил Ревенд, не зная, что лучше – соврать в угоду Шамседину или выразить недоумение.

– Мы, как и вы, бережем свои тайны, поэтому не раскрыли Ревенду всего, – спас положение туранец, и племянник философа торжествующе поглядел на седобородого вельможу.

– И что же вы хотите? – поинтересовался третий вельможа, молодой и с решительным лицом воина.

– Нам, как и вам, не нравится существующее положение в стране, – сказал Шамседин. – Мы предлагаем объединить усилия в борьбе против той силы, что разваливает Германию к вящей радости Аквилонии, Офира и Кофа.

«Как чешет – точно судья на заседании!» – уважительно подумал Сварог о своем друге.

– Хм, ты, месьор, как я вижу – иноземец. Почему же ты так заботишься о чужой родине? – в упор спросил седобородый.

– Я вырос здесь, в Берлине, и считаю эту страну своим домом, – с достоинством произнес полугном. – Я – сын туранского купца, осевшего в вашем гостеприимном городе еще до моего рождения. И благо Немедии значит для меня не меньше, чем благо земли моих предков.

Сварог начал было лихорадочно придумывать, где вырос он сам и чей он сын, но никто не поинтересовался его семьей – видно, сибиряка здесь считали не более чем телохранителем его низкорослого и красноречивого спутника.

– И каким образом вы собираетесь помочь нам? – высокомерно спросил отец Агритаса, проигнорировав, что полугном предлагал не помочь, а сотрудничество.

У Шамседина был готов ответ и на этот вопрос – они с Ириной не зря продумали всю предстоящую беседу до мелочей.

– К нам примкнули люди простые, но решительные, – спокойно сказал туранец. – У нас есть крепкие руки и оружие, но не хватает человека, который имел бы четкий план и смог бы руководить нами. Мы надеялись, что у вас уже есть план действий, который мы готовы воплотить.

Эти слова произвели заметное оживление среди троих заговорщиков. Склонившись друг к другу, они начали совещаться.

«Ирина верно рассчитала, – усмехнулся про себя Шамседин. – Эти господа совсем не хотят рисковать своей шкурой ради процветания страны и крайне нуждаются в послушных исполнителях, которых не жаль послать на смерть.»

– Ох, ну и тоска! – протянул Агритас и заботливо взбил кружева на рукаве. – Ревенд, ты идешь завтра в Университет? Кастор и Ликас будут биться на кулаках. Я поставил на Ликаса, а ты?

Ревенд в ужасе расширил светлые глаза – как можно обсуждать такую ерунду в

присутствии могущественных царедворцев, подпольно решавших судьбу Немедии!

— Нет, тут все решительно помешались на этом заговоре! — развязно произнес сын хозяина. — Стряпят какие-то проекты относительно короля, носятся с этим мальчишкой...

— Агритас! — угрожающе проговорил отец юноши. — Придержи язык, а то велю выпороть, как конюха, и даже твоя мать меня не уговорит!

— А что я такого сказал? — пожал плечами юноша. — Как будто эти двое не знают, что во всем виноват король Нимед и его надо убрать.

— Своим умом ты, Агритас, пошел в моего тестя — слава Митре, его отправили в Каземат, туда старику и дорога, — прощедил хозяин дома.

— Мальчик прав, Нел, — примирительно заметил седобородый. — Раз уж мы решили воспользоваться помощью этих людей — надо ввести их в курс дела, — при этом говоривший невольно бросил пренебрежительный взгляд в сторону гостей.

— Я против! — решительно возразил молодой. — Если мы будем рассказывать наши планы первым встречным — скоро все окажемся там, где сидит твой уважаемый тесть, Нел.

— Но, позвольте, — вмешался мэтр Бебедор, до этого безучастно сидевший в своем кресле, — эти люди не побоялись пойти против власти, организовали побег из самого Каземата, спасли жизнь мне и моему племяннику — а вы отзываетесь о них, словно о каких-то бродягах! Мне казалось, они вполне заслуживают вашего уважения и доверия! — философ оскорбленно посмотрел на молодого дворянина и, нахохлившись, отвернулся к камину.

— Ты преувеличиваешь, Шестопер, — поддержал Бебедора отец Агритаса. — В любом случае, нам придется или доверять им, или убить. Мы только что решили остановиться на первом.

Сlyша, как какой-то надутый придворный равнодушно рассуждает о его смерти, Сварог почувствовал холодное бешенство. Он уже открыл было рот — но Шамсудин предусмотрительно наступил ему на ногу и быстро заговорил сам.

— Я нескончально рад, что мы пришли к взаимному согласию. И, раз уж вы решили принять нас под свое крыло, хотелось бы узнать, каким образом вы намерены действовать.

— Действовать будете вы, мы будем руководить, — сухо сказал Нел. — Но вы, конечно, имеете право знать, к чему мы стремимся. Король Нимед был умелым правителем, но сейчас, к нашему общему расстройству, лишился рассудка и творит невообразимое, — по виду хозяина дома было не заметно, чтобы он испытывал от этого какое-либо расстройство. — Если мы позволим ему и дальше действовать в том же духе — он изведет немедийскую знать, развалит армию, восстановит против себя народ, и наша страна станет легкой добычей соседей.

— Истинная правда! — горячо воскликнул человек, названный Шестопером. — В войсках творится демон знает что! Половина солдат деморализована, другая половина возмущена, особенно после казни генерала Хертена. К тому же им уже месяц не выплачивают жалования! А, между тем, разведка доносит, что в Аквилонии идут спешные военные приготовления.

— Собственно, вы это и сами знаете, иначе не создали бы общество недовольных и не пришли бы сюда, — продолжил Нел. — Ясно, что король должен быть отстранен от правления страной. Есть несколько путей к этому, и сейчас мы тщательно обдумываем каждый из них.

— Позвольте узнать, кто же будет править вместо Нимеда? — осторожно осведомился Шамсудин. — Может, королева Рэлея?

— Женщина, даже такая, как наша королева, не может управлять державой, — холодно

произнес пожилой вельможа. – Она может быть лишь регентшей – конечно, при помощи достойных знающих людей. Но вы не беспокойтесь, у нас есть претендент на престол, чьи права полностью законны и который будет с восторгом принят народом. Пусть этот вопрос вас не тревожит.

Полугном кивнул, словно соглашаясь.

– Дорогой брат, я думаю, на сегодня достаточно, – повернулся к седобородому Нел, бесцеремонно давая понять, что беседу с новобранцами пора заканчивать, и сурово взглянул на Сварога и Шамсудина.

– На днях мы окончательно решим, каким образом нам избавиться от Нимеда, – с грубой откровенностью сказал хозяин дома. – Тогда вы нам и понадобитесь. Ревенд известит вас обо всем. Помните – если мы заподозрим предательство с вашей стороны, вы лишитесь жизни прежде, чем мы войдем в Каземат.

– К слову сказать, мы очень быстро оттуда выйдем – король не решится казнить нас, – добавил Шестопер.

– Было очень приятно познакомиться с вами, месьоры, – равнодушно отдал дань вежливости брат Нела, а Шестопер лишь снисходительно кивнул на прощанье.

Первое, что сделал Шамседин после того, как провожатый развязал им глаза на той самой площади, откуда начинался их путь в неведомый особняк – похвалил Сварога за сдержанность и благородство.

– Мы, конечно, могли показать этим высокомерным ослам, что не все готовы пасть ниц при виде их надутых физиономий, – утешал турецкий славянина, – но тогда мы провалили бы все дело, а Ирина так на нас рассчитывала!

– Да, эти господа вели себя крайне невежливо, – осуждающе покачал головой Бебедор. – Я всегда недолюбливал нашу знать за эту спесь. Видели бы вы их сыновей, которые пишут с ошибками, и при этом осмеливаются дерзить мэтру наук! Твои, между прочим, дружки, вроде этого Агритаса, – философ сердито взглянул на поникшего Ревенда.

– Не знаю, чем мы помогли Ирине, выслушав от этих индюков кучу бесполезных слов, которые я с удовольствием забил бы им обратно в глотку! – проворчал Сварог.

– Бесполезных? – переспросил Шамседин. – Не скажи… Ирина разберется. Таких умных женщин, как она, я еще не встречал! – последняя фраза полугнома прозвучала несколько более восторженно, чем ему хотелось бы.

– А, вот она и тебе голову вскрутила, – хмыкнул сибиряк, почувствовав неожиданно для себя укол ревности. – Смотри, использует она тебя в своих интересах, а потом бросит. Ей не впервой.

Шамседин ничего на это не ответил, лицо его вновь было бесстрастно.

Ирина внимательно, со всеми подробностями выслушала рассказ полугнома о встрече с заговорщиками.

– Вот, значит, как, – задумчиво проговорила девушка. – Возглавляют заговор граф Корнелиус Салмонский, его сын Агритас, его двоюродный брат Готаро, казначей Его Величества, и герой Лезенской битвы генерал Йонан по прозвищу Шестопер. Они копают под короля. И, самое главное, сын Нимеда у них!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— А я говорю — переоденемся гвардейцами, и нас запросто пустят во дворец! — горячился Серкл, забыв даже допить свою кружку с домашним элем, запасы которого у гостеприимной Сезии порядком истощились за последние несколько дней.

— И что же ты,уважаемый, будешь там делать? — едко вопросил мэтр Бебедор.

— Доберемся до короля — а там посмотрим! — не сдавался бывший тюремщик.

— А я считаю, что надо довериться графу Корнелиусу! — упрямо твердил Ревенд. — Да, он человек надменный, но благородный!

— Как же, знаем мы этих благородных! — вставила Ильма. — Им пальца в рот не клади — до плеча руку отхватят! Постыдились бы ребенка красть, изверги!

— Надо во дворец, схватить этого самозванца! — подхватил Серкл.

— Отец, но мэтр Бебедор тебе уже объяснял, что это невозможно, — терпеливо сказала Ингода.

— Все равно, это лучший план! — упрямился надзиратель.

Сварог тяжело вздохнул. Эти бесконечные споры продолжались все предыдущие три дня, ужасно раздражая Ирину. Каким образом невольным обитателям дома Сезии стали известны все тайны рабирийки и ее помощников — одному Митре ведомо. Каждый клялся и божился, что никому ничего не говорил — но, в итоге, все узнали об уверенности Ирины, будто короля каким-то образом подменили, выяснили, зачем Сварог и Шамсудин ходили на встречу с заговорщиком-графом, и даже личность похищенного воспитанника Ильмы не была для них секретом. Ирина кляла всех на чем свет стоит, ругала себя — зачем впутала в это дело столько народа, проклинала свое добросердечие, не позволившее ей бросить этих людей на произвол судьбы — но положение от этого не менялось. Напротив, все, терзаемые скучой вынужденного бездействия, с горячим энтузиазмом взялись помогать девушке-гулю и ее спутникам в разгадке тайны, связанной с личностью короля, и теперь до хрипоты обсуждали различные планы дальнейших действий.

Мэтр Бебедор призывал использовать сугубо законные, разумные методы. Почему бы не подать петицию в Королевский совет? Пусть разберутся, что происходит с правителем, это, в конце концов, их обязанность, они за это деньги из казны получают. Правда, когда мэтру напомнили, что он — беглый государственный преступник, и петиции подавать не имеет права, философ впал в глубокую задумчивость.

Ревенд уговаривал довериться во всем графу Корнелиусу и выполнять его указания. Юноша считал, что граф, как царедворец и опытный политик, сможет гораздо лучше их разобраться в ситуации. На возражения, что графу нужна прежде всего власть, а Нимед его интересует лишь как препятствие на пути осуществления честолюбивых планов, племянник философа горячо возмущался. Ревенд находился еще в том возрасте, когда невозможно поверить, что окружающие люди в большинстве своекорыстны, расчетливы и начисто лишены благородных побуждений.

Ильма требовала, чтобы все немедленно взяли в руки оружие и отправились к этому злодею-графу освобождать бедняжку принца. Девушка, казалось, забыла, как изводил ее избалованный мальчик бесконечными капризами и придирками, и теперь со слезами на глазах вспоминала «бедного крошку», жаловалась, что ребенка, наверняка, плохо кормят, что ему не дают теплого молока с медом на ночь, что его простудят, заразят чем-нибудь,

покалечат... На все уверения, что графу наследник нужен живым и здоровым, поскольку он собирается взвести его на престол и стать при нем регентом, Ильма упрямо тряслась головой и утверждала, что несчастному малышу невмоготу у этого мерзкого Корнелиуса.

Шамсудин руководил дебатами, терпеливо выслушивая очередной проект и разъясняя, почему его нельзя воплотить. Сварог не принимал в этом участия, поскольку прекрасно знал, что все будет так, как решит Ирина, а чужих указаний рабирийка не потерпит. Поэтому сибиряк воздавал должное элю Сезии и отыхал душой и телом в преддверии новых планов девушки-гуля. Немногословная Ингода редко вступала в разговор. Она молча сидела рядом с отцом, обводя всех тревожным материнским взглядом. Особенно часто этот взгляд останавливался на Ревенде – он был самый молодой и самый беспомощный из всех, и Ингода взяла его под свое крыло. Но обычно девушка отсутствовала на общих собраниях, помогая хозяйке дома стряпать для гостей, поэтому к Ингоде относились снисходительно, считая ее слишком приземленной для решения высоких государственных задач.

Ирина же лишь нетерпеливо отмахивалась от идей и предложений своих добровольных помощников. Она казалась спокойной и уверенной в себе, но Сварог видел, что рабирийка в растерянности. Девушка-гуль считала, что они вплотную подошли к разгадке перемены, произошедшей с Нимедом – но как сделать последний шаг, она не знала. Ирина была убеждена, что здесь замешан граф Корнелиус, чье неуемное честолюбие простиравшееся до самого трона и для которого особа короля не была столь священной, как для простого люда. Но проверить свою догадку девушка не имела возможности. К графу было подобраться не легче, чем к обитателям королевского дворца.

Несколько раз рабирийка куда-то исчезала, потом возвращалась мрачная и разочарованная. Сварог уже было решил, что Ирина готова оставить это безнадежное дело – на этот случай у сибиряка давно был готов план побега из Немедии через Аквилонию в Зингару, к пиратам – и тут девушка коротко сообщила, что ей необходимо встретиться с одним человеком, а Шамсудин и северянин поедут с ней. Остальным же было строго настрого велено не покидать дома Сезии – но, надо признать, Ирина заботилась вовсе не об их безопасности, а о тайне своего убежища.

– Распоряжаешься нами, как лошадьми, – бормотал Сварог, ворочаясь в тесном экипаже – Ирина не решилась ехать верхом из опасения, что городская стража узнает участников знаменитого побега из Каземата. – Объяснила бы, куда и зачем едем.

– Объясню, – неохотно отозвалась девушка. – В нашем расследовании мы зашли в тупик. У нас слишком мало возможностей, чтобы распутать это дело до конца. Через Канцелярию действовать опасно, а других связей у меня нет. Я решила, что нам нужен могущественный союзник. Сейчас мы едем к человеку, который вполне может им стать.

– Наша Ирина хочет обратиться за помощью! – с иронией произнес сибиряк. – Неужто небо скоро упадет на землю?

– Свои комментарии можешь оставить при себе, – холодно сказала рабирийка. – Они меня волнуют в последнюю очередь.

Сварог не слишком хорошо представлял себе, что такое комментарии, но решил, что это весть нестоящая, раз она не волнует Ирину.

– Что это за человек? – поинтересовался Шамсудин, чтобы разрядить обстановку.

– Его имя барон Вик, – тотчас заговорила девушка, не скрывая, насколько ей приятнее отвечать на деловые вопросы полугнома, чем препираться с славянином. – Его род считается одним из самых знатных и древних в Немедии и ведет начало от кхарийцев. Говорят, семья

барона богаче королевской семьи. При этом Вик – один из самых преданных сторонников и друзей Нимеда. Барону под силу потягаться с графом Корнелиусом. Главное, чтобы он мне поверил, что на троне – не настоящий Нимед.

– Значит, мы собираемся предать заговорщиков? – ровным голосом спросил полугном.

– Ах, только не надо громких слов! – раздраженно бросила Ирина. – С каких это пор ты так полюбил этих напыщенных аристократов? Они знали, на что шли, когда поднимали руку на короля. Раньше я бы без колебаний сдала их в Канцелярию и считала бы, что выполнила свой долг. Сейчас мало просто их разоблачить, надо выяснить, что они сделали с Нимедом. В этом нам и поможет барон.

– Конечно, общение с ними не доставляет радости, но это повод отправить их на эшафот, – покачал головой Шамсудин. – Ирина, мы же ничего точно не знаем! Почему ты так уверена, что именно заговорщики подменили короля? Да и подменили-ли его вообще? И только на основании своих подозрений ты собираешься обречь людей на гибель?

– Твоя щепетильность делает тебе честь, но каши с ней не сваришь, – поморщилась девушка. – Я считаю, что доказательств достаточно. Только заговорщикам выгодно причинить вред Нимеду.

– Но почему они просто не устранили короля каким-нибудь надежным дедовским способом – не убили, например? – допытывался Шамсудин. – Зачем им было устраивать подмену? Слишком много натяжек, Ирина.

– После разберемся, – отмахнулась девушка. – Сейчас нам важно заручиться поддержкой Вика.

– Как бы твоя самоуверенность не послужила поводом к ошибке, – вздохнул Шамсудин, но Ирина уже не слушала, давая указания правившему экипажем Триму.

Они выехали из Берлина и покатали той дорогой, по которой всего две седмицы назад ездили к бывшей возлюбленной Нимеда. По знаку Ирины Трим остановил лошадей у большого каменного особняка, выделявшегося среди соседей основательностью и отсутствием новомодных украшений. Привратник открыл ворота и пропустил их экипаж во двор. Там Ирину и ее спутников уже ждал слуга, проводивший их в покой своего господина.

Проходя мимо одной из комнат, Сварог услышал громкую ругань. Какой-то мужчина визгливым голосом распекал служанку.

– Ты что это себе позволяешь, дура?! – доносилось из-за двери. – Да как ты могла разбить реторту моего великого господина? Знаешь ли ты, безмозгшая улитка, насколько важны его деяния и величественны планы?..

Слуга, ведущий Ирину, полугнома и сибиряка, заметно поморщился и бросил на дверь выразительный взгляд. У Сварога на мгновение мелькнула мысль, что где-то он уже слышал такой голос и подобные речи, но тут они подошли к дверям комнаты, где их ожидал сам хозяин дома, и славянин отвлекся от своего смутного воспоминания.

Барон принял гостей в личном кабинете, что являлось знаком особого расположения. Кабинет был обставлен просто, без всяких вычурных предметов и дорогих безделушек, являя резкий контраст с жилищем графа Корнелиуса. Единственным украшением была висящая на стене картина, изображающая молодую девушку. Художник с большой тщательностью подошел к своему делу, аккуратно выписав каждую жемчужинку на ее роскошном платье и не пожалев времени на орнамент на гребне в волосах, но на ее лицо у рисовальщика, похоже, не хватило времени, и оно выглядело каким-то блеклым и неживым.

Хозяин дома – уже пожилой, но сохранивший гордую осанку истинного аристократа и

отточенность движений прирожденного воина – вежливо поднялся навстречу гостям и пододвинул Ирине кресло. Его лицо не выражало никакой надменности, и держался барон с достоинством, но не заносчиво.

В комнате, к некоторому удивлению Ирины, находился еще один человек. Он был достаточно молод, хорош собой, и его умные черные глаза обежали всех троих гостей, надолго задержавшись на рабирийке, что вызвало на щеках девушки легкую краску, хотя смутить ее обычно было нелегко.

– Рад познакомиться с вами, месьоры, – Вик церемонно наклонил седеющую голову и живо обернулся к Ирине. – Давно я не видел тебя в столице, госпожа. Как далеко завели тебя дела Пятого департамента на этот раз?

– О, господин барон, наверно, даже не слышал такого названия – Дэлирам, – улыбнулась Ирина.

– Не слышал, – согласился барон. – Но буду опасаться этого места почище Серых Равнин, раз там творятся такие дела, что требуют твоего личного вмешательства, дорогая Ирина.

Рабирийка и Вик оживленно засмеялись, как старые знакомые.

– Как жаль, что моя жизнь катится к закату, – посетовал барон. – Рядом с такой женщиной хочется чувствовать себя молодым, хочется целовать тонкие пальчики и нашептывать в ушко комплименты...

– Ах, месьор Вик, ты до сих пор гроза женских сердец, – Ирина обворожительно погрозила барону пальцем. – Но сейчас не время для подобных вольностей. Ты знаешь, я хочу говорить с тобой о деле, господин барон.

– Увы, к такому старику, как я, девушки теперь ходят исключительно по делу, – развел руками Вик. – Что ж, я слушаю.

Ирина с недоумением посмотрела на барона и перевела взгляд на молодого человека, картинно облокотившегося на каминную полку и явно не собирающегося уходить.

– А, ты опасаешься моего молодого друга? – понял Вик. – Говори при нем, я ему доверяю. Это месьор Appas из Аквилонии, мой дальний родственник – кажется, сын троюродной сестры моей племянницы, я все время забываю, – барон непринужденно улыбнулся. – Год назад я ввел его ко двору Его Величества. Весьма неглупый молодой человек, ему грозит ослепительная карьера при дворе.

Appas, ничуть не смущенный комплиментами сановного родственника, поклонился и вновь бросил взгляд на Ирину. В его черных глазах плясали искорки.

– Да, Аквилония чудесная страна, – невпопад ответила Ирина, с трудом отводя взгляд от загадочных глаз молодого человека.

– Вижу, Appas уже произвел впечатление, – усмехнулся барон. – Осторожней, Ирина – у его ног уже половина знатных дам Берлина.

– Это не повод для гордости, месьор Вик, – заговорил Appas, улыбаясь. Голос у него был мягкий и проникновенный, а улыбка была из тех, что заставляют женщин ощущать сладкую дрожь в груди.

– Да... так о деле... – Ирина с трудом собралась с мыслями. – Выслушай меня, барон. Быть может, кое-что тебе покажется странным, но не торопись не соглашаться со мной.

Полузакрыв глаза, Вик внимательно слушал повествование рабирийки о событиях последних дней. Шамсудин и Сварог молчали, хотя киммерийцу иногда очень хотелось вставить свои замечания, особенно в описании побега из Каземата, где роль славянина была

прорисована, по его мнению, недостаточно четко. Аррас небрежно листал какой-то фолиант, но от Сварога не укрылось, с каким жадным вниманием аквилонец вслушивается в слова девушки.

Наконец, Ирина закончила и вопросительно взглянула на Вика. Тот задумчиво пошевелил губами, почему-то посмотрел на Арраса и, нахмурившись, обратился к девушке:

— Я, конечно, тоже заметил прискорбную перемену, произошедшую с нашим государем. Но ты, дорогая Ирина, утверждаешь невозможное. Если бы Нимеда подменили — это заметили бы многие. Ты придаешь слишком большое значение внешним деталям. Уверяю тебя, человек, сидящий сейчас на троне — это король Нимед и никто другой. Просто он по каким-то неведомым нам причинам изменил свою политику. Ты долго отсутствовала в Берлине, а после разлуки знакомые люди иногда кажутся другими. Я советую тебе испросить аудиенции у короля еще раз и самой убедиться, что все по-прежнему. Я глубоко уважаю твой ум, Ирина, но на этот раз ты ошиблась, — Вик покачал головой и сцепил руки. Сварог заметил, что костяшки пальцев барона побелели.

— А наследник? — в отчаянии воскликнула девушка-гуль. — Почему королева тайком отправила сына в Коф? Почему ее саму заключили в башню?

— У нас в последнее время происходит много вещей, которые раньше не происходили, — развел руками Вик. — Но это не доказывает, что на троне — не наш король. В конце концов, Нимед и Рэлея могли поссориться, и королева в отместку спрятала мальчика, сказав мужу, что он умер. Быть может, за это король и отправил жену в Каземат. Мы можем лишь осуждать его поступки — но не более.

— А орден Чести? — не сдавалась рабирийка.

— После стольких событий и пропажи сына король мог и забыть о такой мелочи, — пожал плечами Вик.

— Я предполагала, что ты мне не поверишь, барон, — вздохнула Ирина.

— Господин барон, — раздался мягкий голос Арраса, — мне думается, мы можем сказать госпоже Ирине все. Она не чета безмозглым придворным дамам. Столь умной женщины я еще не встречал, — и молодой человек отвесил почтительный поклон в сторону девушки. Сварог невольно вспомнил, что эти же слова недавно произнес Шамсудин, только у полугнoma это получилось куда менее изящно.

— Что? — побледнев, барон вздрогнул и ошеломленно посмотрел на Арраса. — Ты о чем?!

— Позволь, мессор Вик, я все расскажу сам, — аквилонец уселся в свободное кресло и заговорил, обращаясь преимущественно к Ирине и не спуская с нее черных глаз, казавшимися бездонными:

— Господин барон осторожничает, это и понятно. Слишком многие в Немедии уже познакомились с палачом, чтобы нам проявлять легкомыслие. Но нас, как и вас, — учтивый кивок в сторону Шамсудина и Сварога, — встревожила эта необычная перемена, произошедшая с королем в столь короткий срок. Господин барон с моей скромной помощью принялся отыскивать причины. Я восхищен тем, с каким умом действовали вы, — эти слова предназначались только для Ирины, польщенно опустившей ресницы. — Но нам тоже кое-что удалось узнать.

Сварог посмотрел на барона. Бледность уже исчезла с его щек, и он с неослабным вниманием слушал своего молодого друга, нервожно сжимая и разжимая кулаки.

— Это — дело рук графа Корнелиуса, как ты и предполагала, госпожа, — уверенным тоном заявил Аррас. — В своем честолюбии граф зашел далеко. По его планам, король должен

неправедными действиями восстановить против себя знать, армию и народ, и тогда легче будет устроить переворот и занять трон. Но ты ошиблась в одном. Конечно, короля невозможно подменить. Да в этом и нет необходимости, пока существуют маги, готовые за плату воздействовать на разум их жертвы...

– Колдовство? – невольно ахнула Ирина. – Я не думала об этом!

– Граф на это и рассчитывал, – кивнул Аррас. – Никто не думает, что наш король – лишь игрушка в его руках. В беззаконии и произволе, царящем в стране, обвиняют Нимеда. А истинный виновник лишь ждет подходящего мгновения, чтобы ухватить вожделенную власть... А сейчас и принц в его руках. Я очень опасаюсь за его судьбу.

– Но мне казалось, что Корнелиус собирается возвести мальчика на трон и стать при нем регентом, – сказала девушка-гуль, и Сварог удивился, услышав во всегда уверенном тоне Ирины вопросительные нотки.

– Зачем, когда можно сесть на трон самому? – пожал плечами аквилонец. – Ведь, кажется, род графа как-то связан с королевской семьей – да, господин барон?

– Да, его дед был женат на младшей дочери короля Немедии, – кивнул Вик.

– Так что у графа есть какие-то права на трон Дракона, – продолжил Аррас. – Боюсь, он просто убьет мальчика как помеху к его восхождению на престол.

– Но что же делать? – Ирина устремила глаза на молодого аквилонца. Сварог удивился еще больше – рабирийка просит у кого-то совета!

– Надо похитить у заговорщиков сына Нимеда! – решительно сказал Аррас. – Иначе, боюсь, траур по нему станет истинным. Его мать в Каземате, отец под воздействием враждебных чар, и, кроме нас, позаботиться о нем некому. Простое человеколюбие велит нам спасти ребенка, – аквилонец озабоченно посмотрел на Ирину. – Не знаю только, кому доверить столь опасное поручение...

– Мои друзья возьмутся за него, – торопливо произнесла рабирийка. – Они уже были в доме графа. К тому же их храбрость и умение владеть оружием непревзойденны.

Тут Сварог уже просто поразился. Мало того, что несгибаемая Ирина без оговорок приняла чужой план, так она еще и похвалила их с Шамсудином! «Да, с нею явно что-то происходит», – решил славянин и покосился на друга. Полугном с невозмутимым видом принял решение девушки послать их на рискованное дело.

– Вот и отлично, – согласился Аррас. – Привозите мальчика сюда, мы сумеем его защитить.

Сварог хотел было насмешливо поинтересоваться у бойкого аквилонца, почему бы ему самому не пойти и не спасти принца – но, взглянув на Ирину, понял, что ничего этим не добьется. Разрумянившись и улыбаясь, девушка кокетливо откинулась в кресле, не сводя блестящих глаз с Арраса.

– Может быть, проще было бы захватить самого графа и заставить его снять заклятие с Нимеда? – неожиданно сказал Шамсудин.

– Здесь нельзя действовать насоком, – возразил аквилонец. – Мы не знаем, какие чары действуют на короля, какой маг стоит за этим. Применив грубую силу, мы можем повредить Нимеду и ничего не добиться.

Ирина с упреком посмотрела на туранца и поджала губы, давая понять, что здесь есть люди поумнее, которые и решат, что делать, задача же Шамсудина – выполнять их распоряжения.

– Наши люди следят за Корнелиусом, – продолжил Аррас. – Как только мы все выясним

– сразу будем действовать.

Ирина, Appas и Вик еще немного побеседовали о последних новостях в Немедии. Шамсудин молчал, точно каменный, и Сварог вполне понимал обиду туранца. Девушке явно не хотелось уходить, но за окнами уже темнело, и слуга уже дважды докладывал, что госпожа баронесса ждет мужа к обеду. Наконец, Ирина поднялась и простились с Виком и Appасом, заверив их, что вскоре доставит наследника целым и невредимым. Уходя, девушка обменялась с аквилонцем одним из тех многозначительных взглядов, что сулят бурное развитие отношений между мужчиной и женщиной. Сварог недовольно хмыкнул, Шамсудин отвернулся.

Когда за гостями закрылась дверь, Appas обернулся к барону. В его глазах быстро таяла страсть, с которой он только что смотрел в лицо девушки.

– Забери тебя Нергал, Appas! – воскликнул барон. – Я было подумал, что ты сошел с ума, раз собираешься им все рассказать. Но ты ловок, клянусь Митрой, и хитер как змея! – Вик посмотрел на своего собеседника со странной смесью восхищения и неприязни.

– Кто она? – спросил аквилонец.

– Ирина? – барон задумчиво смотрел в окно, как рабирийка и ее спутники садятся в экипаж. – Она работала на Канцелярию еще тогда, когда я играл в тряпичные куклы с сестрой. Потом был создан Пятый департамент под начальством герцога Лаварона, и Ирина стала там важной персоной. На ее счету немало улаженных дел, с которыми не могли справится лучшие дипломаты, генералы и царедворцы. Как шпионка она не имеет себе равных. Нимед ее очень ценил.

– Замечательная женщина, – холодно-оценивающе произнес Appas. – Думаю, она из рабирийских гулей. Неплохо было бы иметь ее на нашей стороне.

– Не согласится, – покачал головой Вик. – Предана королю, как собака.

– Что ж, – задумчиво сказал Appas, – мы можем получить ее поддержку и без ее согласия. Слава Митре, способ уже найден...

* * *

– Сварог, ты не мог бы идти чуточку потише? – задыхаясь, жалобно произнес мэтр Бебедор.

– Мог бы. Но тогда мы дойдем до места лишь к утру, – буркнул северянин, но, впрочем, слегка замедлил шаг. Шамсудин молча шел сбоку. Несмотря на небольшой рост, туранец как-то умудрялся никогда не отставать от своего гиганта-спутника.

Предыдущие два дня были наполнены лихорадочным обдумыванием плана спасения наследника престола. По просьбе Ирины Ревенд встретился с Агритасом, и легкомысленный сын графа, даже не задумавшись, подтвердил, что мальчик действительно находится у его отца. Агритас рассказал, что один из заговорщиков случайно увидел наследника в какой-то грязной харчевне, да еще и переодетого в платье девочки, но все равно узнал сына Нимеда и, едва веря в такую удачу, привел ребенка пряником к Корнелиусу. Полируя ногти специальной пилочкой, Агритас пожаловался, что его жизнь, и так достаточно унылая из-за вечных претензий отца, после этого события привратилась в сущий кошмар. Граф стал зануден, как

кукушка, твердит только о близкой возможности захватить власть, уже делит со своими сторонниками будущие посты и не отпускает сына в горы на охоту в предверии готовящегося переворота. Поведав это, Агритас же забыл о принце и пустился в описание интимных прелестей одной дамы, наслаждаясь пыланием ушей более скромного приятеля.

Начались долгие споры и обсуждения. Планы предлагались один другого невыполнимее. Наконец, Сварогу это надоело, и он сообщил, что воспользуется своим воровским опытом и просто заберется в дом графа, чтобы выкрасть мальчика. С собой сибиряк решил взять Шамсудина на случай непредвиденной драки. Дорогу к жилищу графа должен был показать мэтр Бебедор – пылкого Ревенда решили не ввязывать в столь щекотливое дело, как тайное проникновение в дом его патрона.

Ирина с готовностью одобрила решение Сварога. Вообще, после визита к барону Вику рабирийка вела себя не совсем обычно. Она рассеянно бродила по дому, на ее губах играла мечтательная улыбка, глаза затуманивались. Ирина никем не командовала и не препиралась с славянином. Сварогу стало даже неуютно, когда, после весело проведенного вечера в компании Ревенда и нескольких бутылей вина, результатом которого стала перебитая во время демонстрации приема «атакующий демон» посуда Сезии, выломанная дверь в спальню Ильмы и неуклюжая попытка перебравшего племянника философа соблазнить Ингоду, Ирина не обрушилась на сибиряка с обычными попреками, а просто махнула рукой и попросила Сезию приготовить огуречный рассол для забившегося от стыда в кладовку неудачливого любовника. Шамседин все больше молчал и предпочитал проводить время в обществе высокоученого мэтра Бебедора.

…Сейчас сибиряк, полугном и философ были на подходе к особняку графа Корнелиуса. Неподалеку, укрывшись в темном переулке, их ждал Трим, держа в поводу трех коней. Мэтр Бебедор подслеповато щурил глаза в слабом свете масляных фонарей, освещавших ночь аристократический квартал Берлина. Окна многих домов были освещены, несмотря на ночь – здешние обитатели ложились поздно, избавленные от необходимости вставать с петухами, чтобы заработать на хлеб.

– Ну, где же дом Корнелиуса? – нетерпеливо спросил Сварог. – Мы тут кружим уже невесть сколько времени, так недолго и на стражу напороться!

– Сейчас… сейчас… – бормотал философ, осматривая очередной особняк. – Были там львы у входа или тигры?.. А, нет, эти… с крыльями… грифоны.

– Грифонов мы уже прошли, – сообщил Шамседин.

– Да? – удивился Бебедор. – Надо же, а я не заметил. Там еще балкон над дверью должен быть, и поддерживают его такие полуобнаженные женщины…

– Женщин еще не было! – твердо сказал Сварог. – Давайте дальше искать.

Наконец, мэтр остановился и указал на один из домов.

– Вот этот! – уверенно произнес Бебедор.

– Но здесь у входа птицы! Это грифы! – недоуменно сказал Шамседин.

– Ну, грифы, грифоны – какая разница? – раздраженно отмахнулся философ.

– А женщины где? – сибиряк крутил головой в поисках обещанных мэтром полуобнаженных красавиц, но видел лишь мускулистых воинов в полном облачении, подпирающих своими могучими плечами широкий балкон с ажурной решеткой.

– Может, там и не женщины были, – пожал плечами Бебедор. – Но балкон-то есть!

– А ты уверен, мэтр, что это действительно дом графа Корнелиуса? – опасливо поинтересовался туранец.

– Конечно, уверен! – обиженно заявил философ. – На память я, слава Митре, пока не жалуюсь!

– Балкон – это хорошо... – задумчиво протянул Сварог. Наклонившись, он скомандовал:

– Давай, Шамсудин, лезь!

Туранец в растерянности потоптался на месте, потом, догадавшись, чего от него ждут, залез на плечи славянина. Сварог с некоторым трудом расправился.

– Ну и тяжел же ты, даром что гном! – сипел сибиряк, пока Шамсудин поднимался на ноги у славянина на плечах. Достав руками до решетки, полугном ловко подтянулся и взобрался на балкон. Сварог бросил ему веревку, Шамсудин привязал ее к решетке, и вскоре северянин был рядом с другом. Философа внизу уже не было – он отправился обратно к Триму дожидаться возвращения похитителей.

Балкон вел на галерею, соединяющую два крыла дома. Где прячут принца, Агритас не сказал, но Шамсудину удалось незаметно выпытать у Ревенда, где в этом доме находятся личные покой хозяев. Полугном рассудил, что ребенка, скорее всего, граф постарается держать под боком.

– Левое! – шепнул туранец. Сварог кивнул и неслышно подошел к двери, которой заканчивалась галерея. Она была заперта. Сибиряк хмыкнул и снял с пояса странный инструмент, похожий одновременно на ключ и на орудие из запасов зубодера. Сварог склонился к двери – и шепотом выругался.

– Нет замочной скважины! – догадался Шамсудин. – Она закрыта на засов.

Сварог подошел ко второму выходу с галереи, ведущему в правое крыло особняка – и с досадой скрипнул зубами. Эта дверь тоже была надежно заперта изнутри.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вздохнув, сибиряк перелез через парапет галереи и мягко спрыгнул во внутренний дворик, прямо на клумбу смутно белеющих цветов. Шамсудин последовал за ним. Сварог обошел дворик, ударившись в темноте об угол каменной скамейки и ругнувшись сквозь зубы. Окна первого этажа были закрыты тяжелыми ставнями, скрепленными прочными цепочками. Зато полутном обнаружил дверь, скрытую за каким-то благоухающим иноземным деревцем – правда, тоже надежно запертую.

– Кром! – разочарованно пробормотал Сварог. – Они что, никогда ничего не забывают запереть?!

Неожиданно с балкона послышалось громкое сопение, шорох и звук, сильно напоминающий царапанье деревянных ножен об камень. Северянин и полугном быстро отступили к стене дома, укрывшись за посаженными там невысокими, но раскидистыми деревьями. Сопение прекратилось, зато раздался треск и невнятное восклицание – это человек спрыгнул с балкона, но не так удачно, как Сварог, и угодил пряником в обрамляющие клумбу колючие кусты. Затем ночной гость принял шумно выдираться из сплетения веток, попутно обсуждая сам с собой неприятную перспективу покупки нового плаща. Киммерийцу казалось, что все обитатели дома давно должны были проснуться.

– Дернул Сет неумеху-новичка лезть именно сюда и именно сегодня! – недовольно пробормотал Сварог.

– Это не вор, – шепнул в ответ Шамсудин.

Действительно, когда незнакомец выбрался из кустов и ступил на залитую лунным светом дорожку, стала видна вышитая куртка из дорогого сукна, высокие сапоги из тонкой кожи, засияли драгоценные камни на рукояти меча – на обычного вора этот человек не был похож. Он нетерпеливо огляделся, пригладил волосы и процедил:

– Ну, где эта проклятая баба, разрази ее Митра!

Словно в ответ на его слова послышался скрежет отодвигаемого засова, и из двери, примеченной Шамсудином, во двор вышла женщина. Светильник, который она держала в руке, позволял рассмотреть ее тщательно продуманный наряд и сложную прическу, что, впрочем, не могло скрыть ни ее весьма почтенного для девицы возраста, ни того, насколько скуча была природа, наделяя ее привлекательностью.

Раздраженное и сердитое выражение лица молодого человека как по команде сменилось нежной восторженностью.

– О, Кларион! Как ты прекрасна! – произнес он, явно переигрывая.

– Все для тебя, Энеро, любовь моя! – прошептала Кларион, томно сжимая светильник.

Сварог и Шамсудин нерешительно переглянулись. Эта парочка грозила им здорово помешать. Дворик был небольшой, и долго оставаться незамеченными они не могли, а если девица кликнет слуг, то выбраться отсюда будет сложно. В голове Сварога молниеносно созрел план.

– Беру на себя парня, а ты – его подружку, – прошептал славянин.

– И что мне с ней делать? – недоуменно спросил Шамсудин.

– Приставь ей кинжал к горлу, и пусть покажет, где они наследника прячут, – терпеливо разъяснил Сварог.

– Я тебе что, мясник – на беззащитную девушку с кинжалом бросаться? – недовольно

пробормотал полутоном.

— Ладно, подойди к ней, поклонись и вежливо попроси проводить тебя к сыну короля! — яростно зашипел сибирик.

Тем временем дела влюбленной пары успешно продвигались. Светильник стоял на земле, девица, блаженно закрыв глаза, пребывала в объятиях своего кавалера, который расписывал ей свою неземную любовь, не забыв при этом запустить руку в вырез ее платья. Сварог уже напрягся для прыжка — и в это мгновение дверь, через которую недавно вышла Кларион, с треском распахнулась, и во двор выбежал сам граф Корнелиус собственной персоной, в длинной белой ночной рубашке, но зато с мечом.

— Что здесь происходит? — загремел он, поддерживая подол своего одеяния. — Как ты посмел явиться сюда, щенок?!

Энеро с похвальной торопливостью отскочил на порядочное расстояние от своей возлюбленной, которая лихорадочно натягивала на плечи сползшее платье.

— Я... я лишь беседовал с твоей достойной дочерью, граф... — забормотал молодой человек, понимая, что ему не поверят, и судорожно оглядываясь в поисках пути отступления.

— Ты посягнул на честь моей семьи! — бушевал Корнелиус. — Знаешь, что бывает с теми, кто оскорбил графа Корнелиуса?!

По изменившемуся лицу Энеро было ясно, что он знает.

— Папочка! — завизжала Кларион. — Не убивай его! Я его люблю!

— Дура! — огрызнулся граф на дочь. — Если б я убивал всех, кого ты любила, на городском кладбище уже не было бы места.

Услышав это, молодой человек несколько воспрял духом.

— Достойный граф, я нисколько не хотел... — залепетал он, напряженно придумывая себе оправдание.

— Ясное дело, не хотел! Кто ее такую захочет?! — заорал Корнелиус. — На деньги мои посягнул, молокосос! Вот я тебе башку-то сейчас проломлю, отучу на приданое моей дочери зариться!

Сварог даже хмыкнул в восхищении — с достойного графа слетела вся аристократическая спесь, и он выражал свои чувства, как простой лавочник.

— Не надо, папочка! — заломила руки Кларион. — Он меня любит!

— Вот и просил бы твоей руки, как положено! — рявкнул граф. — А раз пробрался в мой дом, как вор — пусть получает сполна!

— Я и не думал об этом! — взвыл Энеро. — Это она меня сюда затащила! Свидание при луне ей понадобилось! Она меня еще и на поединок с тобой, граф, подбивала, — мстительно взглянув на девицу, добавил кавалер.

Кларион зарыдала в голос, оплакивая предательство возлюбленного. В доме замелькали отблески свечей, послышались встревоженные голоса. Во двор, зевая, выбрался Агритас — в отличие от отца, одетый.

— Чего шумите? — вопросил он и, обежав взглядом всех присутствующих, понимающе хмыкнул и обратился к графу: — Папа, тебе не надоело? Позволь, наконец, сестрице избавиться от так надоевшей ей девственности!

— Наглец! — истерически вскрикнула Кларион.

— Убирайся отсюда, сопляк, а то до утра будешь пудрой сестры синяки замазывать! — зарычал окончательно взбешенный Корнелиус.

— Агритас, твой отец хочет меня искалечить! — умоляющее вскричал Энеро, простирая

руки к другу.

— Какое совпадение — меня тоже! — доверительно сообщил сын графа.

Из-за плеча Агритаса выглянуло бледное женское лицо.

— Нел, умоляю тебя, успокойся. Агри и Клари больше не будут, — жалобно забормотала графиня единственную фразу, с помощью которой она осмеливалась возражать мужу последние двадцать пять лет.

— А, и ты здесь! — воскликнул Корнелиус. — Вот, полюбуйся! Если бы я знал, каких детей ты мне родишь — я бы собственоручно задушил жреца, проводившего нашу брачную церемонию!

— Мамочка, папа опять не позволяет мне выйти замуж! — заплакала Кларион.

Дворик быстро наполнялся народом. Из дома высакивали заспанные полуодетые слуги, не понимающие, что случилось. Граф бранился, графиня нервно комкала в руках носовой платок, Кларион рыдала, Агритас хохотал, Энеро пятился от наступающего на него оскорбленного главы семейства, слуги шумели, а Сварог от души наслаждался этой сценой. Тут он почувствовал, как Шамсудин ощутимо ткнул его в бок и указал куда-то рукой. Взглянув туда, Сварог увидел малыша в ночной рубашонке, грызущего ногти и с интересом наблюдающего за действиями взрослых. Сибиряк тотчас узнал королевского сына.

— Забираем ребенка и уходим через дом, — быстро сказал славянин. Шамсудин кивнул, и оба друга, незамеченные в общей суматохе, проскользнули к мальчику. Сварог намеревался просто схватить принца и зажать ему рот, чтобы ребенок криком не выдал их, но полугном оттеснил северянина и наклонился к малышу.

— Пойдем с нами, дружок, — ласково сказал он. — Тебя ждут тетя Ильма и тетя Ирина.

Мальчик посмотрел на Шамсудина, перевел взгляд на Сварога, набрал в легкие побольше воздуха и завизжал.

— Не хочу с вами! — надрывался он, топая босыми ногами. — Здесь мне каждый день дают миндальное пирожное! И никто меня не ругает!

Тоненький визг принца перекрыл гомон, стоящий во дворике. Граф мигом забыл о соблазнителе дочери и ринулся к ребенку, с которым связывал все честолюбивые мечты. Сварог закинул отчаянно отбивающегося мальчика на плечо и, оттолкнув с дороги какую-то служанку, кинулся в дом.

— Взять их! Во что бы то ни стало! — орал где-то позади граф.

Поднявшись по узкой витой лестнице на второй этаж, Сварог бросился бежать по анфиладе комнат, моля про себя Митру, чтобы он привел его к выходу из графского особняка. За спиной сибиряк услышал звон клинков — это Шамсудин схватился с догнавшими его телохранителями Корнелиуса. К месту драки подбегали еще слуги, вооруженные чем попало и подгоняемые окриками хозяина дома. Сварог неуверенно остановился. Бросить полугнома он не мог, драться с ребенком на руках — тоже, а оставить принца одного сибиряк не решался из боязни, что мальчик удерет во время сражения.

Тут мимо дерущихся турецкого и слуг торопливо прошмыгнул человек. Это был Энеро, весьма обрадованный тем, что общее внимание отвлечено от его персоны, и решивший спешно покинуть не слишком гостеприимный дом возлюбленной. Он просеменил через комнату и собрался было юркнуть в скрытый портьерами проход — как могучая рука Сварога легла на его плечо.

— Бери мальчишку и жди нас на улице, — сказал сибиряк, сунув ребенка в руки оторопевшего Энеро. — И смотри у меня!..

Подкрепив свои слова показом внушительного кулака, Сварог выхватил из ножен меч и бросился на подмогу Шамсудину. Полугном уже уложил одного телохранителя, и теперь отбивался от двух других, в то время как остальные слуги пытались достать его – кто подсвечником, кто ножкой от табурета, а какой-то подросток с упитанным лицом поваренка целился в голову туранца тяжелой медной статуэткой. С поваренком сибиряк церемониться не стал, просто отшвырнув его ногой, как щенка, другие слуги брызнули врассыпную от гиганта-славянина с обнаженным мечом, телохранителя Сварог свалил точным ударом клинка, со вторым разделялся Шамсудин.

В этот момент в комнату, наконец, вбежал сам граф, придерживающий подол рубахи, словно придворная дама платье. С яростным воплем он кинулся на похитителей. Мечом граф владел неплохо, но длинное ночное одеяние, превосходное во всех других отношениях, не было приспособлено для сражений. Сварог успел дважды отбить выпады Корнелиуса, когда граф зацепился подолом за ногу скорчившегося на полу охранника и рухнул навзничь. Тут же к нему с причитаниями бросились подоспевшие жена и дочь, а за ними – слуги, мешая Корнелиусу подняться и продолжить схватку. Воспользовавшись этим, Сварог и Шамсудин выскользнули из комнаты, сопровождаемые бессильными проклятиями и угрозами запутавшегося в женских руках графа. Беспрепятственно добравшись до парадной лестницы, по которой их недавно приводили сюда, сибиряк и полугном спустились на первый этаж и покинули особняк.

Энеро послушно стоял на улице, крепко держа за руку мальчика. Видимо, кулак славянина оказал на молодого человека столь сильное впечатление, что он и не помышлял ослушаться приказа сибиряка. Юный принц уже не вырывался, но лицо у него было надутое и сердитое.

– Спасибо, парень, выручил, – как ни в чем не бывало, сказал Сварог, забирая у Энеро ребенка. Изловчившись, мальчик укусил сибиряка за палец, за что получил увесистую оплеуху и захныкал.

– Я могу идти? – робко спросил Энеро.

– Конечно! – великодушно ответил Сварог и взвалил принца на плечо. Когда спустя несколько мгновений Энеро оглянулся – похитители с ребенком уже растворились во мраке ночного Берлина.

* * *

Ирина была нескованно рада, когда Сварог, Шамсудин и философ привезли сына Нимеда. Правда, сибиряк подозревал, что ее радость вызвана отнюдь не тем, что они вернулись живыми и здоровыми. Девушка-гуль тут же заявила, что надо как можно скорее доставить мальчика барону Вику, хотя не объяснила причины такой спешки. Она отказалась от сопровождающих, не позволив ехать даже Ильме, которая горела желанием вновь взять на себя заботу о королевском сыне. Перед поездкой Ирина едва ли не полдня провела у зеркала, наряжаясь и прихорашиваясь, и предупредила Сезию, что может вернуться очень поздно. При этом рабирийка была как никогда веселой и оживленной, а ее желтые глаза сияли, точно освещенные изнутри пламенем свечи.

Вернулась Ирина лишь утром, когда все уже начали беспокоиться. Рабирийка выглядела несколько утомленной, под глазами залегли легкие тени, но вид у нее при этом был довольный и вполне счастливый. Девушка потягивалась все телом, точно кошка, и, казалось, была готова замурлыкать. Сварог подмигнул, Ильма дернула плечиком, Ревенд открыл рот, мэтр Бебедор покачал головой, Серкл осклабился, Ингода промолчала. Шамсудин даже не взглянул на Ирину, а вечером позвал Сварога с мэтром Бебедором и, к несказанному изумлению обоих, выставил на стол внушительный кувшин с вином. После обильных возлияний Сварог и философ пустились в дебри обсуждения солипсизма, а северянин каким-то образом убедил Бебедора, что все трансцендентное имманентно, после чего мэтр разрыдался и решил уехать в Киммерию. Шамсудин же пил, не пьянея, а взгляд при этом у полугнома был совсем невеселый.

На следующий день Ирина опять куда-то укатила – Сварог догадывался, куда – остальные предавались безделью. Сибиряк снова засобирался к пиратам в Зингару. В конце концов, тайна короля раскрыта, наследник в безопасности, Ирина занята больше своей личной жизнью, нежели делом – так чего торчать в этом Берлине? Пусть барон Вик вместе со своим вертлявым родичем и доводят все до конца, а Сварогу здесь больше делать нечего. Сибиряк поделился своими мыслями с Шамсудином, и полугном неожиданно согласился с другом и даже обещал подумать насчет пиратов, из чего северянин понял, насколько тяжело у туранца на душе.

Остальные тоже считали, что дело завершено, и надо подождать совсем чуть-чуть, пока король Нимед освободится от наведенных на него чар, справедливость в стране восторжествует, и им не надо будет больше скрываться. Мэтр Бебедор рассчитывал вернуться к преподаванию в Университете. Пока, чтобы не потерять навык, он обучал философию Ильму. Трудно сказать, когда девушка возымела интерес к этой науке, но занятия продвигались успешно, проходя в укромных уголках дома Сезии, и их количество неуклонно возрастало. При этом философ молодел на глазах, краснел, встречаясь взглядом со своей ученицей, и старался незаметно оттереть от нее других мужчин.

Серкл пребывал в радужных мечтах насчет своих будущих свершений. Он был уверен, что Ирина замолвит за него словечко перед Нимедом, и король предоставит тюремщику, принимавшему деятельное участие в спасении его особы от заговорщиков, какую-нибудь выгодную и почетную должность. Серкл уже забыл, что пустился в это дело ради денег, и искренне считал, что помог Шамсудину бежать исключительно потому, что знал, каким важным делом занимаются полугном, Сварог и Ирина.

Лишь Ревенд был хмур и озабочен. Он не верил, что так уважаемый им граф Корнелиус был виновен в безумии Нимеда. Вдобавок, племянник философа вообще считал колдовство и магов не более чем суеверием. Но и Ирине юноша искренне доверял, попав под ее безотказное обаяние, поэтому сейчас он буквально разрывался на части, не зная, на чью сторону встать. Ревенд растерянно бродил по дому и не мог ни на что решиться. Все, в том числе и родной дядя, благодушно посмеивались над нравственными мучениями юноши, и лишь Ингода жалела его и подкармливала мятущуюся натуру медовыми пирожками.

В это утро Сварог от скуки обучал мэтра Бебедора хитроумному искусству жульничать при игре в кости, а Шамсудин, как обычно, молча сидел рядом, глядя в огонь очага. Философ пока не мог постигнуть тонкую науку как аккуратно подтолкнуть кубики в последний момент указательным пальцем, чтобы выпали две «шестерки». Мэтр хмурился и вполголоса ворчал.

— Еще пару дней бездействия, Сварог, — с усмешкой заметил Шамсудин, — и ты начнешь посвящать мэтра в таинства своего ремесла контрабандиста.

— А что, могу, — вяло подтвердил сибиряк. — Знаю я в Берлине пару таких местечек...

Сказав это, Сварог невольно вспомнил заведение матушки Вильи, свою удачную сделку по продаже серого лотоса и недотепу-покупателя, все твердившего о своем могучем господине... Неожиданно это воспоминание наложилось на другое: дом барона Вика, и резкий голос, доносящийся из-за двери: «Как ты посмела разбить реторту моего великого господина?» Сибиряк нахмурился, досадуя на себя, что не вспомнил об этом раньше.

— Знаешь, Шамсудин, а у барона, видать, колдовством попахивает, — произнес Сварог медленно.

— Почему ты так решил? — осведомился турец.

— Человек, что купил у меня лотос — из его дома, — пояснил Сварог. — Похоже, он слуга Appаса. Точно, матушка же говорила, что покупатель лотоса — из Аквилонии! И этот парень все твердил, что лотос нужен его господину для свершения каких-то великих планов. Конечно, для колдовства! И как я раньше об этом не подумал? — славянин возбужденно вскочил с места.

— Даже если Appас и маг — ну и что? — пожал плечами Шамсудин. — Это не преступление.

— Не нравится мне это, — пробурчал Сварог. — От чернокнижников добра не жди.

В этот момент в комнату просунулся сын хозяйки. Сочувственно понаблюдав за жалкими попытками Бебедора бросить кости нужным образом, мальчик, наконец, вспомнил, зачем пришел, и сообщил, что некий господин, встреченный им на улице, попросил передать месьорам Сварогу и Шамсудину, чтобы они срочно явились в Рощу Девы, где их будут ждать с важными новостями.

— Ирина опять что-то задумала, — Сварог сдвинул брови. — И что еще за Роща Девы такая?

Как оказалось, вышеупомянутая роща находилась всего за лигу от городских стен, и считалась местом сугубо аристократическим. Почему она называлась именно Роща Девы — доподлинно никто не знал. Правда, для объяснения названия существовало немало легенд — от вполне романтических до скабрезных, и каждый мог выбрать по своему вкусу. Аристократическим же это место слыло из-за того, что его облюбовали для поединков Берлинские дворяне. Лет пять назад, после уличной резни, в которую вылилась дуэль между двумя баронами, поединки в Немедии были запрещены особым королевским указом, но высокорожденные не собирались отказываться от возможности с честью избавиться от своего врага. И никакие наказания не в силах были остановить дуэлянтов, толпами съезжающихся в Рощу Девы.

— Ну и местечко выбрала Ирина, — хмыкнул сибиряк, привычным движением надевая перевязь с мечом.

— Странно, что она послала сюда какого-то незнакомца, а не приехала сама, — задумчиво пробормотал Шамсудин. — Ирина всегда такая осторожная, а тут доверила тайну своего убежища неизвестно кому.

— Это уже не тайное убежище, а постоянный двор какой-то, — Сварог оглянулся на обитателей дома Сезии, расположившихся в большой обеденной комнате. — К тому же, Ирина сейчас занята кое-чем поважнее таких мелочей... — славянин ухмыльнулся. По лицу Шамсудина пробежала судорога, но он ничего не ответил.

Вместе с Сварогом и полугномом увязался Серкл под предлогом, что покажет им дорогу к Роще. На самом деле, достойный тюремщик надеялся выслужиться перед Ириной, уповая на будущий высокий пост.

Роща Девы оказалась больше похожей на ухоженный парк. На земле не валялись сухие ветки и стволы рухнувших деревьев, дорожки были посыпаны гравием и обсажены кустами, кое-где были даже разбиты цветники и врыты скамеечки для отдыха. Повсюду в зеленой траве виднелись вытоптанные поединниками проплешины. При входе в Рощу шла бойкая торговля. Крестьяне продавали молоко, эль и хлеб для ожидающих своих господ слуг, кондитеры предлагали пирожные и сладости для дам, прибывших полюбоваться на подвиги возлюбленных, кузнецы прямо здесь меняли подковы захромавшим лошадям, виноделы выкрикивали названия вин, обещая победителю продажу со скидкой, оружейники разложили прямо на траве мечи и кинжалы. Тут же примостились лекари, гробовщики и нотариусы, специализирующиеся на завещаниях. В общем, для прибывающих сюда дворян были созданы все удобства.

Сварог придержал коня и огляделся. Кое-где из-за кустов слышался звон оружия, выкрики дерущихся и манерные взвизгивания зрительниц. Ирины нигде не было видно.

— Поехали, поищем ее, — предложил Шамсудин, пуская свою лошадь рысью по одной из дорожек. Позади трясясь Серкл, яростно хлещущий веткой своего ленивого мула, все норовившего сойти с аллеи в поисках сочной травы.

Наконец, они забрались в более глухую часть Рощи Девы, где никого не было. Сварог выехал на уютную поляну и спешился.

— Пусть Ирина сама нас ищет, коли ей надо, — пробурчал он, растянувшись на траве и подставив лицо солнцу. Шамсудин устроился рядом с другом. Тишину нарушало только фырканье лошадей и ругань Серкла, гоняющегося за своим философски настроенным мулом по кустам. Внезапно раздался испуганный крик тюремщика, затем хорошо слышное лязгание стали о сталь и протяжный стон, свидетельствующий, что чье-то оружие попало в цель. Сварог и Шамсудин молниеносно оказались на ногах.

— Попался Серкл, — сказал сибиряк, вытаскивая меч. — Не повезло.

Но, к его удивлению, на поляну из кустов выскочил доблестный тюремщик с окровавленным кинжалом в руке. За ним бежали вооруженные люди.

— Ох, только не бросайте меня! — умоляюще кричал Серкл, торопясь к Сварогу и Шамсудину. Сибиряк оглянулся — на другом краю поляны показались еще противники. Это было уже похоже на спланированное нападение.

— Кром! — хмуро пробормотал Сварог, досадуя на себя, что так легко попался на чью-то уловку. Славянин и полугном торопливо вскочили на своих коней — но вооруженные наемники уже окружили друзей кольцом. Их было человек десять, и намерения у них были самые серьезные.

— Будем прорываться, — буркнул сибиряк и, дав коню увесистые шенкеля, помчался прямо на врагов. Шамсудин подождал, пока запыхавшийся Серкл взберется на лошадь позади него, и собрался последовать за северянином — но крепкие руки подоспевших противников схватили его лошадь под уздцы. Шамсудин успел рубануть того, что был справа, но к нему подбегали все новые наемники, не давая возможности вырваться из их кольца. За спиной полугнома Серкл отчаянно лягался и тыкал во все стороны кинжалом, сопротивляясь попытке стащить его с лошади. Неожиданно конь под Шамсудином заржал и начал заваливаться на бок — кто-то из нападавших просто перерезал несчастному животному

связки на задних ногах. Туранец едва успел соскочить на землю и увернуться от слепо бьющих по воздуху передних копыт скакуна.

Обернувшись, Сварог увидел, что Шамсудин сражается один против пятерых, и только непревзойденное искусство полугнома позволяет ему до сих пор оставаться в живых. Лицо Шамсудина было спокойно и сосредоточенно, а руки, в каждой из которых было зажато по мечу, мелькали с такой быстротой, что, казалось, уследить за ними просто невозможно. Пока сибиряк разворачивал коня, Шамсудин уже успел разделаться с двумя противниками. К некоторому удивлению северянина, в руках Серкла он тоже увидел меч, выхваченный тюремщиком из рук убитого полугномом человека. Серкл ясно осознал, что спасения ждать неоткуда, и ему пришлось взять на себя труд по защите своей драгоценной жизни. Трудно сказать, какие приключения случались у бравого тюремщика в юности, но оружие он держал уверенно и с некоторым успехом отбивался от обратившего на него внимание наемника, хотя на победу рассчитывать ему было трудно.

Сварог больше привык сражаться пешим, поэтому он спрыгнул с коня и бросился на подмогу туранцу. В глазах славянина горел боевой азарт, он лихо вращал меч, не подпуская врагов близко. Но нападающих все-же было слишком много, и они не торопились, выжидая, пока сибиряк и полугном ослабнут и можно будет без помех разделаться с ними. Сварог рассчитывал пробиться к Шамсудину, чтобы обороняться спиной к спине, но это ему никак не удавалось. Славянину и туранцу приходилось проявлять изрядную изворотливость, чтобы избежать удара в спину. Поодаль Серкл уныло махался с наемником, мысленно готовясь к встрече с Нергалом.

Положение становилось все более трудным. Сварог уже подустал, пот градом катил с его лба. Куртка славянина была располосована в нескольких местах, лезвие одного из противников задело левую руку, и хоть рана была неглубокая, но сильно кровоточила. Шамсудин еще не был ранен, но и он перешел от нападения к обороне, бережно расходя силы. Сопение Серкла оглашало всю поляну. То, что он еще жив, могло быть объяснено лишь тем, что его соперник не горел желанием помочь товарищам справиться с такими бойцами как Сварог и Шамсудин, предпочитая относительно безопасную драку с тюремщиком. Напряжение боя давало себя знать, киммерийцу все тяжелее было следить за всеми противниками, парируя их удары. Помощи ждать было неоткуда – любой, кто услышит звон оружия, решит, что здесь происходит обычный поединок. Те, кто решил разделаться с славянином и туранцем, удачно выбрали место.

Отчаянным усилием Сварог достал лезвием меча одного из наемников, и тот с криком повалился в траву. Краем глаза сибиряк заметил свою лошадь, одиноко стоящую на краю поляны и терпеливо поджидающую всадника. Вдвоем с Шамсудином они могли бы вырваться отсюда, тем более что их враги были пешие. Но троих его конь не вынесет. Сварог с затаенной надеждой скосил глаза в сторону Серкла – но тюремщик был все еще жив. Сибиряк привык никогда не сдаваться, но сейчас он ощутил уныние, и под курткой по его спине пробежал холодок. Неужели колдун, предсказавший, что он станет королем, обманул, и ему суждено удобрить своим телом землю в Роще Девы?

Но нет, маг не солгал тогда киммерийцу. Это он понял в следующее мгновение, когда, ломая кусты, на поляну выехал отряд городской стражи во главе с бравым капитаном. Стражники угрожающе опустили свои пики и галопом помчались на наемников. Те, не горя желанием оказаться на месте их жертв, мигом бросились врассыпную и исчезли среди деревьев.

Никогда в жизни Сварог не испытывал такой радости от лицезрения стражей закона. Опустив меч и вытирая пот со лба, он смотрел на капитана, чувствуя непреодолимое желание обнять его. Впрочем, по лицу командира отряда было видно, что он этого желания не разделяет.

— Что, нападение с целью убийства? — разочарованно спросил капитан, пока его подчиненные рыскали по лесу в поисках наемников.

— Еще какого убийства! — с энтузиазмом встрял Серкл, в волнении размахивая руками. — Накинулись, разбойники, ни с того ни сего на мирных людей, и ну мечами махать!

— Угу, мирных, — протянул капитан, оглядывая валяющиеся на поляне трупы.

К командиру стражников подошел Шамсудин, спокойный и учтивый, как всегда.

— Позволь поблагодарить тебя, капитан, за то, что своим неожиданным появлением ты спас наши жизни, — вежливо произнес полугном, вытирая пучком травы окровавленные мечи.

— Да уж, неожиданным! — с досадой воскликнул командир. — Хотел бы я потолковать по душам с тем парнем, что меня сюда направил. Говорит — в глухой части Роши Девы поединок, и соперники что надо, заплатят, сколько скажешь! А я и поверил, как дурак, — капитан даже сплюнул в негодовании. — Помчался сюда со своими ребятами, как на пожар. А тут — простое нападение! И добро бы, на барона какого — так на бродяг-чужестранцев, с которых и медного талера за спасение не стрясесть!

Гнев капитана вполне можно было понять. Поскольку дуэли были запрещены, и за нарушение этого указа виновным грозила высылка или даже тюрьма, дворяне предпочитали откупиться от заставших их на месте поединка стражей порядка и замять эту историю. Правда, от гвардейцев тут требовалась известная изворотливость, поскольку за попытку ареста очень высокопоставленного лица можно было здорово пострадать самому, а из какого-нибудь пятого сына захолустного дворянчика выколотить было просто нечего. Поэтому стражники очень ценили сведения о дуэлях, где противниками были люди небедные, но и не слишком могущественные.

— И как же, позволь спросить, выглядел человек, направивший тебя сюда и тем заставил тебя спасти наши жизни? — невозмутимо поинтересовался Шамсудин, пропустив мимо ушей возмущенную тираду стражника.

— Как выглядел, как выглядел! — злобно огрызнулся капитан. — Как последняя свинья!

Махнув рукой своим подчиненным, приказывая следовать за собой, капитан удалился с поляны, недовольно бормоча что-то себе под нос.

— Вот так! — пожал плечами полугном. — Кто и зачем напал на нас — неизвестно, кто помог нам — тоже. Не люблю, когда меня водят за нос!

— Это госпожа Ирина послала сюда стражников! — убежденно сказал Серкл, в представлении которого Ирина по своему могуществу стояла на третьем месте после Митры и короля Нимеда.

— Хотелось бы верить. Надеюсь, с ней самой все в порядке, — тихо произнес Шамсудин.

Сварог, закончив обматывать раненую руку обрывком рубахи, подошел к туранцу.

— Кажется, я знаю, кто нам это подстроил, — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, произнес сибиряк. — И, клянусь Кромом, он за это поплатится!

— Да кто же это? — спросил Серкл и затаил дыхание.

— Этот щенок! — рявкнул Сварог. — Ревенд!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сварог ворвался в дом Сезии в ярости, словно демон, которому прищемили дверью стати. И сразу столкнулся с Ингодой, несущей во двор корзину с мокрым бельем.

— Где он?! — зарычал сибиряк, заставив девушку попятиться. — Где Ревенд?

— Ушел, — ответила Ингода и поставила корзину на пол. — Ты ранен, Сварог, давай я перевяжу тебя.

— К демону! — отмахнулся славянин. — Куда он направился?

— Я не знаю, — покачала головой девушка, но по ее смущенному взгляду и слегка покрасневшим щекам было видно, что она лжет.

— Говори, чтоб тебя взял Нергал! — заорал сибиряк, грубо схватив Ингоду за плечо — и получил в ответ звонкую пощечину, отвшенную крепкой, привыкшей к тяжелой домашней работе рукой.

— Остынь, Сварог, — спокойно посоветовала дочь тюремщика. — Твоя рана может открыться.

Несколько мгновений северянин оторопело смотрел на девушку, словно не веря, что она дала ему отпор.

— Я принесу воды, чистую тряпку и перевяжу тебя, — как ни в чем не бывало, сказала Ингода и ушла в кухню. Скоро она вернулась, неся в руках медный таз с горячей водой. Сварог молча и безропотно дал Ингоде размотать на руке небрежно сделанную им повязку. Девушка тщательно промыла рану и аккуратно перевязала ее белоснежной тканью.

— Скоро заживет. А ты пока постарайся поменьше двигать рукой, — посоветовала Ингода.

— Спасибо, — буркнул Сварог. Потом его губы задвигались, словно пытаясь вытолкнуть слово «прости», но мужская гордость победила, и сибиряк проглотил свое извинение.

Девушка вытерла испачканные кровью руки и поднялась, чтобы продолжить неоконченное ею дело. Сварог торопливо вскочил вслед за ней.

— Послушай, Ингода, мне очень нужно узнать, где Ревенд, — со всей возможной мягкостью и настойчивостью проговорил северянин. — Это очень важно. На нас с Шамсудином напали и чуть не убили, может быть, опасность грозит и ему...

Девушка испытующе взглянула в глаза Сварогу, и славянин едва удержался, чтобы не отвести взгляд.

— Ревенд просил меня никому не говорить, куда он пошел, — медленно произнесла Ингода. — Но, раз ты говоришь, что это очень важно...

— Очень! — энергично подтвердил северянин.

— Он ушел еще вчера, — пояснила девушка. — Сказал, что понял, как ему надлежит поступить, что он пойдет к графу Корнелиусу...

— Вот! — торжествующе вскричал Сварог, грохнув кулаком по столу так, что стоявшая на нем посуда подпрыгнула. — Я так и знал, что он нас выдаст! Ну, берегись, змееныш! — и с этим воплем сибиряк выбежал из кухни. Ингода растерянно посмотрела вслед северянину и машинально закончила фразу:

— ... и прямо спросит у него, что он сделал с королем Нимедом!

Яростно проклиная сквозь зубы Ревенда, Сварог торопил коня к знакомому особняку графа в уверенности, что найдет юношу там. Жажда мести так и распирала сибиряка. Если бы племянник философа решил поддержать заговор Корнелиуса и попытался убить

славянина и его друга своими руками, Сварог нисколько не обиделся бы, здраво рассуждая, что каждый волен выбирать, на чьей стороне сражаться. Но то, что юноша подло предал их и навел на сибиряка и полугнома убийц, возмутило славянина до глубины души. Нечестную игру Сварог презирал, а тех, кто пытался смешанничать – за людей не держал и отправлял на Серые Равнины без малейших угрызений совести.

Позади сибиряка ехал Шамсудин, опасающийся, что его горячий спутник снова наломает дров там, где этого вовсе не следовало бы делать. Он пытался удержать Сварога от опрометчивого визита в особняк Корнелиуса, но северянин хотел во что бы то ни стало покарать Ревенда. Может быть, Ирине и удалось бы уговорить сибиряка – но девушки-гуля, как назло, не было дома. Она вообще теперь нечасто появлялась у Сезии, словно позабыв о живущих там людях.

Сибиряк резко осадил лошадь у дверей графского дома и спрыгнул с седла. Он собирался ворваться к Корнелиусу, найти Ревенда и вышибить из него его университетские мозги, но необычное столпотворение у особняка удержало Сварога от немедленных действий. Улица была запружена людьми, в основном низкого сословия, горячо что-то обсуждающих и пытающихся заглянуть в окна дома. Поодаль славянин заметил оседланных лошадей, которых держал под уздцы гвардеец, и мрачного вида карету с зашторенными окнами.

– Что здесь происходит, любезный? – осведомился Шамсудин у какого-то человека в фартуке, к которому были приколоты толстые сапожные иглы.

– Так графа с сыном арестовывают! – с готовностью откликнулся тот. – Жена прибежала, говорит, к дому господина Корнелиуса отряд гвардейцев подъехал, и тюремная карета при них. Я сразу и бросился сюда, даже туфель с болванки не снял...

Сварог и Шамсудин переглянулись. Конечно, они сами раскрыли заговор графа барону Вику, но то, что меры последуют так быстро, сибиряк и полугном не ожидали.

– Значит, Вик выследил колдуна, что на Нимеда чары навел? – недоуменно пробормотал Сварог. – Почему же Ирина нам ничего не сказала?

Шамсудин лишь пожал плечами, словно говоря, что тоже ничего не понимает.

Вскоре из дома графа вывели арестованных. Сам Корнелиус держался гордо, хоть и был бледен, как кружева на рукавах его сына. Агритас съежился и лишился всей своей былой щеголеватости. Рядом с сыном семенила заплаканная графиня, пытаясь под руками стражников просунуть юноше какой-то узелок. В дверях виднелась рыдающая Кларион, подурневшая от горя еще больше.

Вслед за графом и Агритасом гвардейцы вели уже знакомых Сварогу казначея Готаро, генерала Йонана, еще каких-то вельмож и офицеров. Видимо, заговорщики были в сборе, когда нагрянула стража. Дворяне были угрюмы и далеко не так спесивы, как обычно. Ревенда среди них не было.

Внезапно граф обернулся и встретился взглядом со стоящим в толпе Сварогом. Несколько мгновений Корнелиус молча смотрел в лицо киммерийцу, потом его губы шевельнулись, и северянин понял, какое слово произнес граф, словно отчетливо слышал его. Сварог никогда не питал к Корнелиусу расположения и нисколько не огорчился его арестом, но тут его словно обдало жаром. Никто еще не называл сибиряка предателем.

Графа, казначея и генерала втолкнули в карету, остальных усадили на лошадей, и заговорщики в сопровождении стражи двинулись в направлении Каземата. Зеваки еще немного потоптались у дома и, не дождавшись больше ничего интересного, стали

расходиться.

Сварог почувствовал, что его гнев на Ревенда угас, словно залитые водой угли. Сибиряк вяло оглянулся, словно надеясь увидеть юношу в толпе, не увидел и, махнув рукой, двинулся в обратный путь. Шамсудин с задумчивым видом ехал рядом.

Ирина была дома. Примостившись на столе, девушка поглощала яблочный пирог и оживленно болтала с Сезией и Ингодой, не давая им вставить ни слова. Ильма сидела в уголке и бросала неприязненные взгляды на раскрасневшуюся и похорошевшую рабирийку. Войдя, Сварог буркнул что-то вместо приветствия и уткнулся в поданную ему Ингодой тарелку похлебки. Шамсудин было невозмутимо прошел мимо девушки-гуля, но рабирийка сама окликнула его.

— Что это ты, Шамсудин, такой мрачный? Опять Сварог кого-нибудь убил, не посоветовавшись с тобой? — Ирина звонко расхохоталась.

— Убил, но с полного моего одобрения, — холодно ответил полугном, отчужденно взглянув на девушку.

— Что случилось? — удивленно спросила рабирийка.

— Почаще дома бывать надо, тогда и знала бы, что, — хмуро пробормотал Сварог. — Нас с Шамсудином пытались прикончить, пока ты развлекалась Нергал знает где...

— А вот это тебя не касается! — резко сказала девушка-гуль и посмотрела на полугнома: — Это правда?

— Истинная правда, госпожа Ирина! — заторопился Серкл, только что вошедший в комнату и сразу смекнувший, о чем речь. — Месьора Сварога и месьора Шамсудина вызвали якобы для беседы, а там на них напали злодеи с огромными мечами! Страшно подумать, что бы могло случиться, если бы я не поехал с ними... — Серкл вздохнул. — Да и тебе, госпожа, спасибо, вовремя ты стражников к нам направила!

— Каких стражников? — недоуменно подняла брови Ирина. — Кто на вас напал?

— Можно подумать, тебя это волнует, — буркнул Сварог. — Надо было за Ревендром приглядывать, ничего и не случилось бы.

— Ревенд? С ним что-то случилось? — Бебедор взволнованно посмотрел на славянина, оторвавшись от фолианта, который читал, сидя рядом с Ильмой.

— Выдал нас твой Ревенд с потрохами! — рявкнул Сварог.

— Ревенд выдал? — растерялась Ирина. — Кому выдал?

— Как бы то ни было, наше дело окончено, — произнес Шамсудин, не глядя на рабирийку. — Что случилось с Нимедом, вы знаете, принц у вас в руках, граф Корнелиус в Каземате, так что вам остается лишь...

— Граф в Каземате? — ошеломленно произнесла девушка-гуль. — Ничего не понимаю!

— Конечно! — хихикнула Ильма. — Трудно что-нибудь понять, когда думаешь не головой, а тем, что под подолом!

Ирина даже не обратила на этот выпад внимания.

— Корнелиуса арестовали? Но почему же Appas мне не сказал?! — рабирийка закусила губу в тщетной попытке разобраться.

Внезапно все услышали стук. Кто-то отчаянно барабанил во входную дверь дома. Сезия торопливо пошла открывать, и вскоре в комнату ворвался племянник философа собственной персоной. Он был бледен, взгляд блуждал, кулаки то сжимались, то разжимались, и вообще казалось, что юноша не в себе.

— А, все здесь! — произнес Ревенд и зловеще улыбнулся. — Отлично!

— Мальчик мой, что случилось? — встревоженно спросил философ.

Юноша нетерпеливо отмахнулся и в упор уставился на Ирину.

— Я знаю, чьих это рук дело, — заговорил Ревенд. — Ты, госпожа, так юна и хороша, но сердце у тебя чернее ночи! Ты умеешь вызывать у людей доверие и обращать его в свою пользу! Ты можешь принудить стать предателем даже того, кто скорее готов умереть, чем опозорить себя таким деянием! Твои глаза чисты и непорочны, их не замутняет пролитая по твоей вине кровь! Ты женщина, и тем самым ограждена от возмездия! Но наступит день, и твои гнусные дела падут на твою голову!

— Ну, это все понятно, — деловито сказал Серкл. — А в чем дело-то?

Ревенд дико оглянулся и вновь посмотрел на застывшую в удивлении Ирину.

— По твоей вине меня считают предателем, — горько сказал юноша. — Да я и сам так считаю. У меня теперь есть только один выход. Но сначала я должен отомстить за моих друзей, за мою поруганную честь. На тебя я не могу поднять руку, ибо ты женщина. Но твои приспешники должны заплатить за все! — судорожно всхлипнув, Ревенд выбросил вперед руку, в которой оказался кинжал, спрятанный до этого в рукаве, и прыгнул на Сварога. Сибиряк вскочил, опрокинув миску с похлебкой, и одним ударом обезоружил юношу, отшвырнув его в противоположный угол комнаты. Кинжал, выпавший из руки Ревенда, воткнулся острием в пол. Племянник философа скорчился у стены и зарыдал.

Все безмолвно смотрели на Ревенда, не зная, что сказать. Одна Ингода решительно подошла к юноше и, опустившись рядом с ним на колени, прижала его голову к своей груди. Под ее укоризненным взглядом сибиряк невольно покраснел, чувствуя себя так, словно обидел котенка.

— Ревенд, но что же все-таки случилось? — воскликнул донельзя расстроенный философ. — Что ты бросаешься на людей с ножом, точно разбойник?

— Графа Корнелиуса арестовали, — пробормотал его племянник. — И Агритаса, и других... Они считают, что это вы их выдали, а я помог вам в этом. И не говорите мне, что это не так! — юноша яростно взглянул на своих недавних друзей, и Ирина невольно отвернула глаза. — Мне удалось бежать от стражи, приехавшей за нами. Сделал я это только для того, чтобы отомстить вам. Но я даже этого не смог! Зачем мне теперь жить?!

Ингода ласково погладила Ревенда по волосам.

— А то, что ты предал нас, тебя не волнует? — мрачно поинтересовался Сварог. — Твой распектабельный граф Корнелиус подоспал к нам убийц. И, я думаю, не без твоей помощи.

— Я не предавал вас! — горячо воскликнул юноша. — Я и слова про вас не сказал, хотя граф лично просил меня об этом!

— Зачем же ты тогда отправился к нему? — язвительно спросил сибиряк.

— Я хотел узнать, правда ли, что он воспользовался услугами мага и ввергнул нашего короля в безумие, — глухо сказал Ревенд. — И теперь знаю, что это не так. Да, граф честолюбив, но он ничего не предпринимал против Нимеда до тех пор, пока в стране не начался этот беспредел.

— И ты поверил своему графу? — усмехнулась Ирина.

— Да, поверил, — кивнул юноша. — Граф приехал в Германию уже после того, как здесь начались казни. До этого он почти два года жил в Коринфии. Вряд ли можно организовать заговор, живя за сотни лиг от королевского дворца.

Сварог и Шамсудин посмотрели друг на друга, в глазах Ирины была растерянность.

— Но Корнелиус выманил нас отсюда, чтобы убить в Роще Девы! — произнес Сварог. —

Откуда он узнал, где находится дом Сезии?

– Не знал он этого, – Ревенд судорожно вздохнул, поднялся на ноги и помог подняться Ингоде. – Иначе не грозил бы мне вчера всякими караами, если я не расскажу, где вы прячетесь.

– Но он же хотел убить принца! – воскликнула Ильма.

– Глупость какая, – поморщился юноша. – Он собирался возвести его на престол и быть при нем регентом. Граф был вне себя, когда вы похитили мальчика. Он очень беспокоился о его судьбе.

– Всеблагая Иштар! – прошептала Ирина. – Я же слышала, как Аппас и барон говорили о каких-то людях, которых надо убрать! И что-то про Рощу Девы!

– Сдается мне, нас здорово надули, – с философским спокойствием произнес Сварог.

– Благодаря нам они получили принца и заговорщиков, а потом решили от нас избавиться, – Шамсудин нехорошо усмехнулся.

– Наверняка барон проследил нас прямо до этого дома, когда мы возвращались от него, – кивнул сибиряк.

– Мне с самого начала казалось, что история с магическими чарами, якобы наведенными на короля – нелепость, – заметил Бебедор. – Но все с такой готовностью поверили в нее...

– Но что же тогда случилось с королем Нимедом? – серьезно спросила Ингода.

– Да Митра с ним, с Нимедом! – вскричал Серкл. – Что будет с нами?!

– О Иштар, что этот подлый барон собирается сделать с принцем? – истерически вскрикнула Ильма.

– Говорил же я – от колдунов добра не жди, – пробурчал Сварог. – Сдается мне, этот Аппас сам на короля чары и навел, а нам на графа для отвода глаз указал.

– Значит, вас тоже обманули? – мрачно произнес Ревенд. – Что ж, выходит, не я один такой дурак...

– Ты прав, – внезапно согласился Шамсудин. – Мы добровольно сунули голову в пасть льву. Безоговорочно поверили всему, что наговорили нам Вик и Аппас, и выполнили за них грязную работу, не распознав, что они ведут двойную игру, – полугном с досадой махнул рукой. – А ведь у меня были поначалу подозрения! Но Ирина... – турец резко умолк, не желая обвинять девушку-гуля.

Все невольно посмотрели на рабирийку. Ирина молча и очень прямо стояла посреди комнаты, но на ее лице была написана такая мука, что все тотчас отвели глаза.

* * *

– Я должна поехать! – упрямо твердила Ирина, пытаясь обойти Сварога, загородившего ей дверь.

– Да они просто прикончат тебя! – убеждал сибиряк. – И это в лучшем случае.

– Я должна выяснить, что они собираются делать и как им можно помешать, – упорствовала девушка-гуль.

– Но, Ирина, это очень опасно, – мягко сказала Ингода.

— Я подвела вас всех, теперь только я должна исправить дело, — рабирийка в который раз попыталась оттолкнуть с дороги северянина. С таким же успехом она могла попытаться сдвинуть скалу.

— Я говорю, бежать надо! — бормотал Серкл. — Этот барон нас теперь в покое не оставит! Слишком много мы знаем.

— Ирина, ты же умная девушка, как же ты не понимаешь, что это безрассудство, — терпеливо повторял Бебедор.

— Понимаю, — жестко произнесла рабирийка. — Но я не могу этого так оставить. Я не позволю Вику и... Аррасу, — второе имя Ирина произнесла с некоторым трудом, — использовать и выбросить нас, как старые перчатки!

— Ирина, в тебе говорят чувства, а не разум, — встревоженно вмешался Ревенд, уже забывший, что недавно хотел покаратъ девушку-гуля. — Это ни к чему хорошему не приведет!

— Не беспокойтесь, я буду осторожна, — рабирийка натянуто улыбнулась. — Я сделаю вид, что хочу примкнуть к ним.

— И ты думаешь, они тебе поверят? — выразительно поднял брови мэтр Бебедор.

— Ирина, не надо! — робко сказала Ильма, вцепившаяся в руку философа.

— Пусти, Сварог! — почти умоляюще проговорила Ирина, снова толкая славянина в грудь своими маленькими узкими ладонями. Сибиряк лишь покачал головой.

— Пусть идет, — неожиданно сказал Шамсудин, до этого с каменным лицом наблюдавший за спором Ирины с остальными. — Она все равно сделает это.

Сварог с недоумением посмотрел на своего друга, не понимая, что это вдруг на него нашло.

— Мы не сможем помешать ей, — снова произнес полугном. — Так давайте лучше поможем.

Сибиряк пожал плечами и отошел от двери. Ирина обернулась и, бросив на Шамсудина теплый признательный взгляд, торопливо вышла.

— Ты что, помешался? — выразительно спросил Сварог. — Зачем ты позволил ей уйти?

— Она была бы несчастна, если бы не сделала этого, — медленно ответил Шамсудин. — Ее чувства глубоко оскорбили, и мы не вправе помешать ей восстановить свою гордость.

— Ты, Шамсудин, просто осел! — в сердцах воскликнул славянин. — Несчастна, не несчастна! Посидела бы взаперти пару дней, успокоилась и одумалась бы. В крайнем случае, пара хороших оплеух, — Сварог невольно покосился на Ингоду, — выбили бы из нее эту дурь. А теперь барон тебе еще и спасибо скажет, что ты ее к нему отпустил! Сам ее теперь и спасай, раз такой чувствительный.

— Он Ирину нарочно к барону отправил! — запальчиво сказала Ильма. — Он ее приревновал, а теперь мстит!

Шамсудин спокойно, без всякой обиды взглянул на девушку — и она замолчала, потупившись.

— Если надо, я за Ирину жизнь отдам, — сдержанно произнес полугном. — Но здесь я ей не в силах помочь, как бы мне этого ни хотелось.

— Боюсь, доблестный Шамсудин прав, — покачал головой Бебедор и обнял притихшую Ильму. — Бывает, даже самые близкие и любимые люди не могут разделить с человеком его ношу. И им остается лишь ждать и надеяться.

— Ты верно поступил, Шамсудин, — тихо сказал Ревенд и с уважительным сочувствием взглянул на туранца.

Сварог только сплюнул в досаде. Подобные душепитательные высказывания его высокомудрых друзей лишь действовали киммерийцу на нервы.

До вечера северянин уныло слонялся по дому, не зная, чем ему заняться, и старательно пряча от самого себя тревогу. Когда стало смеркаться, к нему подошел Шамсудин.

— Пора, — только и сказал он. Сибиряк кивнул и отправился за своим мечом. Внизу их уже ждал Ревенд с саблей, одолженной ему туранцем.

— Ах, как жаль, что я не могу поехать с вами! — сокрушался мэтр Бебедор. — Но боец из меня, увы, никудышный.

— Если мы не вернемся, забирай девушек и Сезию с сыном и беги из Берлина, — посоветовал Шамсудин. — Иначе барон расправится и с вами.

— Не хочу даже думать об этом! — решительно заявил философ. — Вы вернетесь, привезете с собой Ирину, а тогда решим, что нам делать дальше.

Полугном тепло улыбнулся мэтру Бебедору и на прощанье пожал ему руку.

Уже на пороге дома Шамсудина, Сварога и Ревенда догнал запыхавшийся Серкл с мечом, предусмотрительно захваченным им из Рощи Девы.

— Я с вами! — произнес тюремщик. — А то неизвестно, что вас там ожидает, надо же иметь надежного человека под боком...

Никто не возразил Серклу, и бывший надзиратель удовлетворенно засопел.

...Они подъехали к дому барона уже в темноте. Оставив лошадей в кустах на берегу реки, все четверо подошли к стене, ограждающей баронский сад. Она была не слишком высока, но Серкл все равно с трудом перебрался через нее, поддерживаемый сзади Сварогом и вытягиваемый спереди Ревендром. В саду было тихо, пахло землей и жасмином. Сибиряк неслышно двинулсya вперед — и вдруг резко остановился. Прямо на него большими прыжками неслась крупная собака с гладкой, блестящей в свете луны шерстью. В два прыжка Сварог оказался вновь на стене, где уже находились Ревенд и Шамсудин. Серкл последовал за славянином с похвальной стремительностью, словно не он недавно кряхтел и сопел, не в силах одолеть ограду.

Подбежав к забору, собака подпрыгнула, и ее когти с зловещим скрежетом проехались по каменной стене. Поняв, что ему не достать незваных гостей, пес глухо зарычал, обнажив внушительные клыки, и уселся на траву, не спуская глаз с людей. Смотрел он почему-то на Серкла.

— Ну, и что мы будем делать? — нервно спросил тюремщик, боязливо поджимая под себя ноги.

— Пока ничего, — невозмутимо ответил Шамсудин и вынул из-под плаща небольшой сверток. Полугном развернул тряпку, и все увидели, что это кусок мяса. Шамсудин ловко кинул мясо собаке, и та поймала угощение на лету. Какое-то время пес продолжал сторожить туранца и его спутников, но вдруг беспокойно закрутился, заскулил, неуверенно облизнулся, потом взвыл и опрометью бросился в глубь сада.

— Что там было? — поинтересовался Сварог.

— Слабительное — все, какое нашлось у Сезии, — по голосу Шамсудина было ясно, что он улыбается. — В прошлый приезд сюда я приметил здесь охранных собак, и решил на всякий случай захватить для них гостинец.

— Хвала Митре, он не лаял, — прошептал Ревенд.

— Эти собаки не лают. Они не сторожевые и не охотничьи, они натасканы убивать, — спокойно пояснил полугном.

В полном молчании Шамсудин, Сварог, Ревенд и Серкл добрались до особняка. Он был погружен в темноту, и лишь на верхнем этаже были слабо освещены несколько окон. Свет был какой-то странный: не желтый, какой обычно бывает при свечах, а голубоватый.

— Нюхом чую — они там, и вершат свои грязные делишки, — пробурчал сибиряк.

Парадный вход был заперт на засов, а вот дверь для слуг была закрыта всего лишь ключом. Сварог вытащил свою отмычку и привычно принял за дело. Вскоре в замке что-то щелкнуло, и дверь с тихим скрипом отворилась.

— Второй раз влезаю в чужой дом, чтобы спасти эту неуемную девицу, — пробормотал про себя Сварог.

Проколзнув через половину слуг, сибиряк и его спутники поднялись наверх. Кабинет барона находился в конце длинного коридора. Оставив Серкла на страже, Сварог, Шамсудин и Ревенд со всей возможной осторожностью подкрались к двери кабинета. Она была полуоткрыта, выбивающийся из-за нее голубоватый свет становился все ярче. По дороге Ревенд зацепился ногой за стоящую в нише напольную фарфоровую вазу и непременно повалил бы ее, если бы не ловкость Шамсудина, подхватившего вазу в последний момент. Сварог приготовился к худшему, но находящиеся в комнате были так заняты своим делом, что не обратили на посторонний звук внимания. Сибиряк вытянул шею и заглянул в комнату.

В лицо ему сразу ударили аромат одуряющих благовоний. Кабинет казался наполненным туманом, окружающие предметы виделись словно сквозь дымное марево. На полу в каком-то странном порядке стояли необычные прозрачные светильники, дававшие голубоватый свет, похожий на сияние молнии. Посреди комнаты, в окружении светильников на возвышениях лежали две женщины. В одной из них Сварог сразу узнал Ирину. Глаза девушки-гуля были закрыты, а лицо такое спокойное, какого славянин ни разу не видел у порывистой как ветер рабирийки. Над головой каждой из женщин прямо в воздухе висело по блестящему черному шару.

Чуть поодаль сибиряк увидел Арраса. Молодой маг с сосредоточенным выражением лица вглядывался в толстую книгу, лежавшую перед ним. За его спиной застыл барон Вик. Внезапно Аррас оторвался от книги и, взмахнув руками, выкрикнул какое-то заклинание. Между шарами полыхнул сноп искр, похожих на болотные огоньки, и тотчас угас. Женщина, лежавшая неподалеку от Ирины, едва слышно застонала. Аррас выругался.

— Не получается? — холодно спросил барон, с неприязнью глядя на аквилонца.

— Это из-за того, что она не человек, а гуль! — Аррас лихорадочно переворачивал толстые пергаментные страницы фолианта. — Но должно же получиться, во имя Митры! Все компоненты пребывают в нужном равновесии... Сейчас я попытаюсь снова.

Сварог взглянул на Шамсудина, и полутном молча кивнул в ответ. Распахнув дверь, сибиряк и его друг ворвались в кабинет барона. Стараясь не задеть светильники и пропадающие на полу бледные линии пентаграммы, Сварог молниеносно преодолел расстояние, отделяющее его от Арраса, и с наслаждением приложил мага по лицу своим могучим кулаком. Аквилонец повалился на пол, и из его руки вылетела коробочка, так хорошо знакомая славянину. Тем временем Шамсудин приставил к горлу Вика острье меча, а Ревенд плотно закрыл дверь и встал возле нее, зло глядя на своих врагов.

— Говорил же я тебе, господин барон — слуг надо держать в большей строгости! — с усмешкой произнес Аррас, вытирая бегущую из носа кровь. — Твои наемники сплоховали в Роще Девы и даже не доложили нам, что не выполнили задание. К тому же, твои телохранители спят, а привратники играют в кости, пока чужие люди разгуливают по дому.

— Замолчи, щенок, — с ненавистью сказал барон, даже не попытавшийся сопротивляться полугному. Appas расхохотался окровавленными губами. Сварог увидел, что зрачки его глаз ненормально расширены, как бывает у тех, кто вдохнул порошка лотоса.

— Что ты сделал с Ириной, отродье Сета?! — зарычал Сварог, наступая на мага.

— Ничего, — невозмутимо ответил молодой человек, поднимаясь на ноги. В тот же момент сибиряк стремительно заломил ему руки за спину, не давая возможности воспользоваться магией. Стройное тело аквilonца изогнулось от боли, но на губах по-прежнему играла усмешка.

Осторожно ступая, Ревенд подошел к девушке-гулю и медленно отвел от ее лица черный шар, который тут же с тяжелым стуком упал на пол. Ревенд едва успел поймать тотчас сорвавшийся с места второй шар, который иначе размозжил бы лежащей женщине голову. Затем племянник философа наклонился над Ириной.

— По-моему, она спит, — с некоторым удивлением сказал юноша.

— Она в трансе, — невозмутимо поправил его Appas. — Но с ней все в порядке. Вы успели вовремя.

Сварог яростно тряхнул мага, взбешенный его хладнокровием и дерзкой насмешкой, звучавшей в голосе.

— Ты собирался сделать с ней то же, что и с Нимедом? — в голосе Шамсудина звучала такая холодная ненависть, что сибиряка невольно мороз продрал по коже.

— А ты догадлив, потомок туранских карликов, — уже без усмешки произнес Appas, подняв голову и в упор взглянув на полугнома.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Темные глаза Шамсудина нехорошо сощурились, и Сварог принял гадать, убьет ли мага полугном сразу, или сперва немножко помучает.

— С меня уже достаточно догадок, — процедил Шамсудин. — Теперь ты все нам расскажешь. И в подробностях.

— Вряд ли вы что-нибудь поймете, — Аррас попытался пожать плечами, забыв, что находится в железных руках сибиряка. — Вам недоступно Тайное Знание.

— Ты ведешь себя как ярмарочный шут, Аррас, — с отвращением сказал барон. — Эти люди, по крайней мере, честно исполняют свой долг, не опускаясь до предательства.

— Ты, дорогой барон, возможно, забыл, что предавал-то именно ты? — язвительно поинтересовался маг. — Я лишь выполнял задание. Король Нимед мне не друг и не родственник.

— Да, я предал короля, — устало сказал Вик. — И не раскаиваюсь. Я скорблю лишь о Немедии, которую ты и твой приспешник столь быстро довели до жалкого состояния.

— Твоя совесть, почтенный барон, проснулась очень вовремя, — хмыкнул Аррас. — Возможно, эти месьоры пожалеют тебя.

— Мне не нужна ничья жалость, — Вик сурово выпрямился, не обращая внимания на лезвие меча, все еще направленное ему в горло. — Я выполнил то, что было моей целью на протяжении последних семи лет. Теперь ничто не имеет значения. Моя дочь отомщена, — барон указал на портрет девушки, — и, надеюсь, обрела покой в царстве Нергала, — Вик судорожно вздохнул, и лицо его вмиг словно постарело на десять лет. — Когда она лежала передо мной здесь, такая холодная и неподвижная, а художник рисовал на холсте ее лицо — ведь у меня даже не было ее портрета! — я поклялся себе: во имя моей Деметрии и ее так и не рожденного ребенка я отомщу человеку явившемуся виновником их гибели, пусть он даже и стал моим сюзереном и королем!

Барон говорил так искренно и с такой страстью, что Сварог невольно почувствовал ему. Такое могло случиться с каждым, и боль отца, потерявшего дочь, была вполне понятна.

— Она умерла в тот самый день, когда Нимед вел к брачному алтарю кофийскую принцессу Рэлею, — горько произнес Вик. — Мы до сих пор не знаем, где Деметрия достала яд. А ведь мы с королем были друзьями! Сколько раз потом я проклинал эту дружбу, позволявшую Нимеду являться ко мне в дом и вести беседы с моей дочерью. Если бы я знал, к чему это приведет! — барон судорожно сжал руки. Горе семилетней давности по-прежнему живо переживалось им. — Впрочем, теперь он мертв. И перед его смертью я взглянул в его глаза и напомнил о погубленных им двух невинных жизнях.

Смягченный терзаниями барона, Сварог даже не сразу сообразил, что он сказал, а когда понял, выпучил глаза.

— Значит, на троне — не Нимед? — невольно воскликнул сибиряк.

— Нимед мертв, — глухо повторил Вик. Внезапно он быстрым движением поднес ко рту руку, на указательном пальце которой было кольцо с крупным агатом. Шамсудин резким ударом отшвырнул его ладонь от лица — но было поздно. Несколько мгновений барон неподвижно стоял, глядя мимо полугнома на портрет дочери, потом захрипел и повалился на пол. Камень на кольце оказался сдвинут в сторону, открывая маленькую полость, в которой еще оставалось немногого белого порошка.

— Яд, — только и сказал Шамсудин, отступая от тела барона.

— Смерть достойная, но глупая, — Аррас тряхнул головой. — Покончить с собой на основании ложной мысли, что его месть свершилась...

Шамсудин резко вскинул на аквилонца глаза, собираясь задать вопрос — но тут тишину спящего дома прорезал грохот. Мгновение спустя в кабинет ворвался побледневший Серкл.

— Я уронил богиню, — виновато признался он. — У лестницы стояла. Я думал, она из мрамора, прислонился, а она — раз! — и свалилась прямо на ступени, да еще раскололась.

— Увы, конец творению великого Джиромо, — вздохнул Аррас. — Я же предлагал ему отлить фигуру в бронзе, а он — алебастр, мол, благороднее...

Почти сразу на лестнице послышались встревоженные голоса и топот ног. Сварог толкнул аквилонца Серклу, а сам приготовился к драке, еще не зная, будут они пробиваться к выходу из особняка или держать оборону в кабинете усопшего барона. Серкл сделал самое зверское лицо, на какое был способен, и облапил Арраса, приставив меч к его груди. Судя по лицу молодого мага, объятия тюремщика не были для него сладостны.

Узкий коридор, ведущий к двери кабинета, давал киммерийцу и его спутникам некоторое преимущество, поскольку противники могли нападать лишь по очереди. Но Сварог понимал, что это временный выигрыш, так как они сами оказались заперты в комнате, словно в мышеловке. Баронские слуги толпились по всей длине коридора до самой лестницы, гомоня и размахивая различным оружием, горящие желанием освободить своего господина. Впереди оказались телохранители и охранники Вика, позади их поддерживал арьергард из поваров, кухарок, горничных и конюхов во главе с престарелой баронессой.

Охранники, словно стараясь оправдаться за недавнюю беспечность, яростно напали на Сварога и Шамсудина. Сибиряк и его друг отбивались, стоя в проеме двери. Им в затылки жарко дышал Ревенд, полностью готовый к подвигам.

— Надо прорываться и уходить, — крикнул полугному славянин. — Пусть Ревенд несет Ирину, а мы втроем его прикроем.

— Нужно забрать и Арраса, — Шамсудин легко обошел защиту противника, и тот грунно повалился под ноги своим соратникам.

— Ты спятил? — Сварог махнул мечом над головой туранца, и еще один нападающий был выведен из боя. — Нам его не вывести. Я его сейчас прирежу, и все дела.

— Мы должны заставить его все рассказать, — Шамсудин низко присел, уходя от клинка, и рубанул охранника по ногам.

— Все равно соврет. Эти колдуны — еще те сволочи, — убежденно сказал Сварог и отбил мечом брошенную кем-то ночную вазу. Затем северянин обернулся, чтобы исполнить свое намерение относительно Арраса и... застыл, не в силах сдвинуться с места. Его ноги точно приросли к полу, а тело казалось чужим и неподвластным разуму. Сварога пронзила ужасная мысль, что сейчас на его незащищенную спину обрушится клинок врага — но мгновения шли, а этого не происходило. Скосив глаза, сибиряк увидел очень растерянного Шамсудина, замершего с занесенным для удара мечом. Его противник с отведенной вбок рукой с оружием, точно его выпад только что отбили, с чрезвычайно глупым видом смотрел на полугнома. Судя по воцарившейся тишине, в таком же плачевном положении находились и остальные. Рядом с Сварогом Ревенд скрежетал зубами, пытаясь шевельнуть хоть пальцем. Серкл неподвижно сидел на полу, и взгляд у тюремщика был еще более виноватый, чем когда он разбил статую. Двигаться мог один лишь Аррас. Сейчас он с невозмутимым видом поправлял на себе одежду, помятую могучими руками славянина. Видимо, Серкл отвлекся, и

аквилонец смог освободить руки и бросить какое-то заклинание.

— Разум всегда восторжествует над грубой силой, — с насмешкой произнес маг, взглянув на неподвижного Сварога. — Сейчас я мог бы вас уничтожить без всяких усилий. Но я, в отличие от вас, не убийца.

«Ну да, не убийца, демон тебе в печенку! А Роща Девы?» — подумал Сварог.

— А Роща Девы — лишь вынужденная необходимость, — словно в ответ на мысль сибиряка сказал Аррас. — Теперь же я дам вам еще один шанс. Попытайтесь — может, у вас получится обыграть меня...

Неожиданно Сварог заметил, что Ирина уже пришла в себя, и теперь молча смотрит на аквилонца. Аррас тоже увидел это. Он подошел к девушке-гулю и наклонился над ней.

— Прощай, прекрасная Ирина. Ты подарила мне незабываемое время, — сказал аквилонец, и было непонятно, издевается он или говорит искренне. В ответ рэбирийка лишь бросила на мага взгляд, полный жаркой ненависти. Аррас улыбнулся и поцеловал девушку в лоб. Затем, не торопясь, отошел к стене и потянул вниз укрепленный на ней серебряный канделябр. Вслед за этим скрытая ковром часть стены отъехала в сторону, и за ней обнаружилась узкая витая лестница.

— А вы продолжайте, сражайтесь. Не буду больше вам мешать, — Аррас отвесил шутливый поклон и исчез в потайном ходе. Какое-то время все оставалось по-прежнему, но внезапно Сварог почувствовал, что снова может владеть своим телом. Сибиряк мигом подскочил к лежащей Ирине, легко поднял девушку на руки и бросился к тайной двери. Следом за ним шмыгнул сообразительный Серкл. Позади них Ревенд, которому, наконец, представилась возможность вступить в бой, неуклюже размахивал саблей под прикрытием Шамсудина. Правда, у юноши обнаружилось одно преимущество: его высокий рост и длинные руки давали ему больше возможности достать противника.

Лестница спускалась в узкий короткий коридор, выводивший в оранжерею. Сварог мчался, сворачивая в темноте кадки с редкими растениями. По хрусту черепков и проклятьям сибиряк понял, что его друзья следуют за ним. Выбив ногой хлипкую дверь, сибиряк с Ириной на руках выбежал в сад и бросился к воротам, понимая, что с такой ношней ему не перелезть через стену. Сзади уже раздавался звон мечей, но славянину было некогда смотреть, кто с кем сражается. Ворота баронского имения были закрыты, но возле них, глядя на мелькание огней в доме, стоял встревоженный привратник, держа за ошейник собаку.

— Открывай! — рявкнул сибиряк, надеясь взять его на испуг. Привратник, действительно, испугался, но сделал совсем не то, что ожидал Сварог, а со страху отпустил пса, который с тихим рыком понесся к Сварогу. Сибиряк ловко увернулся, стараясь прикрыть от следующего броска животного неподвижную Ирину. Вместо тревоги Сварог ощущал лишь ярость от мысли, что не может дать отпор какой-то собаке. Внезапно между готовящимся к прыжку псом и северянином возник Ревенд. Зверь кинулася на нового противника, целясь клыками юноше в горло. Племянник философа вскрикнул и выставил вперед руки с зажатой в них саблей. В следующее мгновение Ревенд и собака покатились по земле, но по истошному визгу Сварог понял, что клинок юноши попал в цель. Вскоре Ревенд поднялся, ощупывая дрожащей рукой левое предплечье, в которое перед смертью успел вцепиться пес.

Тут из-за деревьев на дорожку выкатился Серкл и бодро побежал к привратнику.

— Ключи! — воинственно заорал тюремщик, размахивая мечом перед носом бедняги. Привратник торопливо отцепил от пояса внушительный ключ и протянул Серклу. Со сноровкой, приобретенной с многолетним опытом работы в Каземате, тюремщик

молниеносно отворил ворота и юркнул в темноту. Ревенд и Сварог с Ириной поторопились за ним. Вскоре их нагнал Шамсудин. По тому, что полугном слегка запыхался, сибиряк предположил, что туранец за это время уложил по крайней мере шестерых.

В ночном мраке преследователи безнадежно потеряли своих врагов. Сибиряк и его спутники быстро отыскали в кустах своих лошадей, прислушиваясь к суматошным крикам баронских слуг. Сварог уселся верхом на коня, бережно поддерживая снова потерявшую сознание Ирину, остальные тоже заняли свои седла, и стук восьми пар копыт растворился в напоенном ароматамиочных цветов и запахами близкой реки воздухе.

* * *

– Податель Жизни, как болит голова! – жаловалась Ирина, морщась и потирая виски, пока Сезия готовила для нее укрепляющий травяной напиток.

– Ничего, пройдет, – бодро утешал Серкл. – Главное – ты жива, госпожа, остальное приложится.

Девушка-гуль кисло взглянула на жизнерадостного тюремщика и вздохнула. Иногда тут же поспешила вновь окунуть в холодную воду полотенце, которое она прижимала ко лбу рабирийки. Ирина бросила на нее признателный взгляд.

– Да хватит вам вокруг нее суетиться, – с некоторой досадой произнес Сварог. – Можно подумать, она совершила какой-нибудь подвиг, по-глупому отправившись к барону.

– У тебя, Сварог, нет сердца! – патетически воскликнула Ильма, бережно подавая недавней сопернице мисочку с вкусно пахнувшим отваром.

– Зато у меня есть голова, – буркнул славянин.

– Если ты устала, Ирина, мы поговорим потом, – предложил Шамсудин, на протяжении дня успешно скрывавший от всех свою радость по поводу спасения девушки.

– Нет, у нас мало времени, – Ирина приподнялась на постели и вернула Ильме чашу с напитком. – Может быть, я и сглутила, поехав к Вику – но иначе мы никогда бы не узнали, что случилось с Нимедом. Этот… этот… – Ирина собралась вставить эпитет, определяющий ее теперешнее отношение к Аррасу, но выражаться при Шамсудине ей не хотелось, и она продолжила: – …сам все мне рассказал перед тем, как начать воздействовать на меня своей грязной магией. Оказывается, он нашел в каких-то тайных книгах поклонников культа Сета способ перемещать души людей в чужие тела. Этот индюк так гордился своим открытием, что даже рассказал мне, как это делается. Правда я в это время мечтала о том, как полосну его ногтями по горлу, и все прослушала, – Ирина бесхитростно посмотрела на своих друзей. – В общем, теперь нетрудно догадаться, что барон и его подручный тогда у Эле вселили в тело нашего короля душу и разум другого человека, а душа самого Нимеда, очевидно, была ввергнута в тело подменыша. Поэтому внешность Нимеда осталась прежней, даже жена не смогла бы придраться, но по сути – это другой человек. Они и со мной собирались то же проделать. Этот выкидыш гиены прямо так и заявил – ему, мол, до зарезу необходимо иметь своего человека в Пятом департаменте, и мое тело вполне для этого подходит, – тут Ирина невольно покраснела, вспомнив, что Аррас обещал использовать ее тело не только для этого.

— Говорил же — где чернокнижник, там и какая-нибудь подлянка! — торжествующе сказал Сварог.

— И зачем им это было нужно? — поднял брови Шамсудин.

— Пока не знаю, — задумчиво произнесла девушка-гуль. — Зависит от того, кем нанят маг. Хотя то, что он из Аквилонии, уже говорит о многом... — Ирина прервала свою фразу и махнула рукой. — Это потом. У нас и так много дел. Но ясно одно — человек на троне полностью подчинен Вику и этому сукиному магу.

— Вик мертв, — напомнил Шамсудин.

— Что ж, он сам покарал себя за предательство, — пожала плечами Ирина и поморщилась. Иногда вновь окунула полотенце в воду. — Действительно, лет семь назад была какая-то история с его дочерью. Правда, считалось, что она умерла во время родов. А то, что отец ребенка — Нимед, никого не удивляло. Наш король до женитьбы удержу в этом деле не знал, — рабирийка досадливо скривила губы. — Как же я могла забыть об этом? Тогда я поостереглась бы доверять Вику. Неужели старею? — Ирина бросила взгляд в стоящее на прикроватном столике зеркало и едва заметно улыбнулась.

— Э, но этот барон сказал, что Нимед-то мертв! — вдруг вспомнил Серкл.

— А вот Appas утверждал обратное, — пробормотал Шамсудин. — Кому же верить?

— Конечно, ничто не мешало им убить тело, в которое они пересадили личность короля, — вздохнула Ирина. — Тогда я не представляю, что делать. Кроме его сына, законных претендентов на трон нет, а где мальчик — мы не знаем.

— Дернул же вас демон красть принца у графа Корнелиуса и тащить его к барону, — недовольно произнес Ревенд, машинально потирая перевязанную Ингой рукой. Вообще, с тех пор, как он героически убил пса, племянник философа обрел уверенность в себе и заметно обнаглел, на взгляд сибиряка.

— Постойте, — взволнованно заговорил мэтр Бебедор. — Может быть, вы сочтете меня сумасшедшим, но я тут подумал... то есть вспомнил... мне, знаете ли, кажется...

— Да говори ты толком! — рявкнул Сварог.

— Нищий! — горячо воскликнул философ. — Который булку украл!

Сварог и Шамсудин медленно посмотрели друг на друга, а Ревенд открыл рот, изумляясь находчивости всегда рассеянного дядюшки.

— Точно, — Сварог взглянул на довольного своей проницательностью Бебедора. — Это наверняка он!

— Надо его найти! — Ревенд порывисто вскочил на ноги, точно собираясь немедля бежать неизвестно куда.

— Да кто — он?! — раздраженно спросила Ирина, которую всегда бесило, если она чего-то не понимала.

— Мы видели нищего, который говорил о себе, будто он Нимед, — быстро пояснил Ревенд. — Это и есть тот человек, в теле которого находится душа нашего короля!

— Конечно, не исключено, что он просто помешанный, — рассудительно заметил Шамсудин. — Но найти и расспросить его стоит.

— Найти нищего в Берлине? — покачала головой Ирина. — Мы барона Вольденского с трудом нашли, а тут — какой-то бродяга.

Сварог с заметным торжеством поглядел на девушку-гуля.

— Есть тут у меня один знакомый, — небрежно сказал сибиряк. — Он вашего бродягу вмиг отыщет. Вонючка Пфундс.

Шамсудин невольно поморщился, вспомнив своего новоиспеченного покровителя.

— Ну так поезжай, найди этого Пфундса! — нетерпеливо воскликнула рабирийка, сбрасывая со лба влажное полотенце. — Что ты тут расселся, как на свадьбе?

— Может, надо было позволить колдуну довести свое дело до конца? — задумчиво протянул Сварог. — К такому телу, как у тебя, да еще и норов покладистый...

* * *

Сибиряк нашел Пфундса на своем рабочем месте — в «Королевском Плоту». Вонючка гнусавил что-то насчет своих заслуг в битве при Эль-Касаре, где он, по его словам, потерял руку, и приставал к посетителям с просьбой помочьувечному герою и его несчастному сыночку. За полу хламиды Пфундса держался мальчик лет десяти с неподвижными глазами слепого. Увидев Сварога, Вонючка прекратил свои заунывные жалобы и радостно замахал славянину здоровой рукой. Сибиряк коротко изложил бывшему соратнику свое дело, и Пфундс важно кивнул.

— Это мы быстро, — произнес он. — Невысокий, чернявый, худой, Нимедом себя кличет? Найдем!

Вонючка что-то сказал мальчику, и мгновенно прозревший юный оборвый исчез за дверью гостиницы.

— Сын? — кивнул ему вслед Сварог.

— А кто его знает! — пожал плечами Пфундс.

...Нищего привели в “Королевский Плот” под вечер, когда Сварог уже начал беспокойно поглядывать вокруг, опасаясь городской стражи, все еще, по утверждению Пфундса, безуспешно разыскивающей беглецов из Каземата. Оборванец боязливо посмотрел на сибиряка, но, узнав одного из своих недавних спасителей, робко заулыбался. Выглядел он еще более худым, жалким и оборванным, чем при их последней встрече. Сварог с сомнением оглядел бродягу, уже не веря, что это и есть могущественный король Немедии. Ничего не объясняя, сибиряк махнул рукой, давая нищему знак следовать за собой. Тот покорно пошел за славянином. Терять ему явно было нечего.

До прихода Сварога Ирина, мигом обретя былую энергию и живость, в нетерпении металась по дому. Услышав стук в дверь, девушка-гуль легко сбежала по ступеням лестницы и отодвинула засов. За ее спиной сгрудились остальные, снедаемые священным чувством любопытства.

Сибиряк вошел и, выразительно указав на своего растерявшегося спутника, отодвинулся, давая возможность рассмотреть нищего. Все разочарованно начали переглядываться, не находя в этом человеке ничего общего с королем. Бебедор смущенно кашлянул, чувствуя, что его догадка не подтвердилась. Одна Ирина продолжала настойчиво смотреть в лицо бродяге, и тот, наконец, отважился взглянуть в глаза девушки-гуля.

— Ирина... — неуверенно произнес оборванец.

— Ваше Величество?.. — рабирийка сделала шаг вперед.

Грязное и заросшее лицо бродяги внезапно искривилось, и он судорожно, по-мужски зарыдал. Девушка гуль растерянно замерла, не зная, что делать. Тогда к нищему по

обыкновению спокойно подошла Ингода и потянула его за руку.

— Сперва тебе надо помыться и поесть, — рассудительно сказала дочь тюремщика. — А потом вы обо всем поговорите.

Вскоре чистый, переодетый в платье умершего мужа Сезии и побравшийся Нимед сидел за столом, поедая кушанья и стараясь делать это не очень жадно. Время от времени он обводил взглядом обитателей дома Сезии, словно опасаясь, что они исчезнут. Наконец, Нимед насытился и вежливо рыгнул. Теперь взглядом и осанкой он гораздо больше походил на монарха, хотя его теперешняя внешность не имела ничего общего с привычным всем обликом немедийского короля.

— Нет слов, чтобы выразить вам мою благодарность, — торжественно произнес Нимед, в последний раз обводя взглядом стол и явно жалея, что в него больше ничего не влезет. — За последнюю луну я перенес столько злоключений, что встретить друзей для меня — просто благословение богов. О, Ирина! — король порывисто обернулся к рабирийке. — Если бы ты знала, что мне довелось пережить! Мне негде было укрыться от дождя, меня травили собаками, избивали лавочники, надо мной издевались мальчишки, меня прогоняли нищие, просящие милостыню у храмов Митры. Никто не верил, что я король, никто не хотел помочь мне. А самое главное — этот вечный голод, грызущий твои внутренности днем и ночью!

Сварог невольно пожал плечами. Ему казалось странным, что взрослый и крепкий мужчина дошел до такого плачевного состояния и не смог прокормить себя на улицах большого города.

— Да, я знаю, мой король, тебе пришлось нелегко, — мягко сказала Ирина. — Но, Ваше Величество...

— Ах, Ирина, перестань издеваться, — махнул рукой король. — Какое тут “Величество”? Зовите меня по имени. Хотя и оно уже не принадлежит мне, — Нимед мелодраматически вздохнул.

Поднялся шум — все дружно принялись утешать короля. Ирина нетерпеливо сдвинула брови, дожинаясь тишины.

— Нимед, мы уже распутали нить заговора, — сказала рабирийка. — Это дело рук барона Вика и Appаса, не так ли?

— Appас, — Нимед поморщился, точно от зубной боли. — Вик представил его ко двору полгода назад как своего родственника. И ведь этот молодой человек мне понравился: умен, честолюбив, сдержан, и чувство юмора имеется, чего не скажешь о многих моих придворных. Я собирался со временем ввести его в Королевский Совет. Поэтому я был просто потрясен, когда узнал Appаса в одном из тех, что напали на меня у Эле! — Нимед с досадой тряхнул головой. — Они запросто одурачили мою глупышку, и она пустила их в дом. Appас заставил меня выпить что-то одурманивающее, отчего я потерял сознание, а когда очнулся... — король грустно развел руками, — ... я уже не был правителем Немедии. Я не понимал, что со мной произошло, не знал, куда они меня привезли. Потом в комнату, где меня держали, явился барон Вик. Признаюсь, я было подумал, что спасен. Но Вик осыпал меня гнусной бранью, твердил все время о своей дочери, — Нимед бесхитростно, как ребенок, посмотрел на Ирину. — Но я не мог на ней жениться ни при каких обстоятельствах! Ты же помнишь, как раз тогда начались неприятности на аквилонской границе, а в Офире принцы устроили свару, и нам позарез нужен был союз с Кофом! Вот я и женился на Рэлее. Я же послал Деметрию письмо, где все объяснил, и обещал даровать ее будущему ребенку графское поместье. Что же ей было еще надо?! — король с искренним недоумением пожал

плечами. Ильма незаметно скривила губы, Ингода печально вздохнула, а мужчины сочувственно закивали головами.

— Я так и сказал Вику, — продолжил Нимед. — Но он лишь взъярился еще больше, кликнул каких-то наемников мрачного вида и приказал вывезти меня в лес и там убить. Я уж решил, что мне конец, но на полпути наш отряд догнал Арраса и, щедро заплатив наемникам, приказал доложить Вику, будто я мертв, а сам отвез меня в какой-то дом на краю Берлина. Похоже, планы Арраса шли гораздо дальше устремлений барона, — король нехорошо прищурился. — Этот аквилонец умен и проницателен, не чета старому Вику. Наше дворянство, месьоры, загнивает прямо на глазах. Дарованные им привилегии превратили немедийских аристократов в тупоголовых индюков. Нашей стране нужна свежая кровь, месьоры, нужны люди, способные думать, а не махать мечом и сдирать с крестьян последние портки! — Нимед величественным жестом простер руку и пламенным взором оглядел собравшихся. Серкл вскочил, бурно зааплодировал и запел гимн Немедии, но, так как остальные не поддержали, сбылся и умолк. Нимед смущенно кашлянул.

— Простите, забылся, — король торопливо принялся доедать остатки хлеба, еще лежавшие на столе. — Охраняли меня из рук вон плохо, и мне удалось без труда бежать. Позже я не раз пожалел об этом — подручные Арраса, по крайней мере, меня кормили. Вот, собственно, и все. Я потерял свое лицо, свое имя, трон, друзей, моя жена в тюрьме, любовница бежала, сын умер... — Нимед снова впал в уныние.

— Одну хорошую новость я могу сообщить тебе, мой король, — бодро сказала Ирина. — Твой сын жив.

— Правда?! — радостно воскликнул Нимед. — О, хвала Митре за это!

— Это я его спасла, Ваше Величество! — затараторила Ильма. — Ее Величество королева Рэлея поручила мне вывезти наследника из...

— Что толку! — перебил девушку Ревенд. — Вы все испортили! Оставили бы мальчика у графа — сейчас он был бы в безопасности.

— Как же, в безопасности! — язвительно воскликнул Сварог. — Его сцепали бы те стражники, что арестовали графа.

— А кто навел стражников? Может быть, я?! — горячился племянник философа.

— Но наши друзья действовали из лучших побуждений, — миролюбиво произнес Бебедор.

— Ваше Величество, знайте, это я всех вызволил из Каземата! — вмешался Серкл.

— Да какой от тебя вообще толк? — орал сибиряк на Ревенда. — Чистеньkim хотел оставаться? И нашим, и вашим?

— Что? Что?! — задыхался юноша. — Да что ты вообще понимаешь в понятии чести, славянин!..

— Друзья мои, друзья... — растерянно бормотал Бебедор.

— Сварог, перестань орать! — повысила голос Ирина.

— Да где бы ты без нас был со своим дядюшкой?! — ярился сибиряк. — В Каземате на дыбе!

— Я бы попросил!.. — оскорбился философ.

— Ваше Величество, из Каземата я всех вызволил, — гнул свое Серкл.

— Папа... Ревенд... — пунцовав от стыда Ингода умоляюще протягивала руки то к одному, то к другому.

— Сварог, немедленно заткнись! — закричала рабирийка.

— А что ты нам вечно рот затыкаешь, а? — вскинулась Ильма. — Думаешь, умнее всех?!

— Ты бы уж помолчала! — окрысилась Ирина. — Может, забыла, кто проворонил принца, валяясь с мужчиной в постели?

— Ты — орудие убийства без тени благородства! — потрясал кулаками Ревенд.

— Сопляк недоделанный! Прибью! — ревел сибиряк.

Нимед растерянно озирался, забыв даже ссыпать в рот тщательно собранные им на столе крошки. У Шамсудина вид был не менее ошарашенный. Сдержаный полугном до сих пор не мог привыкнуть к взрывному темпераменту своих спутников.

В этот момент дверь отворилась, и в комнату вбежал запыхавшийся Трим.

— Стражники! — закричал он. — К нам идет отряд стражников!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Все, как по команде, замолчали, и в воцарившейся тишине мальчик, захлебываясь, заговорил:

— Мы с ребятами играли на соседней улице, и мимо ехал отряд стражников. Ихний командир спросил у нас, где дом вдовы Сезии. Я им указал в другую сторону, но они все равно скоро будут здесь!

— Сколько их? — быстро спросил Сварог.

— Много! — Трим округлил глаза. — Человек тридцать, все на лошадях, и у каждого во-от такая сабля!

— Это Appas их послал, чтоб его... — пробормотала Ирина.

— А ты, может быть, ожидала, что он пришлет тебе корзину цветов? — съехидничала Ильма.

— Уносим ноги, кто как сумеет, — распорядился славянин. — Встретимся в «Королевском Плоту».

С приобретенной за последнее нелегкое время сноровкой все молниеносно бросились забирать самое необходимое из своих вещей. Ирина первой была готова к бегству. Накинув плащ, девушка-гуль поспешила к выходящему на задворки черному ходу. Шамсудин бросил неуверенный взгляд на Сварога и последовал за рабирийкой. При всей преданности другу полугном просто был не в состоянии оставить ее одну в опасный момент.

Прежде чем покинуть дом, девушка-гуль подбежала к Сезии.

— Будь осторожна, дорогая! — быстро произнесла Ирина.

— Не беспокойся обо мне, — женщина крепко сжала руку сына. — Я укроюсь у сестры мужа, она живет неподалеку.

— Когда все закончится, дай о себе знать, — Ирина торопливо поцеловала Сезию в щеку и вместе с Шамсудином скрылась за дверью. Вслед за ними выскочила Ильма, тянувшая за руку растерявшегося Бебедора. Серкл попытался было юркнуть за ними, но через несколько мгновений ворвался в дом и лихорадочно задвинул засов на задней двери.

— Там стражники! — с ужасом завопил тюремщик. Оставшиеся в доме повалили через парадную дверь. Сезия достала ключ и начала тщательно запирать дверь, невзирая на понукания сына. Серкл схватил дочь за руку и потащил ее вверх по улице. Иногда вырвалась и, подбежав к Ревенду, порывисто поцеловала его. Не сказав ни слова, девушка повернулась и побежала вслед за отцом, уже сворачивавшим в какой-то проулок. Открыв рот, племянник философа смотрел ей вслед.

— О бабах после мечтать будешь! — одернул его Сварог.

Сезия ласково притронулась к рукаву Ревенда, тепло улыбнулась Сварогу, кивнула Нимеду и вместе с Тримом спокойно пошла прочь от своего дома. Неожиданно из-за угла вывернулся второй отряд стражников, едущий прямо на вдову и мальчика. Сезия продолжала медленно идти, даже не глядя на солдат, а вот Трим забеспокоился и даже попытался вырвать ладонь из руки матери, намереваясь бежать. Командир стражи придержал коня, внимательно посмотрел на женщину и мальчугана и что-то спросил. Сезия принялась отвечать, а Трим затравленно прижался к стене. Стражник наклонился над мальчиком и схватил его за плечо. Сезия закричала. Сварог, собиравшийся было перемахнуть через глиняный забор и ударить по чьему-то палисаднику, остановился, нерешительно оглянувшись. Тут Ревенд, уже сидящий

верхом на заборе, спрыгнул обратно на улицу и выбежал на ее середину.

— Эй! — заорал юноша, размахивая руками. — Вы не нас ищете, господа?

Командир стражи выпустил Трима и, не обращая больше внимания на Сезию и ее сына, пустил свою лошадь галопом. Ревенд бросился бежать по улице. Сварог в ужасе посмотрел на юношу и помчался вслед за ним. Позади славянина несся король. Хотя Нимед без труда мог скрыться в одиночку, ему явно не хотелось потерять едваобретенных друзей. За их спинами зловеще стучали копыта, бряцало железо о железо — конные стражники неумолимо догоняли беглецов. Сибиряк, имеющий уже солидный опыт всевозможных погонь, знал, что у них есть единственный выход — юркнуть в какой-нибудь дом, и желательно со вторым выходом. Пока солдаты спешатся, у беглецов будет немного времени на то, чтобы скрыться.

Завернув за угол, Сварог заметил впереди какую-то лавку и, не раздумывая, схватил Ревенда за плечо и втащил в дверь. Вслед за ними ввалился запыхавшийся Нимед. В лавке повсюду были разложены ткани, и степенный купец расхваливал немолодой матроне достоинства зингарийского бархата. При виде встрепанных посетителей с оружием хозяин лавки лишился дара речи, а матрона завизжала тонким голосом, удивительно не соответствовавшим ее комплекции. Не обращая на них внимания, Сварог огляделся, приметил в глубине лавки дверь и, не колеблясь, бросился туда. Как оказалось, дверь вела на склад. Тюки самых разнообразнейших тканей загромождали небольшое помещение с одним окном. Посреди склада на коленях стояла девушка и с вороватым видом отрезала кусок от рулона прозрачной легкой ткани, в которой можно было узнать очень дорогой туранский шифон. Услышав шум, девушка быстро вскочила на ноги, стараясь спрятаться за спиной свою добычу.

— Здесь есть другой выход? — торопливо спросил Сварог у девушки, крутя во все стороны головой и не видя ничего за горами материей.

— Н-нет, — запинаясь, ответила та.

Сибиряк яростно выругался. Позади него тяжело дышали Нимед и Ревенд. Сварог подскочил к окну, забранному дешевой слюдой и едва пропускавшему дневной свет. Сквозь мутную поверхность слюды славянин не смог ничего разглядеть. Сварог обернулся к девушке.

— Что там, снаружи? — сибиряк умильно улыбнулся, мысленно кляня свое невезение.

— Двор, — машинально сказала девушка. У нее было хитренькое и пронырливое лицо городской служанки, шифон она по-прежнему комкала в руках, и в глазах у нее вовсе не было страха. Не без восхищения оглядев могучую фигуру славянина, девушка кокетливо взмахнула рижими ресницами и спросила:

— Ограбили кого-нибудь?

— Почти, — кивнул Сварог, преисполненный надежд. Он сграбастал сильными руками плечи служанки и наклонился к ее уху.

— Красавица, на тебя вся надежда, — жарко прошептал сибиряк.

Девушка зарумянилась.

— Ладно уж, — манерно протянула она. — Помогу вам, глупые. Лезьте сюда, — служанка показала Сварогу узкий проход между тюками. Ушипнув девушку за округлый зад в качестве благодарности, сибиряк протиснулся вглубь склада. Следом проскользнули Ревенд и Нимед. Девушка обрушила за ними стопку тюков, завалив беглецов материей. Чуть погодя Сварог услышал треск разбиваемого окна и порадовался сообразительности девушки. Яростно залаяла дворовая собака, гремя цепью. Тут в помещении раздались грубые голоса

стражников, зазвенели шпоры, какими щеголяют столичные офицеры, ощутимо запахло потом и лошадьми. Сварог, Ревенд и Нимед затаились.

– Ну, где они, задави вас демон?! – послышался хриплый пропитой голос, по которому за лигу можно было отличить столичного стражника от остальных.

– Тайри, что тут... О-о, мое окно! Они разбили мое окно! Милостивая Иштар, оно стоило пять золотых талеров! – судя по безысходному горю, звучавшему в голосе, это был хозяин лавки.

– Ах, господин Стритор, – затараторила служанка, – эти разбойники ворвались сюда с огромными мечами, повалили тюки, чуть меня не изнасиловали, а потом разбили окно и выскочили во двор. Слышите, как Злыдень заливается? Говорила я, не надо его на цепь сажать, тогда они не убежали бы!

– Моя жена обещала, что ежели увидит пса не на цепи – отравит, – хозяин тяжело вздохнул.

– Что ж ты их не задержала, дура? Это ж государственные преступники, так их и разэтак!.. – рявкнул стражник.

– А что ж ты их сам не задержал, господин офицер? – невинно поинтересовалась Тайри. – Что для такого храброго стражника, как ты, какие-то трое преступников!

Командир стражи зло ругнулся.

– Я б с тобой разобрался, стерва, да времени нет, – пробурчал он. – Купец, куда выходит твой двор?

– А прямо на берег Бельверы! – с готовностью сообщил хозяин лавки. – Там все больше огороды, а дальше лодочная пристань. Они, видать, туда побежали, кроме как на лодке здесь через реку не перебраться.

Стражник снова выругался вместо благодарности и, тяжело стуча сапогами, вышел. Уже из-за стены донеслись его команды и торопливый стук копыт.

– О боги, не было печали! – причитал Стритор над разбитым окном.

– Посмотрите, хозяин, они порвали туранский шифон! – в голосе Тайри было столько ужаса и негодования, что Сварог едва удержался от того, чтобы хмыкнуть. – Зацепили своими проклятыми железяками, наверное!

– Хоть бы ты мне что хорошее сказала, неумеха! – в сердцах воскликнул Стритор. – Я пойду пока в лавку, всучу-таки госпоже Ханне этот траченный молью бархат, а ты приберись тут, да посчитай, не прихватили ли эти разбойники что с собой. А Злыдня я, и правда, спущу. Пусть жена побесится, ей полезно.

Вскоре Сварог услышал тихий шепот девушки.

– Эй, там! Вылезайте!

Сибиряк с легкостью расчистил себе дорогу среди тюков ткани и, кашляя от пыли, выбрался наружу. Вылезшие вслед за ним Ревенд и Нимед принялись благодарить девушку, но она смотрела только на северянина.

– Насчет изнасилования – это ты переборщила, милая! – добродушно заметил Сварог.

– Да что я, не знаю таких, как вы? – хототнула Тайри. – Обязательно изнасиловали бы, будь у вас время.

Ревенд и Нимед принялись бурно отрицать это утверждение, а Сварог лишь играво подмигнул служанке.

– А вот с окном – это ты ловко! – похвалил девушку Нимед.

– У хозяина была такая рожа, что я чуть со смеху не лопнула! – ожила Тайри. – Так

ему и надо, старому козлу! Против своей стервы и пикнуть не смеет, а чуть она отвернется — ко мне под юбку лезет, петух драный! И добро бы, мог чего — так даже целоваться толком не умеет! И как он семерых детишек настрогал, ума не приложу. Видать, помог кто, — служанка захихикала.

— Ну, нам-то помошь не нужна, — уверил Сварог и, стиснув девушку в объятиях, выдал ей такой поцелуй, что Тайри потом долго не могла отдышаться.

— Да, это совсем по-другому, — полушепотом призналась она и томно вздохнула.

Нимед выразил горячую готовность продолжить начатое киммерийцем дело, но Ревенд напомнил, что им надо уходить отсюда как можно скорее — не дай Митра, стражники вернутся.

— Идите, идите, — заторопила девушка. — Мне еще тут прибираться да тюки пересчитывать.

— И скольких из них не хватит? — понимающе спросил Сварог.

— Ты бы один столько не унес, — Тайри хитро улыбнулась славянину.

Девушка осторожно выглянула из-за двери и махнула мужчинам рукой. В лавке уже никого не было — видимо, Стритор всучил-таки матроне бархат и отправился отвязывать собаку. Сварог, Ревенд и Нимед быстро проскочили через помещение и оказались на улице. Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, все трое торопливым шагом двинулись прочь.

* * *

— Эх, вот вернусь на престол, найду эту Тайри и возьму ее вместо Эле, — мечтательно произнес Нимед и внезапно погрустнел: — Если вернусь...

Поняв, что они все-таки оторвались от погони, Сварог почувствовал непреодолимое желание отметить это событие. Завернув в какой-то кабачок, сибиряк и его спутники заказали вина и выпили за собственную удачу. Потом вспомнили о своих друзьях, и великодушно выпили и за их удачу. Затем Нимед предложил выпить за то, чтобы их враги поскорее оказались на Серых Равнинах. Ревенд провозгласил верноподданнический тост за возвращение законного короля на трон. Сварог решил поддержать его и выпил за процветание Немедии. Король растрогался и выпил за Киммерию. Затем стали пить за женщин, потом за то, что от женщин одни неприятности, потом за здоровье каждого из присутствующих... Первым развезло Нимеда, который последнее время и питался-то из рук вон плохо, а уж о вине речи вообще не шло. Ревенд явно развеселился и затуманенным взором оглядывал внушительный бюст служанки, разносящей заказы. Сварог залпом допил вино, убедился в отсутствии денег на следующий кувшин и высказал мучившую его последнее время мысль:

— А что, собственно, дальше?

Нимед и Ревенд в недоумении взорвались на своего спутника.

— Я имею в виду, что мы будем делать дальше? — пояснил славянин, мучительно сдерживая икоту. — Вик помер, Appas сбежал, их заговор мы разгадали, ты, твое величество, с нами, щен... в смысле, твоего сынка, нам пока все равно не найти — и как теперь

действовать? Как вернуть тебя на место – ну, на престол?

Нимед и племянник философа растерянно переглянулись, удивляясь, почему такая простая мысль не пришла им в голову раньше.

– Ирина, наверно, что-нибудь придумает, – неуверенно произнес Ревенд.

– А у тебя что, своих мозгов нет? – саркастически осведомился Сварог и, несмотря на героические усилия, все-таки икнул. – Будешь до смерти позволять бабе тобой командовать?

– Верно! – Нимед даже привстал на скамье от возбуждения. – Ирина умница, ничего не скажешь, но неужели мы, мужчины, не способны что-нибудь сообразить? Король я, в конце концов, или нет?!

– Король! – в один голос воскликнули сибиряк и юноша.

Нимед расчувствовался от подобной преданности и уронил слезу в пустую чашу.

– Вот если бы мы смогли попасть во дворец, – размечтался вдруг Ревенд, – и встретиться лицом к лицу с этим лже-Нимедом! Уж мы бы побеседовали с ним, клянусь Митрой! Этому самозванцу приятно было бы узнать, что его грязные делишки выплыли наружу, и что мы это так не оставим. Он как увидел бы тебя, государь Нимед, в своем теле, так от страха в штаны бы наложил! – юноша захохотал, находя свою шутку очень забавной. Что странно, Сварог и король были с этим согласны.

– Во дворец просто так не пустят, – отсмеявшись, заметил сибиряк. – Там охраны, что крыс в трюме торговой галеры.

– Ну и наплевать, что не пустят! – грозно возопил Нимед. – Я в свой дом могу пройти, когда пожелаю, и никто мне не помеха!

– Никто же не знает, что это – твой дом, – рассудительно напомнил Сварог.

– Ты не понял, – король хитро прищурился. – В каждом порядочном дворце существует потайной ход. И мой дворец – не исключение.

– Как здорово! – восторженно воскликнул Ревенд. – Мы попадем в королевский замок через потайной ход!

Сварогу тоже почему-то показалось, что это будет здорово. Мысль предстать перед человеком, занявшим место короля, и выложить ему все прямо в лицо выглядела для сибиряка столь забавно, что он захохотал. К его смеху с готовностью присоединились Нимед и Ревенд.

– Пойдемте же, месьоры! – король порывисто вскочил на ноги, пошатнулся, ухватился за край стола, но каким-то чудом удержался на ногах. – Я проведу вас! Вперед! Мы им всем покажем!

Сварог и Ревенд дружно поддержали Нимеда. Они были уверены, что покажут, только не совсем понимали, кому и что. Впрочем, это им нисколько не мешало чувствовать себя героями. Выдернув прямо из стены факел, освещавший кабачок, они вышли наружу, сопровождаемые гневными воплями служанки.

На улице небо было затянуто тучами, дул холодный, пронизывающий ветер. Нимед шагал так быстро, что Ревенд и Сварог с трудом поспевали за ним. Сибиряк с тоской подумал о своей купленной еще в Заморе лошади, которая последнее время паслась на заднем дворе Сезии и которую очень любил Трим. Наверно, ее взяли Шамсудин и Ирина, спасаясь от стражников. Хотя, у них же были свои кони... При воспоминании о Ирине Сварог почувствовал холодок и постарался отогнать мысль о том, что сказала бы рабирийка, узнав об их затее.

Тем временем они подошли к одним из городских ворот. Сварог хотел было что-то

спросить, но Нимед решительно прошел мимо скучающих стражников и покинул Берлин. Дорога, выходящая из этих ворот, шла в полночном направлении, по малозаселенной и негостеприимной предгорной местности, и никогда не была оживленной. Немного пройдя по ней, король свернул в небольшую рощу. Там не было даже тропинки – путники не удостаивали ее вниманием, торопясь в город. Шумно ломаясь прямо через ореховые кусты, Нимед, Ревенд и Сварог достигли прогалины. Там виднелось полуразвалившееся серое каменное строение.

– Древний храм, – пояснил Нимед. – Такой же старый, как мой дворец. И такой же уродливый и никчемный.

– Ну почему же, – Сварог постарался быть вежливым. – Твой дворец мне даже понравился – такой... такой... – сибиряк не знал, какой, поэтому очертил рукой что-то неопределенное.

– Ах, не утешай меня, Сварог, – мрачно промолвил Нимед. – После того дворца, что я видел в Кордаве у моего дорогого кузена Фердруго, мне очень хочется спалить эту рухлянь и построить себе приличный дом. Но в казне, как обычно, не хватает на перестройку денег, и приходится делать вид, будто мне дорог замок моих предков, забери их Нергал!

– Уже, – коротко сказал Ревенд.

– Что «уже»? – не понял Нимед.

– Уже забрал, – пояснил племянник философа и первым вошел в старый храм. Внутри ничего не было, через узкие окна под самым потолком падал свет, почти не разгоняя царившего внизу полумрака. Каменный алтарь был разбит, в трещинах пола тут и там прорастала трава и маленькие деревца. У порога валялось пустое птичье гнездо.

– И где потайной ход? – Ревенд разочарованно огляделся. – Я ничего не вижу.

– На то он и потайной, чтобы его не было видно, – король взметнул ногой кучку сухих прошлогодних листьев и наступил на одну из мраморных плиток, которыми когда-то был выложен пол. Ревенд и Сварог напряженно ждали, но ничего не произошло.

– А, кишки Сета! – выругался Нимед и принял яростно стучать каблуком по плитке. – Кажется, заело!

– Дай-ка я, – предложил славянин, подпрыгнул и с размаху опустился обеими ногами точно на нужную плиту. Она со скрипом подалась под тяжестью северянина, и часть пола сразу за разбитым алтарем с гулом опустилась вниз, открывая ведущую под землю каменную лестницу с узкими высокими ступенями.

Нимед зажег факел и стал спускаться. Сварог и Ревенд последовали за королем. Внизу находился невысокий коридор, стены и потолок которого были укреплены гранитными плитами. Видать, строился этот ход на века. Дождавшись своих спутников, Нимед сунул руку в небольшую выемку в стене коридора и что-то нажал. Пол храма поднялся в прежнее положение.

– Этот ход очень старый, я даже не имею представления, кто его построил, – небрежно сказал Нимед. – О нем почти никто не знает. До меня здесь давно никто не бывал, но перед женитьбой я велел тут кое-что подновить и залатать, чтобы можно было без помех проходить, не боясь, что плита с потолка рухнет тебе на голову. С тех пор я им нередко пользовался, – король доверительно посмотрел на своих друзей. – Понимаете, я же все-таки мужчина, а моя Рэлея не то, чтобы очень ревнива, а, скорее, слишком добродетельна. Вбила себе в голову, что супруги должны принадлежать только друг другу и быть примером для подданных. И где она умудрилась нахвататься подобных мыслей? Ведь ее покойный папаша, кофийский король,

ходил налево чуть не каждую ночь, мамаша сама не знает, кто из ее шестерых детей зачат законным супругом, а ее братишка – наследный принц вообще открыто устроил себе гарем по турецким обычаям!

– В правильном направлении мыслит парень, – одобрительно проговорил Сварог. – Ежели бы я стал королем – у меня был бы лучший гарем среди стран Заката!

– Ты думаешь, король всегда делает, что хочет? – усмехнулся Нимед. – Да если он сделает что-то по-своему, поднимается крик в Королевском Совете, дворяне моментально начинают оказывать неповинование, приходится посыпать в провинции солдат их утихомиривать, бароны начинают драть с вилланов по три шкуры, чтобы обеспечить наемников, кметы бунтуют, купцы, боясь смуты, к нам не едут, торговля скучеет, казна пустеет, солдатам нечем платить жалованье, возникают непорядки в армии, соседи радостно потирают руки и начинают подтягивать к твоим границам войска... – Нимеда передернуло. – Мне еще ни одной реформы не дали толком провести, а ты говоришь – гарем!

Тем временем они продвигались по коридору, проходящему прямо под городскими кварталами. Из-под ног с писком разбегались крысы, в воздухе стояло ощутимое зловоние, со стен капала вода, образовывая на неровном полу лужи. Затея встретиться с лже-Нимедом понемногу переставала казаться всем такой остроумной. Тогда король вытащил флягу с крепким элем, которую, пользуясь недавно приобретенным опытом, просто стащил в кабачке у какого-то ротозея, и пустил ее по кругу. От эля кровь снова заиграла в жилах, и настроение друзей явно улучшилось.

– Ну, скоро там? – нетерпеливо спросил Ревенд, в который раз вспомнивший, как он ловко справился с собакой, и жаждущий новых приключений.

– Пришли, – Нимед указал на крутую лестницу с шаткими деревянными перилами, уходящую куда-то вверх.

– И как ты тут себе раньше шею не сломал? – пробурчал Сварог, задрав голову и оценивая высоту лестницы.

– Меня вела за собой любовь! – туманно пояснил король и начал энергично взбираться по ступеням.

– Э, а куда этот ход выводит-то? – крикнул славянин.

– В умывальную комнату! – донеслось сверху.

Сибиряк пожал плечами и начал подниматься вслед за Нимедом. Позади, пыхтя, карабкался Ревенд. Лестница спиралью вилась вдоль стены узкой башни. Каменная кладка здесь была древней, но добротной. Сварог вспомнил, что видел на королевском замке несколько симметрично расположенных башенок, но подумал тогда, что они построены в качестве украшения.

На узкой площадке, которой заканчивалась лестница, король остановился. Прямо над его головой нависал дощатый настил. Нимед поднатужился, толкнул люк, ведущий наверх, и, подтянувшись на руках, скрылся в нем. Сварог вылез следом. Прямо перед ними находилась небольшая дверь.

– Пришли, – бодро сообщил Нимед и потянул вниз торчащий из стены каменный рычаг. Заскрипели скрытые блоки, и дверь отворилась. Нимед, Сварог и Ревенд шагнули в открывшееся помещение.

Потайная дверь снаружи ничем не выделялась, являясь частью выложенной мозаикой картины во всю стену, изображающей купающуюся богиню с прислужницами, причем на открытой двери осталась самая деликатная часть тела богини, стыдливо прикрытая цветочком. Помещение, действительно, являлось умывальной комнатой. Посреди пола находился неглубокий бассейн, от которого к низкому потолку поднимался пар. В бассейне сидел голый человек, а две девушки в белых туниках старательно терли его мягкими мочалками. Увидев, как прямо из стены к ним вышли трое вооруженных мужчин, служанки завизжали и, побросав мочалки, выскочили через завешенный шкурой медведя арочный проход. Человек в бассейне, в котором Сварог узнал лже-короля, дававшего им с Ириной аудиенцию, вытаращив глаза, смотрел на нежданых гостей.

— А, вот и ты, самозванец, — зловеще процедил Нимед, медленно подходя к нему. — Нежишься в моем бассейне? Играешь с моими служанками? Жрешь мою еду? Ношишь мои платья?

— О Митра, какой я, оказывается, худой, — обалдевшим голосом произнес мужчина в бассейне.

— Еще бы худой, паскуда! — заорал король, теряя над собой власть. — Пожил бы с отбросами общества с мое — еще и не таким бы стал, гнида! — Нимед подскочил к поднявшемуся на ноги лже-королю и замахнулся. Тот зажмурился и втянул голову в плечи.

— Эх, не могу, — с сожалением сказал Нимед. — Не могу бить в собственное лицо. Сварог, приложи-ка ему. Только не сломай ничего, я еще надеюсь получить это тело назад.

Сибиряк с готовностью подошел к мужчине и с размаха ударил его по скуле. Самозванец повалился в воду, подняв целый фонтан брызг.

— Ты думал, что занял мой трон навсегда, собака? — кричал король. — А я здесь, пришел по твою душу! Думаешь, ваши поганые планы никому не по силам разгадать? А вот нашлись люди поумнее вас, Сетовы выкормыши! Кончилось твое время, правитель хренов!

Ревенд взмахнул рукой и издал только что сочиненный им боевой клич, гулко отразившийся от мозаичных стен и мраморного пола. Сварог одобрительно хмыкнул, чувствуя, как в его душу затопляет волна теплых чувств к спутникам, поднятая выпитым элем. Их враг затравленно огляделся и начал отодвигаться к дальнему краю бассейна. Нимед и Ревенд с азартными лицами принялись обходить его с двух сторон. Сварог заулююкал, предвкушая потеху. Мужчина не выдержал, выпрыгнул из воды и, как был, нагишом, бросился в соседнюю комнату. Это была спальня. Оставляя мокрые следы на роскошном туранском ковре, покрывающем пол, лже-король укрылся от своих преследователей за широким ложем с балдахином. Сибиряк приметил среди разбросанной на ложе одежды церемониальный королевский меч, но самозванец даже не делал попытки дотянуться до оружия.

— Я... я не хотел, — вдруг залепетал обладатель тела Нимеда. — Меня заставили, клянусь Митрой!

— О боги! — настоящий король воздел руки к потолку. — Душа, находящаяся в моем теле — душа труса! Представляю, как ты дискредитировал меня среди моих приближенных, червяк! Ты, жалкая пародия на монарха! Наверняка потирал свои потные ручки, радуясь, что Вик перерезал мне горло! А я вот жив, выкуси! — Нимед со вкусом сделал неприличный жест.

— Как — перерезал? — забормотал лже-король. — Мы так не договаривались! Они обещали, когда все кончится, вернуть меня в мое тело...

— Давайте заберем его с собой, — предложил Ревенд, не слушая лепетание самозванца. — Найдем какого-нибудь колдуна, он поменяет ваши души местами — и все дела.

— О, юноша, ты достоин быть моим советником! — горячо воскликнул Нимед. Племянник философа покраснел от удовольствия.

— Одевайся давай, ты! — грубо прикрикнул король на самозванца. Тот покорно кивнул и принялся торопливо натягивать штаны на мокрое тело. Сварог тем временем бродил по спальне, прикидывая, что отсюда можно стянуть.

Лже-король уже заправлял в штаны белоснежную тонкую рубаху, когда за дверью спальни послышались возбужденные голоса и бряцание оружия. Самозванец вскинулся и в его глазах засветилась надежда.

— На помощь! — визгливо заорал он, отскакивая к двери. — Вашего короля убивают!

— Ко мне, гвардейцы! Взять изменника! — в свою очередь, закричал Нимед, в котором взыграла старая привычка отдавать команды своим подданным.

Вбежавшие солдаты на мгновение остановились в растерянности, услышав два совершенно противоположных распоряжения. Пока их покрытые шлемами головы усиленно соображали, какую из этих команд надлежит выполнить, Сварог и Ревенд бросились к потайному ходу. Нимед продолжал убеждать гвардейцев, что именно он является истинным правителем Немедии, поэтому киммерийцу пришлось схватить разошедшегося короля за куртку и просто втащить в соседнюю комнату. Обежав бассейн, Ревенд первым достиг мозаичной двери, но поскользнулся на залитом водой полу и упал. Тут же заскрипели блоки, и дверь начала медленно, но неумолимо закрываться.

— Отойди! — заорал Нимед. — Ты упал на рычаг!

Ревенд торопливо вскочил, но дверь все равно продолжала закрываться.

— Сойди же с рычага, осел! — рявкнул Сварог.

Юноша в ужасе принял высокое поднимать ноги, напоминая танцующего на раскаленной сковороде циркача, при этом Ревенд напряженно глядел в пол в поисках того самого злополучного рычага, но ничего не видел. Сибиряк кинулся к двери и попытался ее заклинить плечом. Блоки натужно взвизгнули, дверь еще немного подалась, где-то что-то с хрустом сломалось, и дверь встала. Сварог взглянул на оставшуюся щель и ясно осознал, что в нее пролезет разве что пятилетний ребенок.

— Нимед, открывай свой ход, я задержу солдат! — крикнул славянин и, обнажив меч, встал в арочном проеме. Король принял яростно колотить каблуком по какой-то едва заметной плитке в полу, но дверь не двигалась с места.

— Кажется, я ее сломал, — догадался Сварог. — Кром! И что у вас в Берлине все ломается, едва к нему прикоснешься?

— Что вы стоите, идиоты? Арестовать заговорщиков! Нет, лучше сразу убейте их! Да не всех, дубины! Того низенького, чернявого, в суконной куртке — не трогать! Если хоть волос с его головы упадет — все на эшафот пойдет! Строем! — надрывался лже-Нимед, все еще разумно не покинувший своей безопасной позиции за ложем.

Солдаты медленно двинулись на Сварога и его спутников. Северянин прикинул, что у них теперь остался один выход — прорываться через толпу гвардейцев из спальни, а там — как Митра решит. Подумав о том, что последние дни, пожалуй, были насыщены драками сверх всякой меры, сибиряк вытянул из ножен меч и встал в боевую стойку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Рядом с приготовившимся к бою Сварогом неожиданно оказался Нимед.

— Приставь мне меч к горлу! — зашипел он в ухо киммерийцу.

— Это еще зачем? — оторопел славянин.

— Припугнем этого ублюдка! Может, что и выйдет, — ответил король. — А то не хочется мне драться с моими же стражниками.

Затуманенные элем мозги Сварога ворочались туда. Еще не слишком понимая, зачем это надо, он схватил Нимеда за плечо и приставил лезвие меча ему к груди. Ревенд открыл рот и едва не выронил свою саблю. Лже-король встревоженно высунулся из-за ложа, и сибиряк, наконец, догадался, что задумал Нимед.

— Э, месьор! — забеспокоился самозванец. — Не портите мое тело, пожалуйста!

— Если не отзовешь своих солдат, еще как испорчу, — зловеще пообещал Сварог.

— Он может, — поддакнул Нимед. — Он у нас нервный, чуть что не по нем — сразу мечом махать начинает!

— Но... но в этом теле — ваш король! — попытался убедить сибиряка лже-Нимед. — Ты не можешь убить собственного короля!

— Еще как могу, — безапелляционно заявил Сварог и слегка надавил острием меча так, что хорошо наточенная сталь порвала куртку на груди его спутника.

— Попрошу поосторожней, — недовольно шепнул славянину настоящий король.

— Так что прикажи своим солдатам выпустить нас из дворца, а то лишишься тела! — небрежно сказал Ревенд, разгадавший замысел друзей.

— А у меня... то есть у моего тела печень не в порядке, — начал страшать самозванца Нимед. — Желтухой в детстве переболел. И зубы у меня не очень... Так что ты хорошо подумай, узурпатор.

— А я-то гадаю, почему у меня после дворцовых пиров в боку колет, — пробормотал обладатель тела Нимеда.

Солдаты, понявшие из этой перепалки лишь то, что приказ их правителя может быть отменен, терпеливо стояли на своих местах, ожидая новых распоряжений.

— Ну, ладно, — жалобно протянул самозванец. — Вы... идите себе. Сет с вами. Только, — обратился он к Нимеду, — ты тело мое побереги. Я вот сроду ничем не болел, и зубами могу орехи грызть. Может, я еще его обратно получу, так хотелось бы без порчи.

— Какая наглость! — восхищенно прошептал король. — На такого типа даже сердиться грешно.

Стражники расступились, давая дорогу киммерийцу и его спутникам. Не доверяя лже-королю, Сварог продолжал держать меч у груди Нимеда. Они прошли через спальню и оказались в коридоре.

— А теперь — быстрее! — крикнул Нимед.

— Почему? Стражники же нас не преследуют, — удивился Ревенд.

— Ты думаешь, все так просто? — хмыкнул Нимед. — Из моей спальни проведен шнур со звонком прямо в караулку у парадной лестницы. Наверняка наш друг уже подал туда сигнал тревоги.

— Вот змеиное отродье! — выругался сибиряк, покрепче перехватывая меч.

— Так зачем же мы туда бежим? — спросил Ревенд.

— Мы бежим вовсе не туда, — объяснил король, — а к лестнице для слуг.

Расталкивая попадающуюся по дороге дворцовую челядь, трое спутников достигли черной лестницы и спустились на первый этаж. Пробежав через жарко натопленную кухню, где среди клубов пара, брызгущих маслом сковородок и жарящихся на вертеле окороков на них таращились изумленные лица поваров, сбив с ног дородного водоноса с двумя полными ведрами воды и распугав стайку молоденьких горничных, сибиряк, Нимед и Ревенд выбрались на задний двор замка-крепости, занятый хозяйственными постройками и конюшнями. Король огляделся и быстро втащил своих спутников обратно в дверь.

— Там солдаты! — свистящим шепотом пояснил он.

— Быстро твои стражники бегают, — с досадой произнес Сварог.

Пришлось возвращаться обратно. Горничные, увидев их, радостно завизжали. Предупрежденный визгом девиц водонос с яростной руганью запустил в беглецов обоими ведрами, причем обоими попал.

— Вернусь во дворец — переведу его из слуг в пращники, — пробормотал Нимед, потирая ушибленную спину.

В кухне повара, кухарки и поварята с восторгом встретили возможность хоть на несколько мгновений избавиться от нудной работы, поучаствовав в погоне за подозрительными незнакомцами. Сварог, Нимед и Ревенд ничего не видели в дыму и чаду, задыхаясь от окружающей жары и думая лишь о том, чтобы не налететь на раскаленную печь или не обвариться в кипятке. Слуги же, привыкшие к такой обстановке, со свистом и улюлюканьем гоняли по кухне растерявшихся друзей, охаживая их по чему попало вертелами и поварешками. Беглецы кашляли и чихали от поднятых в воздух во время погони молотых пряностей, а на их головы сыпались увесистые овощи и сочные фрукты, метко кидаемые зорными поварятами. Поэтому, когда в кухню ворвались солдаты, им даже не пришлось применять оружие — избитые вертелами, измазанные соком фруктов, облепленные мукой и перцем, оглушенные визгом зрительниц и морально уничтоженные Сварог, Нимед и Ревенд сдались без боя.

Стражники отобрали у беглецов оружие и вытолкали их на улицу, где при свете дня принялись критически оглядывать свою добычу.

— Это кого же мы споймали? — наконец, выразил общую мысль один из солдат, в то время как сибиряк и его спутники липкими от фруктового сока руками пытались стряхнуть с волос муку. — Воры, али как?

— Воры — они в сокровищницу лазят, а не на кухню, — рассудительно заметил другой стражник. — Не окорок же они стащить собирались!

— Я бы окорок стащил, — мечтательно произнес его товарищ. — Это, чай, не та бурда, которой нас в казарме кормят.

— А кто приказ-то отдавал этих ловить? — не унимался первый стражник. — За действия без приказа и плетей прописать могут!

— Кажись, никто не отдавал, — тот солдат, что был недоволен казарменной пищей, задумчиво почесал затылок под железным шлемом. — Вроде, в караулке звонок зазвонил, потом Санд закричал, что кого-то надо споймать, они, мол, на задний двор побегли. Ну, мы тоже туда побегли...

— Тоже, тоже, — передразнил первый стражник. — А ежели Санд тебе закричит, что надо в Бельвере утопиться — ты тоже побежишь?

— Да что вы спорите? — вмешался дотоле молчавший стражник со следами умственной

деятельности на лице. – Отведем их к офицеру, и все дела. Если нужно было их ловить – ограбем благодарность. Если нет – скажем, что увидели посторонних во дворце, решили проверить, кто такие, а они – деру, вот мы их и взяли для установления личности.

Остальные солдаты молча посмотрели на говорившего, и на их лицах отразилась вся гамма чувств, присущая человеку, только что обнаружившему, что на свете родился кто-то умнее его самого.

– Ну, пошевеливайтесь, вы!.. – первый стражник грубо толкнул Ревенда в спину, сорвав на нем все свое раздражение.

Стражники вывели арестованных с хозяйственного двора и, сопровождаемые любопытствующими взглядами прогуливающихся придворных, повели через парк к главному входу во дворец. Сварог, глаза которого все еще продолжали слезиться от попавшего в них молотого мускатного ореха, оглядывался в поисках подходящего случая для бегства. Но солдаты оцепили сибиряка и его друзей плотным кольцом, и даже не вложили сабли в ножны. Что-что, а свое дело королевские стражники знали.

Внезапно все увидели торопящегося им навстречу офицера. Он почти бежал, придерживая висящие у него на боку ножны с эстоком. Стражники нерешительно замедлили шаг, и шедший впереди Нимед ткнулся носом в спину своего конвоира.

– Что это за арестованные и куда вы их ведете? – строго спросил офицер у стражников.

– Да, господин офицер, эти... личности... установить надо... – забормотал любитель окороков, судорожно пытаясь припомнить версию своего товарища.

– Устанавливать личность – это не вашего ума дело, – резко сказал офицер. – Вам отдавали приказ схватить этих людей?

– Я же говорил! – зашипел позади Сварога первый стражник. – Нарвались, как новобранцы!

– Господин офицер, там в караулке сигнал тревоги был, и мы подумали... – начал было отвечать самый сообразительный из солдат, но офицер прервал его досадливым жестом:

– Ваше дело – исполнять, думать будем мы, – офицер посмотрел на арестованных. – Освободите этих людей и верните им их оружие. А если не хотите получить плетей и наряд на чистку нужников – советую помалкивать об этом деле, ведь не все офицеры посмотрят на такое вопиющее разгильдяйство сквозь пальцы.

Стражники торопливо вернули Сварогу, Ревенду и Нимеду оружие и, радуясь, что отделались столь легко, рысью двинулись к своему посту. Ревенд хотел что-то спросить, но офицер сделал знак молчать и быстро зашагал по парковой дорожке. Юноша и его спутники двинулись за своим освободителем. Вскоре офицер привел их к незаметной калитке в стене королевского парка.

– Уходите, и в следующий раз будьте осторожней, – сказал офицер. – Вообще не понимаю, что привело вас сюда. Все сведения вам могли передать через Корчмаря. Мы всегда так поступаем.

– Это... в каком смысле? – оторопел Нимед.

– В крайнем случае, воспользовались бы срочной связью через Хромого, он как раз встречался сегодня с Пташкой, – продолжал офицер, и в его голосе явно звучало неодобрение. – Нельзя же так рисковать! А если бы я не узнал, что за вами погоня, и не успел бы вас перехватить? В Каземате, конечно, есть наши люди, но неизвестно еще, захотел бы Главный вас оттуда вытащить.

– Да, это вряд ли, – горестно согласился Сварог, по собственному опыту знавший, что

всевозможные Главные имеют дурную привычку забывать о попавших в беду подчиненных.

— Лучше затаитесь где-нибудь, — посоветовал офицер. — Смените внешность, имя — ну, не мне вам объяснять. Кажется, за вами идет большая охота. Вы уж простите, но опытные люди так не наряжаются, — офицер кивнул им на прощание и быстро зашагал по направлению ко дворцу.

— О чём это он? — поинтересовался Ревенд.

— Кажется, нас приняли не за тех, кто мы есть, — Нимед решительно отворил калитку. — Но этому совпадению мы обязаны своим спасением, так что не будем в обиде.

— Птички, рыбки... — сплюнул Сварог. — Прозвища толкового придумать не могут. Вот у нас в Киммерии был один вождь, так его звали Хелдер-С-Хреном-Длиннее-Чем-У-Крома. Бабы, как такое прозвище услышат, так сами не свои становились. А у моего деда, например, было имя Аудагос-Разрыватель-Медведей-На-Множество-Очень-Маленьких-Кусочков. Это потому, что в юности он встретился с медведем и...

— ...разорвал его на множество очень маленьких кусочков, — докончил за славянина Нимед. — Давай поторапливаться, а то нас тоже разорвут на много маленьких кусочков.

Сварог что-то буркнул, разочарованный тем, что ему не позволили поведать о славных деяниях предков, и трое друзей быстро покинули королевский парк и растворились в ночной темноте, спустившейся на улицы немедийской столицы.

* * *

— Нет, это просто какое-то наказание богов! — Ирина изящным жестом воздела кверху руки. — Ладно Ревенд — он еще мальчишка! Ладно Сварог — если бы у него рот и глаза находились в другом месте, то голову можно было бы смело отрезать за полной ненадобностью! Но ты, мой король, правитель Немедии — как ты мог решиться на подобную, прости меня, глупость!

Нимед покраснел. Ильма невольно хихикнула, высунув из-за плеча Бебедора свое востренькое лицо.

— Оставь, Ирина, — слегка раздраженно произнес король. — Я не привык давать отчет в моих поступках. Если я так поступил — значит, так было нужно.

— Ваше Величество, сейчас ваш королевский гонор нам ни к чему, — с упреком сказала рабирийка. — А своей авантюрой вы ничего не добились, разве что насторожили наших врагов еще больше и заставили их бросить все силы на наши поиски.

— Прости, Ирина. Конечно, ты права, — вздохнул Нимед. Серкл бросил на короля сочувственный взгляд и бдительно дернул за руку свою дочь, начавшую шептаться о чём-то с племянником философа. Сварог подмигнул Шамсудину, надеясь найти у туранца поддержку и одобрение, но полугном лишь холодно посмотрел на славянина, разделяя недовольство девушки-гуля.

...Все обитатели дома Сезии, исключая саму вдову с сыном, снова собрались вместе. Сейчас они находились в старых катакомбах, прорытых в одном из предместий Берлина в незапамятные времена. Тайну происхождения этих подземных пещер никто не помнил. Возможно, когда-то здесь был рудник, полностью выработанный и со временем

заброшенный. Ходили также слухи, что катакомбы обустроили из естественных пещер адепты культа Ибис в те времена, когда в Немедии их вера была запрещена, и они были вынуждены прятаться, чтобы свершать свои ритуалы. Как бы то ни было, теперь эти катакомбы занимали городские нищие. Но здесь вовсе не было грязно, не царили поножовщина и не справлялись развратные оргии, как утверждали в Берлине. Наоборот, в обиталище отбросов общества царил образцовый порядок и было установлено строгое подчинение старшим, выбранным из рядов самих нищих. Здесь, в катакомбах, бродяги и оборванцы могли отдохнуть, отоспаться, поесть из общего котла, подлечить раны или болезни. Здесь разрешали споры о месте сбора милостыни, делили между собой кварталы и паперти храмов, рассматривали жалобы, наказывали провинившихся и даже устраивали свадьбы. Многие, лишенные крыши над головой, жили здесь постоянно. По коридорам с криками носились дети, худые и бледные, росшие без солнца, но такие же веселые и озорные, как их более благополучные городские сверстники.

Ирину с Шамсудином, Ильму, Бебедора, Серкла и его dochь сюда привел Пфундс. Он встретил их в «Королевском Плоту», где все, собравшись после бегства от стражников, ожидали Сварога, Ревенда и Нимеда, нервно оглядываясь вокруг и очень напоминая людей, за которыми охотится пол-Берлина. Однорукий нищий признал полугнома и, горя желанием помочь другу самого Сварога, предложил спрятать туранца и его друзей в надежном месте. Шамсудин с сомнением было задумался, с ужасом представляя себе, где их может спрятать Вонючка, но Ирина немедля согласилась, и так они оказались в святая святых нищенской братии. На следующее утро мальчик, которого Пфундс выдавал за своего слепого сына, привел в катакомбы и Сварога со спутниками. Спутники выглядели несколько смущенными, втайне сожалея о своей эскападе, сибиряк же, как обычно, пребывал в блаженной самоуверенности, которую не в состоянии была рассеять даже разгневанная Ирина.

Пфундс поселил гостей в одной из пещер, временно оставленной ее обитателями. Ночевать приходилось на кучах соломы, используемых нищими в качестве ложа. Откуда-то сверху из пробитого отверстия скучо падал дневной свет, но все равно приходилось жечь чадящие факелы, чтобы разогнать вечный полумрак пещеры. Ночью все слышали горестные стенания Ильмы, которая все никак не могла устроится на жесткой подстилке. Наутро выспавшимся и отдохнувшим выглядел только Сварог, привыкший к любым условиям. Остальные были мрачны, злы и голодны, вследствие чего то и дело вспыхивали перепалки по любому поводу.

Выяснение отношений прервал Пфундс, притащивший для гостей чугунный котел, полный горячей похлебки, несколько мисок и ложки. Его мальчишка тащил следом краюху черствого хлеба и бутыль воды, слегка подкрашенной вином.

— Смотрите, что я для вас достал! — с гордостью воскликнул Вонючка. — Едва уломал Сейбл, чтобы она налила мне похлебки. Они там ждут наших, что побираются у королевского дворца, и Сейбл боится, что им не хватит. Зато варево — пальчики оближешь!

Ирина со стоическим выражением заглянула в котел и брезгливо сморщила носик.

— А вот это кстати! — энергично возгласил Сварог. — После беготни прошлой ночи есть уж очень охота. Удружили, Вонючка!

С этими словами сибиряк выхватил из рук бывшего соратника миску, плеснул туда похлебки и уселся на солому. Серкл хмыкнул и с видом человека, привыкшего ко всему, присоединился к славянину. Остальные молча смотрели на них, глотая слюнки.

— Что же вы не подходите? — удивился Пфундс. Подскочив к котлу, он налил в одну из

мисок похлебки и галантно протянул Ингоде: – Бери, красавица!

Девушка растерянно улыбнулась, взяла миску и осторожно съела несколько ложек нищенского варева. Все напряженно смотрели на дочь тюремщика, ожидая признаков отравления, но Ингода продолжала есть, как ни в чем не бывало.

– Раз угощают – невежливо отказываться, – извиняющимся тоном произнес Ревенд и жадно набросился на свою порцию.

– Собственно, с научной точки зрения, любая еда, усвоемая одним человеком, вполне может быть усвоена другим... – глубокомысленно заметил его дядюшка, протягивая руку за миской.

– Хм... В конце концов, интересно же, чем питаются низшие слои населения, – как бы про себя сказал Нимед, присоединяясь к Бебедору.

– Ну, у нас на каторге и не таким еще кормили! – Шамсудин неестественно улыбнулся и принял осторожно хлебать угощение.

– Мы ведь со вчерашнего дня ничего не ели, – прошептала Ильма и примостилась со своей миской рядом с философом.

Ирина с горечью посмотрела на своих спутников, и ее взгляд молча обвинял их в предательстве. Все уткнулись в свои миски. Рабирийка гордо тряхнула головой и, подобрав юбку, уселась в уголке, держась прямо, точно на дворцовом приеме.

– А ты что же, госпожа, не кушаешь? – вежливо осведомился Пфундс.

– Она фигуру бережет! – пояснил Сварог и громко захохотал над своей остротой.

– Чего только богачи не выдумают! – сокрушенно покачал головой Вонючка. – Мы, чтоб фигуру сберечь, целый день в поисках еды рыщем, а они наоборот – не жрут ничего...

– Эй, Пфундс, ты тут? – в пещеру заглянул вихрастый паренек с деревянным костылем. Огляделвшись, он приметил гостей и радостно спросил: – О, а это новенькие? Слышишь, Пфундс, отдай мне ту девку, что в углу сидит, будет мою жену изображать. Я ей такой чирей на щеке сделаю – загляденье!

– Что?! – завизжала Ирина, в гневе вскочив на ноги. – А ну, иди сюда, я тебе покажу чирей, грязное отродье!

– Ты что, не видишь? – укорил паренька Пфундс. – Это благородные господа, а здесь только прячутся.

– А-а, – разочарованно протянул тот. – Жаль. Эта девка... то есть госпожа такая худющая, ей бы хорошо подавали... Да, Пфундс, я ж по делу, – паренек вошел в пещеру, небрежно неся костыль на плече. – Наши от дворца вернулись, мальчишку привели. У дворцовых ворот болтался. Так он говорит о себе, что принц, сын нашего короля. Посмотри – может, к блаженным определишь? Слепой-то из него не выйдет – больно глаза яркие.

– Принц? – Нимед вскочил, побледнев и уронив миску. – Как... как он выглядит?

– Да обыкновенно, – пожал плечами парень. – Грязный, оборванный, голодный. Настоящий принц! – нищий весело ухмыльнулся.

– Но все-таки, – с волнением произнес Нимед, – можно, я на него посмотрю?

– Приведи мальчишку, – тотчас распорядился Пфундс. Паренек кивнул и выбежал из пещеры.

– О боги, неужели... – бормотал Нимед, нервно сцепив руки.

– Успокойся, мой король, – тихо сказала Ирина. – Скорее всего, это просто какой-то...

– Ниди! – закричал король, бросаясь навстречу маленькому грязному мальчугану, в котором Сварог тотчас узнал воспитанника Ильмы. Приведший его нищий в изумлении

отступил.

— Ниди, мальчик мой, — бормотал Нимед, тиская в объятиях ребенка. — Я уже думал, что потерял тебя навек...

Маленький принц был уже не похож на сытого, изнеженного и избалованного ребенка, каким его запомнил сибиряк. Сейчас это был измученный, усталый и похудевший малыш. Он безропотно дал Нимеду обнять себя, а потом тихо спросил:

— Дядя, а ты кто?

— Я — твой пapa, сынок, — ласково сказал Нимед. — Меня заколдовал злой колдун, чтобы я не был похож на себя, и никто бы меня не узнавал. Но ты же узнаешь своего отца, правда, Ниди?

Мальчик серьезно поглядел в лицо королю, подумал и кивнул:

— Правда.

— Да, Пфундс, еще одна новость, — сказал парень. — Во дворце говорят, будто король Нимед прошлой ночью исчез.

— Как — исчез? — удивился Вонючка.

— А вот так — исчез из дворца, и все, — развел руками нищий. — Никто не знает, где он. Королевский Совет, слышно, со вчерашнего утра заседает, все штаны, чай, протерли. Думают, что делать. Страной-то управлять надо... В город слухи еще не просочились, но мы-то всегда наперед все знаем.

— Вот, значит, как, — протянул Сварог. — Кишка тонка у этого лже-короля. Так перетрусили от встречи с нами, что просто сбежал.

— И что теперь? — растерянно спросил Ревенд. — Предъявим нашего короля?

— Ерунду-то не говори, — поморщилась Ирина. — Нужно найти этого самозванца и заставить его во всем признаться перед Королевским Советом. Лишь тогда нам поверят.

В это время Нимед, посадив сына на колени, слушал рассказ мальчика о том, как он оказался один в городе. Ильма тем временем пыталась хоть немного смыть грязь с лица принца.

— Я жил у дяди Вика и тети Альдиссы, — говорил Ниди, польщенный общим вниманием такого большого количества дядь и теть. — У них было хорошо, но не так, как у дяди Корнелиуса. И еще там был дядя Аррас. Я его не любил. Он все время разговаривал непонятно и смеялся — наверно, надо мной.

— Вот холера! — невольно воскликнула Ирина. — Даже ребенка не мог в покое оставить, изверг!

— Потом дядя Вик куда-то пропал, а тетя Альдисса все время плакала. А позавчера к нам приехал мой пapa... то есть заколдованный злой дядя, — поправился мальчик. — Я-то сразу догадался, что это не мой пapa. Он называл меня Нимедом, а дома, во дворце, меня никто так не звал. И он не помнил, как зовут мою собаку. Ты ведь помнишь, пapa?

— Конечно, ведь это я тебе ее подарил, — Нимед погладил сына по голове.

— Этот заколдованный дядя спросил у тети Альдиссы, где барон Вик и Аррас. Она ответила, что барон умер, а Аррас убежал, но она не знает, куда. Тогда заколдованный дядя стал страшно ругаться, прямо как наши стражники, и сказал, что знает, куда убежал этот прохвост... Папа, а кто такой “прохвост”?

— Я потом объясню, — нетерпеливо отозвался Нимед. — Дядя сказал, куда сбежал Аррас?

— В Замок Королевы, — с готовностью ответил мальчик. — Это замок моей мамы, да?

— Нет, малыш, моей. Это твоя бабушка, — машинально произнес король. — С тех пор, как

она умерла, замок пустует. Вот, значит, где они прячутся!

— Заколдованный дядя хотел туда уехать, — продолжал рассказывать принц, — а тетя Альдисса сказала, чтоб он взял меня с собой. Он посадил меня на седло, и мы поехали. Только потом он спустил меня на дорогу и почему-то попросил прощения. Сказал, что если перед кем и виноват, то перед безгрешным ребенком. Это передо мной, да? — с гордостью спросил Ниди и, не дождавшись подтверждения, продолжил: — Дядя оставил меня одного и ускакал. А я решил пойти домой и найти маму. Хотя была ночь и очень холодно, но я не плакал! Ну, почти... Потом меня подвезла до города добрая дама в экипаже. Я обещал, что ты сделаешь ее графиней. Не забудь, ладно? Потом...

— Хорошо, сынок, когда-нибудь ты обязательно все расскажешь, — Нимед уже не слушал, занятый размышлениями. — Нам необходимо добраться до самозванца и колдуна, любым способом!

— Нет такого замка, в который нельзя было бы пробраться, — философски заметил Сварог. — Я готов съездить в этот Дворец Королевы, или как там его, на разведку. Если только он находится не слишком далеко, — предусмотрительно добавил сибиряк, уловив в глазах Ирины опасный командный блеск.

— До замка моей матери всего три лиги, — успокоил славянина Нимед. — У нее, знаете ли, были некоторые разногласия с моим отцом, и она на склоне лет предпочла жить отдельно, но вблизи от столицы.

— Отлично! — Ирина нетерпеливо взмахнула рукой. — Значит, Сварог и Шамсудин поедут в замок... Куда, кстати, Пфундс отвел наших лошадей? Их, надеюсь, еще не продали кому-нибудь?

— Как можно, госпожа, — укоризненно сказал Вонючка, с интересом прислушивавшийся к разговору. — Мы же не воры, а нищие. Воровской цех находится совсем в другом месте. Вот на мясо ваших лошадок хотели забрать, это верно. Но я отстоял, клянусь Митрой!

— Благодарю, — сухо произнесла рабирийка. — Ну, что же вы стоите? Время сейчас на вес золота! Мы должны опередить заговорщиков, пока Аррас не заставил лже-короля начать игру заново!

— Уже бегу, даже сапоги чистить не буду, — пробурчал Сварог, тщательно и не торопясь облизывая свою ложку. Шамсудин поднялся и, ни слова не говоря, надел перевязь с мечами, как всегда спокойный и невозмутимый. Его летучая мышь, как обычно, таращилась на остальных из складок капюшона.

— Только не лезьте там на рожон. Лишь разведка, никаких рискованных предприятий, — внезапно дрогнувшим голосом проговорила Ирина. Сварог от удивления едва не выронил ложку, но, оглянувшись на рабирийку, увидел, что она смотрит лишь на Шамсудина. Сибиряк нахмурился, ощущая непонятно откуда взявшееся раздражение.

После ухода славянина и полугнома каждый принялся убивать время по-своему. Иногда и Ильма хлопотали над принцем. Пока Ильма пичкала мальчика похлебкой, дочь тюремщика штопала его курточку с помощью одолженных в соседней пещере ниток и иглы. Бебедор взялся за своего племянника, начав гонять несчастного Ревенда по курсу философии, чтобы, как выразился достойный мэтр, он совсем не отвык мыслить в обществе людей сугубо ненаучных. Отвечая на вопросы, юноша выглядел довольно рассеянным, перепутал индукцию с импликацией, и все время украдкой поглядывал в сторону Ингоды, точнее, на ее колено, виднеющееся в складках примявшейся юбки. К тому же Ревенда постоянно отвлекал Серкл, с энтузиазмом помогающий мэтру Бебедору экзаменовать племянника и нещадно

перевирающий все услышанные от доктора философии термины. Ирина, которой Пфундс по ее просьбе принес в котле чистой теплой воды, пыталась вымыть свои роскошные волосы. При этом она разбрзгивала воду по всей пещере и отчаянно ругалась.

Нимед, не нашедший себе занятия, побродил по пещере и, сказав, что пойдет прогуляться по катакомбам, ушел вместе с Пфундсом. Вернулся он нескоро, сплетясь в тесных объятиях с длинноволосой стройной нищенкой с красиво вырисованной язвой на ноге. За ними валили еще оборванцы во главе с Пфундсом, дружно величающие своего короля и поющие какую-то невразумительную песню, в которой при определенном воображении можно было узнать псалом в честь монарха. При этом от всей компании за лигу несло дурным, но крепким элем. Видимо, король решил на деле сблизиться с собственным народом, что ему в полной мере удалось. При этом попрошайки несколько не подвергали сомнению историю их монарха о колдовстве и обмене душами, обращаясь с Нимедом, как с истинным королем.

Нестройный хор нищих фальшиво, но от чистого сердца выводил германский гимн:

Митра, на долги дни ты короля храни!..

Счастье победное пусть он изведает!

Германия, Германия превыше всего...

Ирина презрительно фыркнула и дернула плечиком, но это получилось у нее не так аристократически, как всегда, поскольку сама рабирийка в этот момент больше всего напоминала мокрую рассерженную кошку.

— Ты чем-то расстроена, дорогая Ирина? — дипломатично осведомился Нимед, притискивая к себе спутницу. — Знаешь, я пришел к выводу, что среди низших слоев населения гораздо больше достойных людей, чем среди знати. Когда я вернусь на трон, я издаю указ об обязательной уплате милостыни имущими горожанами нищим Берлина.

Сопровождающие короля оборванцы дружно заорали от восторга и бросились качать на руках своего монарха. Нимед польщенно улыбался и посыпал длинноволосой девице воздушные поцелуи.

Сварог и Шамсудин вернулись в катакомбы поздней ночью. Девушка-гуль нетерпеливо бросилась навстречу киммерийцу и полугному.

— Дело дрянь, — махнул рукой Сварог в ответ на невысказанный вопрос рабирийки. — Аппас хорошо подготовился, чтоб его!.. Каждую дыру там охраняют вооруженные наемники, и я видел парочку таких собачек, каких держал Вик. Если бы кто-нибудь хотел обокрасть этот замок и попросил у меня совета, я бы предложил ему поискать что-нибудь другое.

Нимед, недавно еще покрывающий жаркими поцелуями шею своей новоявленной подруги, мгновенно охладел к любовным играм и вскочил на ноги.

— Неужели все так плохо? — расстроено вскричал король.

— Мы прождали довольно долго, но из дворца никто не выходил и не входил, — сказал Шамсудин, устало опускаясь на солому. — Видимо, продовольствия у них достаточно, и даже ворота хозяйственного двора крепко заперты. Я было думал подкупить кого-нибудь из слуг, но, похоже, их не выпускают за стены дворца, — полугном слегка виновато посмотрел на Ирину. — Я даже не знаю, что делать. Этот дворец проще взять штурмом, чем пробраться в него тайно.

— Взять штурмом? — прошептал Нимед. — Ни один командир моей армии не пойдет за

мной, пока я не обрету свое тело назад. Они никогда не поверят, что я и есть их король.

— Почему бы и нам не нанять несколько десятков наемников? — предложил из своего угла Ревенд. — Мне кажется, госпожа Ирина богата... — юноша внезапно покраснел, пожалев о своей бес tactности.

— Я не смогу тайно собрать столько денег, — ответила Ирина, глядя на Нимеда. — Домой мне нельзя возвращаться, а с собой у меня ничего нет.

— Ваше Величество, не падайте духом, — с наигранной бодростью произнес Серкл. — Мы найдем выход. Обязательно! — последнее слово прозвучало у тюремщика далеко не так уверенно, как он хотел.

— Ваше Величество, — к королю подошел Пфундс и положил руку ему на плечо. — Я тут слышал, о чем вы разговаривали. В обычное время мне до тебя не ближе, чем до солнца. Но, видать, Митра не напрасно положил тебе очутиться среди нас. Бывает, и те, о ком ты никогда не думал, могут оказаться надежнее самых доверенных людей. Для нас ведь слова «Германия», «корона» — тоже не пустой звук. Мы за свою родину ратуем не меньше других. А уж за короля, который был меж нами, делил с нами хлеб и эль, знает не понаслышке, что такая жизнь обездоленного оборванца, мы готовы и головы сложить.

— Ты о чём это, Пфундс? — с затаенной надеждой спросил Нимед.

— Мы возьмем этот дворец штурмом, — спокойно пояснил тот. — Обитатели катакомб пойдут за тобой, король. Веди нас на своих врагов, и, клянусь богами, мы посчитаемся с ними!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Приготовления к столь же смелой, сколь рискованной акции – походу нищих на Дворец Королевы – проводились в спешном порядке и были завершены всего за сутки. Сперва Пфундс произнес перед собравшимися в самой большой пещере катакомб сотоварищами пламенную речь, взывая к их «верным немедийским сердцам», где «под рубищем никогда не угасали патриотические чувства». Речь главы отделения безруких и безногих, сочиненная для него лично Ириной, была встречена с большим пониманием. После Пфундса говорил Ревенд. Он в общих чертах поведал историю монарха, обманутого коварным приближенным и продажным колдуном. Рассказывал все это юноша просто, но горячо, в нужных местах голос его дрожал, а руки сжимались в кулаки. Слушатели были растроганы, некоторые женщины даже шмыгали носами.

Затем выступил Нимед. Показательно прижимая к груди отмытого общими силами для такого случая сына, он обрисовал ожидающее Германию печальное будущее в случае, если самозванец не будет лишен незаконно занятого трона, прозрачно намекнул на возможные льготы и послабления для нищенского сообщества, которые он готов ввести, и закончил горячим призывом к справедливому возмездию к предателям. При этом он обращался к своим слушателям не иначе как «братья» и «надежда нации». Речь короля завершилась общим восторженным ревом и соответствующими выкриками, после чего, по выражению Сварога, «ребят можно было брать тепленькими».

Последним взял слово Шамсудин. Кратко, ясно и просто он объяснил всем план короля и его спутников и попросил остаться в пещере лишь желающих принять участие в штурме, предупредив, что сражение будет настоящим, поэтому каждый должен решить, что для него важнее – собственная жизнь или благо страны. После таких слов из пещеры не ушел никто, поэтому женщин, детей и не годных для битвы калек пришлось выгонять силой. Оставшихся разделили на два отряда. Тех, кто хоть раз в жизни держался за любой конец любого холодного оружия и, оказавшись в воде, не сразу шел ко дну, объявили гвардией и отдали под начало Сварога. Тех, кто не попал в число счастливчиков, окрестили ополчением и поставили над ними Серкла. «Гвардейцев» оказалось совсем немного, главным образом потому, что городские нищие поголовно не умели плавать. Нимед был главнокомандующим, Шамсудин, Пфундс и Ирина – его маршалами. Вместо армейского знамени почтился маленький Ниди. Он очень быстро вжился в новую роль, неотступно следя за отцом и оглядывая всех печально-серые глазами юного пророка. Женщины со слезами на глазах гладили его по голове, мужчины сурово сдвигали брови и обещали жестоко отомстить обидчикам маленького кроткого принца. Сварог же ухмылялся, украдкой разглядывая небольшой розовый щам, оставшийся на руке после укуса «кроткого принца».

Тут встал было вопрос об оружии, но Сварог решил его быстро и на свой манер. С несколькими отобранными им самим крепкими и сообразительными парнями сибиряк ограбил подводы офицерских оружейников, привезших в немедийскую столицу на продажу свой товар. В распоряжении маленькой армии оказались орудия убийства всевозможных видов: от затейливо изукрашенных парадных мечей в кожаных ножнах с золотым тиснением до арбалетов новейшей конструкции, со ста шагов пробивающих железные доспехи средней толщины. Сварог и Шамсудин раздавали трофеи добровольцам, стараясь при этом, чтобы хозяин оружия имел хоть малейшее понятие о том, как его использовать. Глядя, как нищие

держат выданные им клинки, полутном вздыхал и болезненно морщился.

Вечером Шамсудин и Ирина едва не поссорились. Полутном утверждал, что, необходимо провести хотя бы простейшие учения, иначе их затея будет глупой и рискованной. Ирина возражала, что их затея и так донельзя глупая и рискованная, а от проведения учений менее глупой и рискованной не станет, к тому же у них на это нет времени. На обвинение туранца в том, что они посыпают многих на верную гибель, рабирийка цинично ответила, что род людской невероятно плодовит и скоро восполнит количественную потерю. Шамсудин вскочил на ноги и назвал Ирину бессердечной женщиной, в своем неуемном честолюбии забывшей обо всем, в том числе и о собственной душе, и что занятие домашним хозяйством и рождение детей пошли бы ей на пользу куда больше, чем увлечение политикой и шпионажем. Потом туранец и девушка-гуль долго и тихо о чем-то говорили, при этом глаза у Ирины были злые и почему-то несчастные, а лицо Шамсудина казалось холоднее асгардских ледников. В конце их разговора Сварогу показалось, что на щеке рабирийки блеснула слеза, но сибиряк решил, что у него просто рябит в глазах после трудного дня, ибо представить Ирину плачущей ему было не легче, чем вообразить себя законопослушным отцом семейства.

Штурмовать замок было решено под утро, когда все, кроме часовых, видят самые сладкие сны, но в то же время уже достаточно светло, чтобы Аррас и его подопечный не смогли втихомолку сбежать в темноте, сделав тем самым нападение бессмысленным. Вечером, когда начало темнеть, армия нищих двинулась в дорогу. Впереди в качестве разведчиков бежали трое подростков, в задачу которых входило сообщать командирам обо всем подозрительном. В авангарде шли подчиненные Сварога, следом нестройной толпой валило ополчение, подгоняемое начальственными окриками Серкла. Рядом с тюремщиком держался Бебедор. Достойный мэтр не попал в гвардию, поскольку честно признался, что единственным доступным ему оружием являются остро отточенные гусиные перья. Племянник философа гордо шествовал позади Сварога, сжимая в руке подаренную Шамсудином саблю, уже обагренную кровью баронской собаки. Рядом с Ревендром решительно шагала Ингода в мужском костюме, неся врученный ей арбалет. Вид у девушки при этом был такой спокойный, словно она идет на кухню замешивать тесто для пирожков. При взгляде на нее Ревенд переставал нервно кусать губы, и лицо его становилось куда более решительным и мужественным, чем можно было бы ожидать от мирного студента-философа.

Между двумя отрядами на единственных во всей армии четырех лошадях следовал Главный Штаб. На жеребце Сварога восседал король, держа на седле перед собой постоянно сползающего набок сонного Ниди. На своей караковой кобыле рядом ехала Ирина с мечом на боку, собранная и очень соблазнительная в мужском платье, которое ей было очаровательно велико. На третьем коне отличных туранских кровей следовал Шамсудин, за спиной которого сидела Ильма, вцепившаяся обеими руками в пояс полутнома. Несмотря на свою полную бесполезность в предстоящем штурме, Ильма наотрез отказалась оставаться одна в катакомбах среди нищих, и теперь ехала вместе со всеми. Бывшая служанка королевы тряслась от страха так, что Шамсудин чувствовал плечом дрожание ее подбородка, но жаловаться девушка не решалась ввиду близкого присутствия грозной Ирины. Четвертым, на смиренной лошадке, которая послушно везла Ильму от самого Шусфа до немедийской столицы, величественно возвышался Пфундс, донельзя гордый уже одним фактом передвижения своей особы верхом.

Мальчишки, бегущие впереди, несколько раз возвращались, чтобы доложить, что все спокойно. Армии нищих повезло: по пути им не встретилась ни карета, ни разъезд стражи.

Лишь какой-то припозднившийся крестьянин с возом, торопящийся из города в родную деревню, вытаращив глаза, смотрел, как его обгоняет пестро одетая и гомонящая толпа вооруженных людей. На чье-то предложение присоединиться к ним для спасения особы короля крестьянин сложил пальцы в охранный знак и под общий хохот подхлестнул своего старого мерина.

Отряд прошел две лиги по хорошо наезженному тракту, ведущему на Нумалию, и свернул на когда-то ухоженную, а теперь размытую дождями неширокую дорогу, ведущую ко Дворцу Королевы. Сам дворец располагался на берегу небольшого чистого озера, обрамленного со всех сторон лесами. Поблизости не было ни одной деревни или хутора – Нимед рассказал, что его мать любила природу и уединение, поэтому при строительстве дворца по ее приказу близлежащие поселки были просто снесены, а их жители вывезены в пустынные области близ Пограничного Королевства под тем предлогом, что эту местность необходимо осваивать. Дворец представлял собой уютное трехэтажное здание, всем своим видом показывающее, что предназначено быть обиталищем немолодой, но не лишенной романтического настроя дамы. Правда, сейчас дом выглядел несколько запущенным, краска на фасаде облупилась, украшающие балкон барельефы лишились некоторых существенных деталей, а одну из стен густо обвил плющ, явно не являющийся плодом долгих трудов садовника.

Бывшее жилище королевы не было похоже на крепость, что несколько облегчало задачу нападающих. Но огораживающая здание и прилегающий к нему сад высокая каменная стена служила вполне надежной защитой обитателям дворца. К тому же, Аррасу нельзя было отказать в предусмотрительности – колдун не пожалел денег на наемников, которые бдительно охраняли дворец днем и ночью, осматривая прилегающую местность с крыши, балконов и надвратных башенок, во времена королевы явно служивших не более чем стилизованным украшением.

Стена, окружающая дворец, начиналась прямо от озера, поскольку сад королевы спускался к самой воде, где была расположена купальня. Эта часть озера была отгорожена прикрепленными к вбитым в дно сваям сетями, чтобы никто не смел тревожить покой купающейся монархии. Но все же здесь было единственное место, где было возможно проникнуть в сад. План, выработанный Шамсудином, Сварогом, Нимедом и Ириной, был таков: пока ополчение по мере сил разыгрывает попытку штурма стены дворца, Сварог со своей гвардией должен переплыть озеро, разрезать сети и, выбравшись на берег, ударить наемникам в спину и открыть ворота своим товарищам. Ставка в этом плане была на неожиданность, превышение численности нищих над количеством защитников дворца, а также на удачу и хорошее стечenie обстоятельств. Для обеспечения последних двух условий с маленькой армией следовали несколько бывших жрецов, давно лишившихся работы и обретавшихся среди отбросов общества. Жрецы были призваны молить любых известных им богов о ниспослании победы. С собой служители культа тащили петуха, подаренного кому-то из нищих на базаре милосердным купцом. Петух предназначался в жертву богам, причем всем сразу, поскольку других животных у армии не было. Но при взгляде на изнуренную многодневным постом и чередой прожитых лет птицу закрадывалось нехорошее сомнение в угодности такой жертвы и оставалось надеяться, что боги куда менее прихотливы и разборчивы, чем люди.

Последнюю часть пути армия нищих проделала по лесу, чтобы не быть замеченной караульными. Неподалеку от дворца отряды разделились. «Гвардейцы» вместе с Сварогом

двинулись к озеру, остальные, выждав какое-то время, начали незаметно подкрадываться к вырисовывающемуся в утреннем тумане дворцу. Звуки, производимые в предрассветной тишине незаметно подкрадывающимся отрядом нападающих, разносились на добрых пару лиг и распугали все окрестное зверье, вообразившее, что началась королевская охота, и надо поскорее уносить ноги. Позади своих подчиненных двигался Главный Штаб, оставивший лошадей на поляне в укромном уголке леса. Там же остались и жрецы, чья ругань по вопросам проведения обряда жертвоприношения и взаимные упреки в ереси порой даже заглушали шум, производимый в лесу ополчением. На краю поляны, под толстым буком, укрытый чьим-то плащом, сладко спал маленький Ниди в обнимку с меланхоличным жертвенным петухом.

* * *

Место для штурма было выбрано неподалеку от главных ворот, где лес подступал почти вплотную к стене. В кустах расположились лучники и арбалетчики маленькой армии. У каждого было не больше чем по три стрелы, но держались они при этом весьма бодро. Остальные растянулись цепью вдоль стены, ожидая команды к наступлению. Шамсудин с тоской оглядел оборванных ополченцев, неуклюже держащих свое оружие, напряженных стрелков, больше всего опасающихся попасть в своих, вздохнул и крикнул:

— Вперед!

— Давай, парни! — заревел Серкл, энергично размахивая своим мечом.

Ополчение откликнулось нестройными выкриками и бросилось вперед, с треском ломая кусты. Их почти тотчас заметили. Во дворце резко зазвенел сигнальный рог, послышались отрывистые команды, в окнах дома замелькал свет. Нападающие заторопились. Те, что полегче, становились на плечи своим более крепким товарищам и, цепляясь за край стены, взирались наверх. Там они цепляли веревки к выступающим через равные промежутки из стены зубцам, по которым должны были залезть остальные. Не привыкшие к таким упражнениям нищие болтались на веревках, точно мешки, медленно продвигаясь наверх под отчаянную ругань ожидающих своей очереди соратников. Вскоре их начали обстреливать из арбалетов. Стрелки укрылись в надвратных башнях и на крыше. Появились первые убитые и раненые, ополченцы заметались: большинство пыталось укрыться в кустах, кое-кто пытался всевозможными способами преодолеть стену. Серкл бегал вдоль стены, понуждая медлительных и стараясь не дать струсившим удрать в лес. Арбалетчики и лучники нищих яростно бралились, не в силах разглядеть своих противников. Пущенные ими стрелы бессильно стучали по каменной кладке или разбивали дорогие оконные стекла дворца.

Нимед смотрел на все это из кустов и беспокойно грыз ногти. Он рвался участвовать в сражении, но совместными усилиями ему удалось втолковать, что, если он погибнет, все их дело окажется бессмысленным. Теперь король в отчаянии наблюдал за суетой своих ополченцев около стены. Рядом с ним Ильма беспрестанно взвизгивала и прижимала ладони к щекам, пытаясь разглядеть среди нападающих Бебедора. Ирина, очень бледная и собранная, стояла, стиснув рукоять легкого меча и в волнении то выпуская, то пряча ногти на левой руке. Ее глаза неотрывно следили за Шамсудином, который среди первых оказался на стене и

спрыгнул в сад. Судя по доносившемуся оттуда звону клинков, там уже завязался бой. Потеряв полугнома из виду, рабирийка нервно взмахнула рукой, подчистую срезав острыми ногтями несколько листьев. Позади девушки-гуля Пфундс, который не мог преодолеть стену из-за своего увечья, красочно и с животрепещущими подробностями поминал Сварога, его подчиненных, а также перечислял недостатки и некоторые противоестественные наклонности их родичей вплоть до седьмого колена – по уверению Вонючки, таким образом, согласно примете, можно отвести от «гвардейцев» неудачу.

Сварог в этот момент тоже ругался – но не потому, что верил в приметы, а главным образом для облегчения души. Как раз сейчас сибиряк и его спутники плыли по озеру сквозь поднимающийся от воды туман и выныривающие на поверхность бутоны лилий. Расстояние до купальни оказалось значительное, вода была холодная, «гвардейцы» плавали из рук вон плохо. То и дело кто-нибудь из них принимался тонуть, отчаянно молотя руками по воде, и его товарищам приходилось помогать бедняге держаться на плаву. Если бы Сварог предусмотрительно не приказал привязать всем клинки вместе с одеждой к голове – добрая половина отряда давно была бы безоружной.

Чуть позади северянина плыла Ингода, выглядевшая несколько странно с привязанным к голове арбалетом. К удивлению славянина, дочь тюремщика хорошо держалась на воде. Пока Сварог, злобно бранясь, нырял за некоторыми членами своего отряда, девушка первой добралась до заграждения и кинжалом разрезала сеть. Подплывшие следом нищие расширили дыру, и вскоре все «гвардейцы» выбрались на берег рядом с королевской купальней. Пока нищие торопливо одевались, Ингода, отвернувшись, пыталась выжать волосы и костюм – она единственная плыла в одежде, несмотря на уверения Сварога, что всем присутствующим уже давно известны те детали, что она прячет под одеждой, поэтому стесняться нечего. За отворотом ее куртки сибиряк заметил полураспустившуюся лилию, и который раз про себя подивился женской натуре, способной, идя на бой наравне с мужчинами, не забыть при этом украсить себя цветком. Если бы сибиряк знал, что Ревенд не поленился сплавать за этой лилией едва ли не на другой конец озера, он удивился бы еще больше.

Тем временем небольшой части отряда «ополченцев» все же удалось перебраться через стену и вступить в бой с подоспевшими наемниками. С одной стороны, им повезло, поскольку арбалетчики противника не обстреливали их, опасаясь попасть в своих. Но, с другой стороны, драться с хорошо обученными солдатами оказалось куда более сложным делом, чем воображали себе нищие, воинственно размахивая в катакомбах полученным оружием и похваляясь друг перед другом тут же выдуманными боевыми подвигами. Оправившись от первого изумления, защитники дворца быстро поняли, с кем имеют дело, и теперь рубили нападающих, точно капусту, даже успевая обмениваться циничными шуточками. Возможно, нищие давно бы разбежались, но скрыться им было некуда: позади возвышалась стена, впереди был противник. В первых рядах «ополчения» рубился Шамсудин, стараясь по возможности прикрыть своих неумелых соратников. Рядом с ним понемногу собирались те, кто хоть немного был способен постоять за себя. Этот маленький отряд в основном и наносил урон врагу, оттягивая на себя силы противника и не давая им попросту уничтожить своих товарищей.

По другую сторону стены метался Серкл, яростно и без особого успеха понуждая немногочисленных оставшихся у стены нищих лезть на помощь своим соратникам, поскольку по доносящимся выкрикам тюремщик ясно понимал, что их дело плохо. Сам

Серкл, пару раз попробовав подтянуться по веревке, оставил это безнадежное занятие, решив дождаться, пока Сварог откроет ворота. Мэтра Бебедора, висящего на веревке ровно посередине стены и уже собиравшегося потихоньку спуститься обратно, кто-то из ожидающих внизу нетерпеливо подтолкнул так, что философ, к собственному неудовольствию, моментально оказался наверху. Перво-наперво мэтр уронил в сад свой меч, потом свалился туда сам. Немного посидев в кустах шиповника и переведя дух, достойный преподаватель философии нашел в себе мужество подняться и присоединиться к своим соратникам. Приметив Бебедора, Шамсудин тотчас оказался рядом, защищая философа от случайного удара.

Стрелки маленькой армии короля праздновали победу – кому-то из них случайно удалось подстрелить арбалетчика, высунувшегося из-за парапета, обрамляющего плоскую крышу дворца. Нимед в отчаянии молотил кулаком по стволу дерева, за которым укрывался. Ирина и Ильма едва удерживали короля от того, чтобы он кинулся в бой. Пфундс, исчерпавший весь богатый арсенал ругательств и проклятий, беспомощно смотрел, как арбалетчики уничтожают тех из его друзей, кто еще не сбежал в лес.

– Ну, где же они, во имя Митры?! – Ирина в нетерпении топнула ногой, глядя на закрытые по-прежнему ворота.

…Сварог с трудом дождался, пока его подчиненные выберутся из воды и приготовятся к бою. Горячка близкого сражения уже бурлила в крови славянина, заставляя сердце биться быстрее. Как всегда в такие мгновения, слух и зрение сибиряка обострились, точно у дикого зверя. Он слышал звуки боя, идущего в противоположном конце сада, видел прилипшие к окнам лица челяди, пытающейся разглядеть, что происходит. Оглянувшись, Сварог заметил со вздохом облегчения, что «гвардейцы» уже одеты, а оружие находится у них в руках. Махнув рукой, северянин бросился по едва заметной тропинке, ведущей вдоль стены сада. Остальные последовали за своим командиром. Вскоре укрывающие их деревья закончились, и отряд выбежал на большое пустое пространство, заросшее травой, посреди которого возвышался давно заглохший фонтан. Их тут же заметили арбалетчики, сидевшие на крыше дворца. Внезапно за спиной Сварога раздался крик, перешедший в хрип – это противник точным выстрелом уложил одного из людей Сварога. Все тут же, не дожидаясь команды, вернулись в заросшую деревьями часть сада. Сам Сварог вместе с Ингодой и Ревендром укрылись за парапетом фонтана.

– Чтоб демон выпустил кишки тому садовнику, что устроил здесь эту проплещину! – в сердцах ругнулся сибиряк.

– Сейчас все дворяне делают в саду такие площадки. Они здесь играют в шары, новомодную игру, придуманную в Коринфии, а ввела ее у нас королева – матушка Нимеда. Дурацкое, право слово, занятие. Нужно загнать костяной шар в такую лунку… – принял было объяснить Ревенд, но замолк под свирепым взглядом своего командира. Тем временем Ингода молча натянула тетиву арбалета, приставила его ложе к плечу, как учил ее Шамсудин, и, дождавшись, пока арбалетчик противника высунется для следующего выстрела, спустила крючок. Наемник повалился назад с болтом, засевшим у него во лбу.

– Да ты прирожденный стрелок, девочка! – восхищенно воскликнул сибиряк. Иногда улыбнулась и пожала плечами, словно не видела в этом ничего особенного. Ревенд открыл было рот, подумал и закрыл его снова.

Последний оставшийся в живых на крыше дворца арбалетчик после гибели двух товарищей не рискнул сразу же высунуться из-за парапета, поэтому отряд Сварога без помех

преодолел пустое пространство и вновь скрылся среди деревьев. Неподалеку от ворот Ингода остановилась и аккуратным выстрелом сняла еще одного арбалетчика, сидевшего в надвратной башне. Правда, остальные, увидев, что враг уже пробрался в сад, прекратили обстреливать находящихся по ту сторону стены нищих и перенесли свое внимание на «гвардейцев». Сварог слышал, как сзади к ним через цветники бегут наемники, раньше не принимавшие участия в сражении и охранявшие непосредственно дворец. Сибиряк занервничал. Сейчас они увязнут в безнадежном бою, а стрелки, сидящие в надвратных башнях, не позволят приблизиться к воротам и открыть их. Он взглянул на Ингоду, но девушка покачала головой – арбалетчики врага стали куда более осторожнее и уже не высывались в окна башенок. Сварог перевел взгляд на своих подчиненных – те смущенно мялись и отводили глаза. Пространство перед воротами отлично пристреливалось из обоих башен, а времени, требующегося на то, чтобы отодвинуть запирающий ворота засов, вполне хватало, чтобы не торопясь прицелиться и в упор пристрелить свою жертву.

Сварог быстро отобрал из рядов «гвардейцев» восьмерых, показавшихся ему наиболее смышлеными и крепкими.

– Вы четверо – в ту башню, вы – в эту, и выкиньте оттуда этих сукиных детей! – кратко приказал сибиряк. В глубине души он не слишком надеялся на успех своих солдат, но другого выхода северянин не видел – необходимо было во что бы то ни стало отвлечь арбалетчиков и не дать им выстрелить. В конце концов, какой-то шанс у «гвардейцев» был: арбалет – не лук, пока натянешь тетиву, пока наложишь болт, пока прицелишься – вполне можно успеть добежать до башни. Конечно, при условии, что предыдущим выстрелом уложили твоего товарища, а не тебя.

Сам Сварог повернулся к надвигающимся на отряд наемникам, справедливо полагая, что, если первым не вступит бой и не подаст этим пример, его «гвардейцы» попросту разбегутся. Ингода, встав на одно колено и уперев локоть в другое, успела сделать несколько выстрелов, пока защитники дворца не приблизились к солдатам Сварога. Сибиряк взревел, и его «гвардейцы» отклинулись нестройными воплями, храбро кидаясь в атаку вслед за своим командиром. Нищие дрались отчаянно, поскольку речь шла об их жизни, наемники – осторожно, вычисляя при этом в уме, сколько им запросить за этот бой с хозяина сверх уговоренного. Сварог рубился впереди всех, стараясь, как и Шамсудин, прикрыть тех из «гвардейцев», кто был ближе к нему.

Один из наемников увидел одиноко стоявшую Ингоду и, рассчитывая на легкую добычу, прыгнул на нее, замахиваясь мечом. В последний момент девушка успела разрядить арбалет, прошив нападающего навылет. Другой наемник, заметив, что его товарища убила какая-то девка, выругался и, мимоходом вспоров грудную клетку одному из нищих, двинулся на нее. Ингода растерянно отступила, машинально подняв разряженный арбалет в качестве защиты. Подойдя к девушке, наемник даже не поднял меч, а просто ударил ее кулаком в лицо, присовокупив к этому грязное слово. Ингода упала, ее лицо залила кровь из разбитого носа. Наемник занес ногу для второго удара – но вынужден был обернуться, чтобы защитить свою жизнь, ибо на него напал Ревенд, совершенно озверевший от того, что увидел. Выкрикивая что-то нечленораздельно-угрожающее, юноша яростно наседал на не успевшего опомниться противника, уже понявшего, что ругать эту даму ему не следовало. Видевший это Сварог лишь восхищенно цокнул языком и подумал, что никогда раньше не видел настоящего берсерка. Посягнувший на Ингоду наемник был буквально смят бушующим Ревендом и не сбежал лишь потому, что не успел. Когда красный туман злобы в глазах юноши развеялся, и

он увидел то, что осталось от его врага, Ревенд затрясся и его вырвало. Впрочем, наемника эти запоздалые признаки раскаяния уже не трогали.

Тем временем из каждой четверки, посланной Сварогом на стрелков противника, до башен добрались лишь двое, что указывало на то, что в каждой башне находится по два арбалетчика. Открыв двери башен, «гвардейцы» бросились внутрь. Приметивший это Сварог понял, что у него есть несколько мгновений, пока арбалетчики расправятся с напавшими на них нищими. Махнув мечом напоследок и отрубив кисть своему противнику, сибиряк понесся к воротам, машинально вжав голову в плечи в ожидании арбалетного болта. Добежав до ворот, северянин перевел дух и без труда отодвинул тяжелый железный засов, поскольку силы ему придавала любовь к собственной жизни. Толстые деревянные ворота распахнулись, и скрип их давно не смазываемых петель не хуже боевой трубы возвестил нищим, что весы победы склоняются на их сторону. Вскоре вооруженная толпа оборванцев, прятавшаяся дотоле в лесу, ворвалась в сад и поспешила на помощь своим товарищам.

Теперь численный перевес был на стороне нищих. В драке они использовали старый и хорошо известный прием, нападая на наемников по трое и даже по четверо: пока один отвлекал внимание противника, остальные били в спину. Не выдержавшие натиска наемники спешно отступали вглубь сада. В первых рядах среди своих солдат сражался и Нимед, которого уже ничто не могло удержать от священного боя за свою поруганную честь. Серкл, напротив, был среди последних, неустанно подгоняя отстающих и раздавая команды направо и налево. Те наемники, что нападали на Шамсудина и ту горсточку «ополченцев», что была с ним, почувяв неладное, предпочли присоединиться к товарищам, бросив своих врагов на произвол судьбы. В воздухе ощутимо запахло долгожданной победой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сварог выбрался из надвратной башни, где он прикончил двоих арбалетчиков и тем спас жизнь оставшегося «гвардейца», и с опаской посмотрел в сторону второй башни. К его удивлению, оттуда никто не стрелял, а из окна высывался один из посланных туда нищих – тот молодой парень, что привел маленького Ниди – и махал киммерийцу рукой. Сварог пожал плечами, восприняв удачу своего подчиненного как еще одну непознаваемую загадку природы. В этот момент он увидел Шамсудина и Бебедора и направился к ним.

– Где король? – вместо приветствия спросил полугном.

– Я откуда знаю! – пробурчал сибиряк, досадуя на полную бесчувственность друга. – Как у вас там было?

– Погано, – вздохнул полугном. – Наемники поsekли много людей, а я в одиночку не мог им помешать.

– Ах, месьоры, боюсь, я не оправдал вашего доверия, – грустно заметил философ. – Во время боя мне несколько раз предоставлялась возможность убить врага, но я не смог заставить себя нанести роковой удар. Как приверженец идеализма, я не гожусь в солдаты. Если бы не старания месьора Шамсудина, ваш покорный слуга давно лежал бы бездыханным в этом прекрасном саду.

– Знаешь, мэтр, способность убивать себе подобных – не такое уж большое достижение в развитии человека, – усмехнулся Шамсудин. – Мир держится на таких, как ты. Если бы все вокруг годились в солдаты – люди давно перебили бы друг друга.

– Дорогой друг, это утверждение спорно, – запротестовал Бебедор, и глаза его загорелись опасным дискуссионным блеском. – Если позволишь, я, опираясь на принципы нормативной этики, докажу тебе, что счастье напрямую связано с добром и что утверждения этического релятивизма об относительности морали – полная чушь. К тому же, нельзя не признать, что теология с ее идеей наказания грешников оказывает положительное...

Через открытые ворота вбежала Ирина с обнаженным мечом. За ней семенила Ильма. Оглянувшись, рабирийка увидела Сварога и Шамсудина, и на ее лице на мгновение вспыхнула радость. Сварог приосанился, ошибочно отнеся это полностью на свой счет. Ильма, заметив разглагольствующего Бебедора, победно взвизгнула и повисла у него на шее, осипав поцелуями и не дав достойному философу закончить свою мысль. Мэтр смущенно покраснел, но вид у него при этом был довольный, и все принципы нормативной этики явно тут же выветрились у него из головы. Ирина покосилась на Ильму и философа и собралась было сделать язвительное замечание, но наткнулась на взгляд Шамсудина и прикусила губу.

Внезапно Ирина нахмурилась.

– Где король? – требовательно спросила девушка-гуль.

– Чтоб меня кто так искал! – уязвился Сварог.

– Станешь королем – будут, – серьезно пообещал Шамсудин.

– Вы что, его не задержали? – Ирина гневно посмотрела на Сварога и туранца. – О чем вы вообще думали?

– Знаешь, когда вокруг сыплются арбалетные стрелы и бегают парни с мечами, думать обычно некогда! – с неудовольствием сказал Сварог.

– На это всегда надо находить время, – назидательно заметила Ирина. – Что же вы стоите? Нимеда надо догнать, пока его не убили, не дай Митра!

С этими словами девушка-гуль легко побежала вперед, туда, где кипел бой. Неожиданно у нее на пути оказался наемник, решивший, видимо, что уже отработал свое жалование и теперь пришло время сматываться. Ирина подняла меч, но ее противник, будучи гораздо выше и сильнее рабирийки, одним ударом выбил оружие из ее руки. Шамсудин страшно крикнул и бросился к ним. Ловко упав на траву, Ирина избежала первого удара мечом наемника, но второй удар неминуемо должен был пригвоздить ее к земле. Понимая, что не успеет, полугном перехватил свой меч и с силой метнул его в спину солдата. Хорошо сбалансированный клинок пролетел несколько локтей и с хрустом вошел слева от хребта, проткнув легкое и раздробив ребра. Наемник пошатнулся, захрипел и рухнул на лежащую перед ним девушку-гуля. Мгновение спустя Шамсудин уже был рядом и вытаскивал из-под умирающего противника залитую чужой кровью Ирину.

— Тысяча демонов, я уже думала, мне конец, — слегка дрожащим голосом проговорила рабирийка и криво улыбнулась. Она поднялась с земли, но тут ее ноги подогнулись, и девушка снова бы упала, но Шамсудин подхватил ее и крепко прижал к себе.

— Никогда больше не позволю тебе взять в руки меч, — твердо сказал полугном. — Слышишь — никогда!

— Я же гуль — ты забыл? Кровь мне не в новинку, — слабо произнесла Ирина, но не сделала попытки освободиться. — В конце концов, я могу убить и без меча.

— Я заметил, — с ласковой насмешкой ответил турец, и рабирийка вспыхнула, поняв, что со своей самоуверенностью сейчас выглядит глупо.

— Ну, гном, ты и бегать! — вскричал подоспевший Сварог. — Может, род твоего папаши произошел от зайцев? — сибиряк хотел еще что-то добавить, но осекся, увидев, что Шамсудин даже не замечает его присутствия. Зато Ирина подняла голову и мягко, но настойчиво отстранилась от полугнома.

— Да, собственно, а где же король? — встрепенулся Шамсудин и смущенно кашлянул.

Пришлось снова кидаться в гущу боя, чтобы вытащить оттуда увлекшегося короля. Нимед отбивался и что-то кричал, но его не слушали. Сварог пару раз встремхнул монарха, и Нимед пришел в себя, осоловело хлопая глазами и тяжело дыша после сражения.

— Простите, увлекся, — пробормотал король. — Я как воин не могу наблюдать бой со стороны.

— Вот вернем тебе трон, тогда и навоюешься, — сказала Ирина. — Если захочешь, берусь устроить небольшую войну с Аквилонией. А сейчас нам необходимо найти Appаса и самозванца, пока они не поняли, что их игра проиграна, и не сбежали!

— Да-да, мое тело! — заторопился Нимед.

Бой шел теперь вокруг дворца — наемники ещедерживали позиции, но явно помышляли о бегстве, не в силах справиться с такой толпой. Сварог, Шамсудин, Ирина и Нимед пробились через заслон у парадной двери и, не обращая внимания на оставшихся в тылу наемников, ворвались во дворец. На первый взгляд он казался вымершим — слуги где-то попрятались, хозяева, похоже, затаились.

— Покои моей матери на втором этаже. Думаю, они там, — сказал Нимед. — Вряд ли они стали бы жить в комнатах для гостей или слуг.

— Appас точно не стал бы, — фыркнула Ирина.

— Надеюсь, в этом дворце нет потайного хода? — поинтересовался Сварог.

— Зачем он моей матери? — удивился Нимед. — Она была честной женщиной и не изменяла мужу. По крайней мере, с мужчинами, — немного подумав, уточнил король и слегка

покраснел.

Сварог и его друзья торопливо поднялись на второй этаж и почти сразу нос к носу столкнулись с обладателем тела Нимеда, который собирался удрать по парадной лестнице. Увидев своих преследователей, он вскрикнул и опрометью бросился в одну из комнат. Нимед и Сварог ринулись за ним. Вбежав в комнату, оказавшуюся столовой, они сразу увидели Арраса, стоящего у окна, и рядом – самозванца с обнаженным клинком.

– Что ж, сбежать мы не успели, – хладнокровно констатировал молодой маг, повернувшись к двери. – Доброе утро, месьоры... и дорогая Ирина.

Рабирийка взвизгнула и прыгнула вперед, целясь острыми ногтями Аррасу в горло. Шамсудин и Нимед с трудом успели удержать девушку-гуля. Ее глаза полыхали желтым огнем, как у разъяренной кошки.

– Наша дама, как всегда, очаровательна, – с усмешечкой сказал аквилонец. – Однако несколько несдержанна. Не думал, что уважаемую Ирину настолько снедает тоска по мне, что она готова на глазах у всех кинуться в мои объятия.

– Придержи язык, а то я отрежу его вот этим самым мечом, – посоветовал Шамсудин. Аррас посмотрел в холодные глаза полугнома и сразу же погасил свою ухмылку.

– Ваша игра проиграна, господа, – светским тоном заметил Нимед. – Так что прошу вернуть мне... то есть вернуть меня в мое тело.

– Наша игра не проиграна, уважаемый король, – проговорил Аррас, – пока ты в теле Тулеара. А вернуть ли тебе твое тело – целиком зависит от меня. Я не знаю другого чародея, владеющего этим способом. Может быть, кто-нибудь из вас знает? – колдун насмешливо поклонился в сторону Сварога, Шамсудина и Ирины.

– Когда ты почувствуешь острие моего меча у своего тонкого горла, ты по другому запоешь, индюк расфранченный, – пригрозил Сварог и двинулся к аквилонцу с намерением исполнить обещанное. Аррас быстро пробормотал какое-то заклинание и очертил вокруг себя и самозванца, названного им Тулеаром, овал. Сибиряк сделал еще шаг и уткнулся в невидимую, но твердую стену. Северянин в ярости рубанул преграду мечом, но оружие отскочило, едва не задев стоящего позади Нимеда.

– Изменение консистенции пространства, – сообщил Аррас. – Мой наставник научил меня этому заклинанию, когда мне было четырнадцать. Очень простенькое, но эффективное.

– Ах ты, зараза! – в сердцах сказал Сварог и плонул. Плевок медленно стек по стенке невидимой сферы, окружающей мага и Тулеара.

– Сейчас раскроет портал и уйдет, – горестно пробормотал сибиряк. – Как ведьма Чари в Дэлираме...

– Сварог, нож! – зашипела вдруг Ирина.

– Какой... А, нож! – оживился северянин и вынул из прикрепленных к поясу маленьких ножен магический кинжал, вывезенный им из Турана.

– Ну, держись, колдун хренов! – торжествующе возгласил Сварог и метнул нож в сферу. Раздался звон, словно сталь ударила о прочное стекло, и кинжал упал на пол, заставив Сварога изумленно поднять брови.

– Как же так? – растерянно произнес сибиряк. – В Дэлираме же сработало!

– А, магическое оружие? – хмыкнул Аррас. – Что ж, вы неплохо подготовились. Но мой наставник обучил меняправляться с действием подобных штучек, когда мне было семнадцать...

– Чтоб он сдох, твой наставник! – буркнул Сварог, с досадой подбиравая кинжал.

— Ну, что ж, ничего не остается, как начать переговоры, — с философским спокойствием заметил Нимед. — Мы, месьор Appas, в равном положении — тебе отсюда не выйти, пока ты не дашь согласие вернуть мне тело.

— Посидит в своем коконе пару дней без воды и пищи — мигом даст согласие! — злобно сказал Сварог.

— Я могу перенести сюда воду и некоторые виды пищи, — непринужденно признался маг. — Правда, на это требуются значительные усилия и концентрация воли, но мой наставник обучил меня...

— Да катись ты к Нергалу со своим наставником! — взревел славянин, взбешенный сверх меры. Шамсудин успокоительно похлопал друга по плечу.

— Чего ты добивался, Appas, затеяв эту интригу? — продолжил Нимед. — Денег? Высокого титула? — король проницательно взглянул в лицо своему бывшему придворному. — Ты все это получишь, если выполнишь то, о чем мы просим тебя.

— Я не верю тебе, король, — холодно ответил аквилонец. — Получив свое тело обратно, ты четвертуешь меня на Площади Трех Ворот как шпиона, и ты это знаешь не хуже меня.

— Я согласен дать письменное заверение в твоей безопасности, — настаивал Нимед.

— Пергамент слишком легко горит, — покачал головой Appas.

Неожиданно молчавший доселе Тулеар беспокойно пошевелился.

— Соглашайся, Appas! — вззволнованно заговорил он. — Пусть король пообещает нам жизнь! Все кончено, заговор провалился, нам ничего не остается, как принять их условия.

— Если бы не твоя трусость, Тулеар, мой план удался бы, — жестко сказал Appas. — Я уже не раз пожалел, что именно твою жалкую душонку пришлось ввергнуть в тело короля. Но ты был единственным, кто хорошо знал дворцовую жизнь и при этом сам оставался в тени, и кто согласился за деньги предать своего монарха.

Глаза Тулеара злобно сверкнули. Внезапно он обхватил Appаса и приставил лезвие меча к его шее.

— Я держу его, Ваше Величество! — заорал он. — Я с вами! Они заставили меня предать вас! А ну, пес, снимай защиту, иначе горло перережу! — рявкнул он на мага. Ирина невольно подалась вперед, но опомнилась и скривила губы в досаде на саму себя.

Appas даже не пошевелился, только презрительно усмехнулся.

— Если ты убьешь меня — кто же поменяет ваши с королем души местами? — невозмутимо поинтересовался он.

— Да, Тулеар, отпусти-ка его, — скомандовал Нимед, и самозванец со вздохом послушался. Appas тщательно расправил помятые соратником кружева и с насмешливой благодарностью слегка поклонился в сторону Нимеда.

Король, Шамсудин, Сварог и Ирина растерянно переглянулись. Им казалось, они уже дошли до конца, и остается лишь с почетом водворить истинного короля во дворец и наказать заговорщиков, но выяснилось, что все не так просто. Они уперлись в тупик, и никто не видел выхода. Тулеар с тоской смотрел на короля и мялся с ноги на ногу. Appas с деланным равнодушием разглядывал свои безупречные ногти, но было видно, что маг тоже обескуражен и не знает, что ему предпринять.

— Что приуныли, почтенные господа и дамы? — раздался вдруг незнакомый Сварогу голос. — Возникли непримиримые противоречия? Что ж, дело привычное, будем улаживать.

Вместе с этими словами в комнату вошел хорошо одетый мужчина средних лет. Был он невысоким, блеклым, с тусклыми волосами, водянистыми светлыми глазами и невыразительным лицом. Взгляд скользил по этому человеку, ни на чем не задерживаясь, и через несколько мгновений его образ начисто улетучивался из памяти. И если бы кто-нибудь сказал, что это — один из самых богатых и влиятельных людей Немедии, что он определяет всю внутреннюю и внешнюю политику государства, что он узнает о действиях монархов сопредельных стран раньше, чем они начинают их предпринимать, и что к тому же самые красивые и знатные дамы складывали свои сердца к его ногам — поверить в это было бы почти невозможно. Особенно в последнее.

А зря, поскольку этот человек был не больше не меньше как глава Немедийской Тайной Канцелярии и непосредственный начальник легендарного Пятого Департамента — самого секретного отдела Канцелярии, занимающегося исключительно делами государственной важности.

— Герцог Лаварон!? — воскликнула Ирина, расширив от удивления глаза.

— Лаварон? — повторил за ней Нимед. — Что ты тут делаешь, задери тебя Сет?!

— Как всегда, Ваше Величество, соблюдаю интересы Немедии, — поклонился герцог. — И, кажется, я прибыл как раз вовремя.

Тут дверь снова отворилась, пропуская остальных — Ильму, Бебедора, Серкла Ингоду и Ревенда. По счастью, никто из них даже не был ранен, лишь дочь тюремщика то и дело притрагивалась к немилосердно распухшему носу.

— Мы победили! — восторженно закричал племянник философа. — Сейчас наши разделываются с теми из наемников, которые не успели сбежать! Я сумел зарубить еще одного! — не смог не похвастаться юноша.

— Нашел чем гордиться, неразумный! — одернул его Бебедор.

— Никогда не понимал, почему за идею люди сражаются с гораздо большим рвением, чем за деньги, — покачал головой Аррас.

— Потому, дражайший Аррас, что, сражаясь за деньги, человек первым делом печется о сохранении своей жизни, чтобы иметь возможность потом эти деньги использовать, — любезно пояснил Лаварон.

— Эй, что же вы не хватаете Арраса и самозванца? — возбужденно закричал Ревенд, делая шаг вперед. — Зачем время тянуть!

— Ревенд, взяв в руки оружие, ты стал самоуверен и, как следствие, глуп, — поморщился его дядюшка. — Раз наши друзья не хвалят мага и его спутника — значит, не могут.

— В самую точку, мэтр, — хмуро кивнул Сварог.

— Лаварон, может быть, ты объяснишь нам, как ты здесь оказался? — с хорошо слышимым раздражением вновь спросил Нимед.

— Если вы не спешите — с величайшим удовольствием, Ваше Величество, — склонил голову герцог. — Я, правда, собирался поначалу довести до конца переговоры с месьором Аррасом, но королевская воля — для меня закон, — Лаварон позволил себе в голосе ровно столько иронии, чтобы все поняли, что королевская воля не всегда принуждает к целесообразным поступкам.

— Когда, мой король, ты около двух месяцев назад вдруг неожиданно сменил линию как

внутренней, так и внешней политики – прости, теперь я знаю, что это был не ты, – Лаварон снова поклонился – видимо, привычка к поклонам глубоко укоренялась в каждом немедийском царедворце, – я сразу заподозрил неладное. Особенно после начавшихся казней. Я сразу заметил, что на эшафот идут лучшие военные и политические умы государства, те люди, что обеспечивали успех нашей армии, дипломатии и торговли. В официальную чушь о якобы раскрытых заговорах я не поверил, ибо все заговоры – и застарелые, и только нарождающиеся – всегда становятся известны мне, и карательными мерами испокон веков занималась наша Канцелярия. Создавалось такое впечатление, что король Немедии, образно выражаясь, рубит сук, на котором удобно сидит его держава. По правде говоря, сперва я заподозрил наследственное умственное расстройство, – герцог развел руками и посмотрел на Нимеда. – Ведь, мой король, не секрет, что твоя достойная бабушка...

– Да, да, – нетерпеливо оборвал Лаварона Нимед. – Все знают, что моя бабка всю жизнь искала какую-то сказочную страну, где нет ни магии, ни богов, ни демонов, зато люди ездят без коней и живут в домах высотой с гору. Эту историю сочинил для нее придворный поэт, когда она была ребенком. Зато, руководствуясь своими неустанными поисками, она заставила мужа завоевать два независимых графства, отхапать солидный кусок от Бритунии и аннексировать коринфскую провинцию, а это послужило только на благо Немедии.

– Я это учел, – кивнул Лаварон. – К тому же, в твоих... извиняюсь, в действиях того, кто занимал последнее время трон, усматривалось слишком много логичности для простого сумасшедшего. Тогда я решил скрыться, ибо, по моему скромному мнению, меня вполне можно отнести к цвету немедийской нации, а посему плаха для меня была предрешена. Но при этом я держал связь с моими подчиненными, которые докладывали мне о всех событиях, происходящих в столице и в королевском дворце. Признаюсь, я впервые в жизни был в растерянности и не знал, как мне повлиять на ход дела и остановить ввержение Немедии в хаос. И тут мне докладывают, что в Берлине видели мою дорогую Ирину, – герцог улыбнулся в сторону девушки-гуля, – видимо, вернувшуюся после дэлирамского задания. А при ней – кого бы вы думали? – служанку Ее Величества Ильму с Нимедом-младшим!.. Кстати, вам, – Лаварон взглянул в сторону Appаса и Тулеара, – было очень на руку, что королева Рэлея решила спрятать мальчика от своего якобы сумасшедшего мужа. Вы тут же объявили о смерти единственного законного наследника трона, усилив тем смуту в стране и расчистив на всякий случай дорогу к престолу... Кому, Appас? Впрочем, теперь это не важно. Боюсь, Ниди был в серьезной опасности, попав к вам в руки, ведь живой принц для вас был не выгоден...

– Я не чудовище. Я не причинил бы вреда ребенку, – хмуро сказал Appас.

– Что ж, это делает тебе честь, – не без насмешки заметил Лаварон. – Тут я окончательно утвердился в мысли, что дело нечисто, и с королем что-то сотворили. Я с горечью признал, что упустил драгоценное время и при этом не обладаю никакими сведениями. Но надежда у меня была, – Лаварон вновь взглянул на рабирийку. – Я понял, что ты, дорогая Ирина, знаешь больше меня. Проработав с тобой немало лет и полностью оценив тебя как замечательного конфидента, я решил, что у тебя наверняка уже есть свой собственный план разгадки тайны короля. Превратить твое расследование в официальное в той обстановке было невозможно. Вдобавок, мне не хотелось ограничивать твою инициативу, и я не вышел на связь с тобой, предоставив тебе полную свободу действий...

– Ты, герцог, мог нам помочь и не помог! – возмутилась Ирина. – Если бы у нас были твои связи и возможности, мы раскрыли бы этот заговор гораздо быстрее и гораздо меньше рискуя жизнью!

— Ну, Ирина, после многих лет работы на Пятый департамент ты должна была знать, что высшие интересы государства иногда требуют от нас не слишком благовидных поступков, — укоризненно сказал Лаварон. — Вспомни, к примеру, случай с Франсесом, когда ты...

— Да, я помню, — торопливо пробормотала рабирийка. Было видно, что эту тему ей развивать не хочется.

— Но, конечно, совсем без помощи я вас оставить не мог, — продолжил Лаварон. — И поэтому я связался с нашей маленькой Ильмой... Как, вы до сих пор не знали, что Ильма была моим лазутчиком среди вас? Удивительно, при ее-то болтливости...

— А что вы все на меня так смотрите? — запальчиво воскликнула Ильма, невольно покраснев. — Я же ничем вам не навредила! Наоборот, господин герцог обещал, что будет помогать и защищать вас. Только поэтому я и согласилась, хотя вы, конечно, мне не поверите! — девушка состроила оскорбленную мину и отвернулась.

— Дорогая Ильма поставляла мне кое-какие сведения, еще будучи на службе у королевы Рэлеи, — невозмутимо пояснил Лаварон, словно не замечая сверлящего взгляда Ирины. — По правде говоря, я никогда не считал ее ценным шпионом, но сейчас у меня не было выбора. Зато я был в курсе каждого вашего шага и знал все, что узнавали вы... Ну-ну, не сверкай глазами, любезная Ирина. Не будь этого, я не смог бы вам помочь, например, когда вы спасались от стражников на Храмовой площади... Да-да, тот экипаж, что стоял у храма Митры, был послан мною. Я предполагал, что у вас возникнут неприятности при вызволении месьора Шамсудина из Каземата. Правда, я думал, что вас там будет трое, но никак не семеро, иначе я подыскал бы экипаж побольше... Кстати, кто же все-таки убил новоиспеченного барона Вольденского? — Лаварон посмотрел на Арраса. Тот молчал, зато Тулеар встрепенулся.

— Это барон Вик и он! — Тулеар обличающе указал на мага. — Вроде, Вольденский хотел их предать, совесть его заела. Я был против, я не хотел убийств, но они не слушали меня! Они никогда меня не слушали!

— Вполне их понимаю, — покачал головой герцог, смерив взглядом Тулеара. — Вернемся к нашей беседе. Знаете, если б не Ильма, сообщившая мне, что месьоры Сварог и Шамсудин отправились в Рошку Девы на какую-то туманную встречу, я не смог бы направить на ваш след отряд гвардейцев, прибывших, как я знаю, очень кстати. Так что вы обязаны этой малышке жизнью. Ну, и мне тоже. Впрочем, я не из тех, кто требует за это оплату, — Лаварон мило улыбнулся и развел руками.

— Вы уж очень завуалировано поддерживаете своих агентов, герцог, — сухо сказала Ирина.

— Некоторые начальники секретных служб вообще их не поддерживают, дорогая, — пожал плечами Лаварон. — Я делал, что мог. Когда я узнал, что же в действительности произошло с королем, признаюсь, я был ошеломлен. Как всякий политик, я никогда не придавал особого значения жрецам, магам, алхимикам и всяческим потусторонним явлениям. А вот король Вилер думал иначе, не так ли, господин Аррас? — герцог повернулся к магу, с наигранно-скучающим видом прислонившемуся к стене внутри своей защитной сферы. — Нетрудно догадаться, что тебя нанял аквилонский правитель. В последнее время на нашей границе с закатным соседом наблюдается концентрация войск. Король Вилер ждет, когда его ставленник на троне Немедии окончательно обескровит страну и парализует армию, чтобы без помех завоевать наше государство. Надо будет поинтересоваться, что он собирался сделать потом — просто присоединить Германию к Аквилонии или устроить здесь

протекторат с марионеточным королем на троне?

— Ты, герцог, можешь делать любые предположения, — холодно ответил Аррас, но по его лицу было видно, что Лаварон попал в цель. Герцог усмехнулся и продолжил:

— После того, как стражники напали на дом этой вдовы... м-м... кажется, Сезии... если не ошибаюсь, хозяин тайного убежища нашей уважаемой Ирины, — Лаварон любезно кивнул в сторону раздосадованной девушки-гуля, — я потерял вас всех. Впрочем, разгадка тайны уже была у меня в руках, и я разрабатывал план дальнейших действий, когда мой человек из королевского замка донес, что видел достойных господ Сварога, Ревенда и незнакомого ему третьего месьора не мало как в спальне самого короля. Я было пришел в ужас, ибо уже знал, кем именно был тот третий месьор, но мне сообщили, что вас удалось спасти и вывести за пределы дворца. Это сделал один офицер, очень ценный агент, работающий на Пятый Департамент уже десятилетие... Он знал от меня ваше описание и думал, что вы тоже тайные агенты Канцелярии. К счастью, он ошибался, — улыбка Лаварона была само очарование.

— Лаварон, через много лет, когда я состарюсь и отрекусь от трона в пользу Ниди, ты расскажешь мне, наконец, кто из моих слуг и приближенных работает на твоё заведение? — весело спросил Нимед.

— Думаю, Ваше Величество, будет проще перечислить тех, кто не работает, — поклонился королю глава Канцелярии.

— Своей выходкой, месьоры, вы вынудили самозванца скрыться и тем разрушили мой тщательно обдуманный и уже подготовленный план, — с философским спокойствием сообщил Лаварон, — но я вас не виню. Молодо, как говорится, зелено. Мои люди проследили за месьором... как его зовут-то?

— Тулеар, господин герцог, — торопливо подсказал бывший самозванец. — Младший смотритель королевских покоев...

— Благодарю, — кивнул Лаварон, — ...за месьором Тулеаром до самого Дворца Королевы. И какого же было их удивление, когда они заметили, что не одни наблюдают за дворцом! У моих ребят хватило ума не трогать вас, а сообщить мне. Я велел ничего не предпринимать...

— Проще говоря, снова решил вытащить каштаны из огня нашими руками, герцог? — сдвинула брови Ирина.

— На этот раз — нет, — не смутился Лаварон. — Просто вы меня опередили. Я только рассыпал секретные приказы верным мне командирам, а тут заявились вы с этой разномастной армией и принялись штурмовать дворец. Ваша быстрота и решительность восхищает меня, месьоры! — герцог склонил голову, словно не обращая внимание на хмурые взгляды. — Я прибыл с небольшим отрядом вам на помощь, но все уже было кончено. Так что примите мои поздравления — вы прекрасно справились с делом. По отношению же к тебе, дорогая Ирина, мое безграничное уважение стало еще безграничнее.

— Польщена, — скривила губы девушка-гуль.

Аррас утомленно пошевелился у стены, и Лаварон перевел взгляд на него.

— Теперь, я думаю, пришло время заняться нашим магом, — герцог отыскал глазами единственный стул и бесцеремонно уселся на него. — Главное правило при перевербовке агента: узнай, что ему пообещали, и пообещай больше. Не думаю, что нашего достойного аквилонского друга интересуют деньги. Сдается мне, месьором Аррасом двигало честолюбие, столь обычное для нас, простых смертных, но редко встречающееся среди представителей вашего ремесла. Обычно маги копаются в заплесневелых пергаментах и

переливают вонючие растворы из реторт в перегонный куб, насколько мне известно. А вот господин Appas решил, используя свои знания, удариться в политику и добиться определенных высот... План-то, наверняка, сам придумал и Вилеру предложил, а, господин маг? И рассчитывал со временем начать свою игру, о которой бы не знал твой наниматель? Может, метил оставаться теневым правителем при ничего из себя не представляющем месьоре Тулеаре, носящим тело нашего короля?

— Да, — спокойно ответил Appas.

— Ценю твою искренность, — Лаварон задумчиво покачался на стуле и в упор взглянул на аквилонца. — Твое дело не выгорело, Appas, так почему бы тебе не перейти на нашу сторону? Ты умен и честолюбив, такие люди нам нужны. Пост одного из младших советников короля тебя устроит? Естественно, со всеми причитающимися титулами, поместьями и доходами?

Appas и Нимед одновременно выпустили глаза и посмотрели на герцога так, словно тот рехнулся.

— А ты подумай, подумай, — глава Канцелярии, как ни в чем не бывало, продолжал покачиваться на ножках стула. — Такое предложение раз в жизни бывает... Мой король, ты тоже подумай. Такого человека, как Appas, лучше иметь в нашем лагере и прикармливать с руки, чем ожидать от него новых каверз.

— Такому человеку лучше всего отрубить голову, — холодно сказала Ирина.

— Ну, моя дорогая, в тебе говорит личная обида, а так быть не должно, — укорил рабирийку Лаварон. — Ежели мы всех умных людей будем на плаху отправлять, то общество вскоре деградирует и опустится до славянинства... извини, Сварог, я не хотел тебя обидеть.

— Ничего, я привык, — буркнул сибиряк.

— Я согласен, — внезапно с решимостью произнес Нимед. — Ты прав, Лаварон, как всегда. За годы правления я смог убедиться, что ни один твой совет не был плохим. Как только Appas вернет меня в мое тело, я назначу его своим младшим советником, дарую графский титул с поместьем и малую государственную печать.

Маг закусил губу, размышляя. Потом внимательно посмотрел на Нимеда, затем на Лаварона, словно удостоверяясь в их искренности. Наконец, Appas кивнул.

— У меня нет другого выхода, — слегка хрипло сказал аквилонец и криво улыбнулся. — Не до конца же жизни мне здесь сидеть...

— Мудрое решение, господа, — одобрил Лаварон и громко крикнул: — Эй, кто там с бумагами? Зайди!

В комнату немедля вбежал человек в гвардейской форме, неся с собой свиток пергамента, чернильницу и кисточку.

— Приказ насчет Appаса я уже заготовил, мой король, — небрежно проговорил герцог. — Подпишись вот здесь... и здесь... вот и печать... готово! — Лаварон продемонстрировал магу свиток с еще не просохшими чернилами, где Appas назначался советником с графским титулом. Вместо ответа маг пробормотал заклинание и сделал шаг вперед, показывая тем самым что снял защиту. При этом он напряженно смотрел в сторону Ирины, Шамсудина и Сварога, но они не пошевелились, хотя киммерийцу очень хотелось слегка подпортить красивую физиономию мага, и, скорее всего, рабирийка разделяла это желание.

— А я? — забеспокоился вдруг Тулеар. — Почему обо мне не сказано ни слова? Я, можно сказать, сберег королевское тело, согласен вернуть его в целости и сохранности...

— Успокойся, — махнул рукой Лаварон. — Тебе мы тоже что-нибудь подыщем... соответствующее.

Бывший самозванец довольно улыбнулся и потер руки.

— Боги, до чего мерзкая у меня ухмылка, — с отвращением произнес Нимед, глядя на Тулеара.

Аппас внимательно изучил пергамент, аккуратно свернул его и спрятал за пазухой. Обычная насмешливость и самоуверенность на глазах возвращались к нему.

— Пойдем, Ваше Величество, — позвал маг. — Сейчас я верну тебя в твоё тело... Тулеар, где ты там застрял, сожри тебя демон?

Аппас двинулся к двери, но остановился около Ирины.

— Мне жаль, что ты сердишься на меня, — негромко сказал он. — Мы ведь сделаны из одного теста, оба игроки и идем до конца. Уверен, на моем месте ты поступила бы также. Теперь мы в одном лагере, и нам неплохо бы наладить сотрудничество...

— Держись от меня подальше, ублюдок, — прошипела рабирийка. — Еще раз подойдешь ко мне — расплюсую твою смазливую физиономию так, что даже девица из борделя на тебя не взглянет! Твои политические интриги меня не волнуют, но то, что ты использовал меня в своих целях, я тебе никогда не забуду, подлец!

— Ничего, Аппас, ничего, — успокоительно произнес Лаварон. — Позлится и простит. Женщины переменчивы.

Маг вышел, за ним последовали Нимед и самозванец, сопровождаемые солдатами, прибывшими с Лавароном. Герцог удовлетворенно кивнул и обвел взглядом присутствующих в комнате.

— Что ж, господа и дамы, разрешите всех поздравить — наша страна спасена! — торжественно возгласил Лаварон. — И, поскольку вы принимали в этом непосредственное участие, вы вполне заслужили хорошую награду. Что, например, желаешь ты, мэтр Бебедор? — герцог повернулся к философу, безошибочно узнав его среди остальных.

— Я... я право... даже не знаю... — замялся мэтр.

— Ценю твое бескорыстие, месьор философ, — склонил голову Лаварон и, не обращая внимания на протестующие жесты Бебедора, повернулся к Серклу: — А ты, достойный Серкл, столь же бескорыстен?

— Ни-ни! — энергично запротестовал тюремщик. — Я за ради нашего короля жизнью рисковал, неужели мне за это ничего не положено?

— Положено, — успокоил Серкла герцог. — Что же ты хочешь? Какую-нибудь должность?

От умственных усилий на лбу тюремщика вспухли жилы. Видения, где он занимал самые высокие и ответственные посты, за одно мгновение промчались перед внутренним взором Серкла, вызвав у него испарину. Тюремщик издал несколько невразумительных звуков, откашлялся и сказал:

— Я тут подумал, господин герцог... Нельзя ли вернуть меня обратно на службу в Каземат? Мне уж там привычно, товарищи опять же... Я, поди, не гожусь для разных высоких должностей. Вот жалованье бы мне прибавить, все же дочка подрастает, деньги-то нужны...

— По-моему, твоя дочь давно подросла, — Лаварон покосился в ту сторону, где Ревенд в уголке целовался с Ингодой. — Впрочем, это не помеха для того, чтобы повысить тебе жалованье. И существенно.

Не слушая благодарственное бормотание Серкла, герцог посмотрел на Ильму.

— А что хочешь ты, девочка? — спросил глава Канцелярии.

— Дом! — жадно воскликнула Ильма. — Большой-большой, с шикарным парадным входом,

с садом и фонтаном, с тремя спальнями и гостиной, отделанной золоченым штофом!

– Но зачем тебе дом, дорогая? – удивился Бебедор.

– А где мы будем жить? – подняла брови девушка. – Судя по тому, что ты мне рассказывал о своем доме, это халупа какая-то!

– Ну, знаешь ли, Ильма… – оскорбился философ.

– Ругаться будете потом, когда поженитесь, – остановил их герцог. – Я выполню твою просьбу, Ильма. Насколько я понимаю, это будет последняя просьба, ибо ты не будешь больше сотрудничать со мной, целиком посвящая себя домашним обязанностям?

– Совершенно верно, господин герцог, – решительно сказал Бебедор, и Ильма растерянно закрыла уже открытый для ответа рот.

– Так, ну им явно ничего не надо… – Лаварон махнул рукой в сторону все еще целующейся парочки. – Тебя, дорогая Ирина, наградят, как обычно…

– Надеюсь, не третьим Орденом Чести? – фыркнула рабирийка. – Лучше наградите меня Орденом Черной Розы, у меня как раз есть серьги и браслет с опалами, будет целый гарнитур.

– О, женщины! – герцог картино воздел руки кверху. – Даже ордена подбирают, согласно моде… Ну а вы, месьоры, насколько мне известно – наемники, поэтому вас в первую очередь интересуют деньги?

– Да! – тут же сказал Сварог.

– Нет, – спокойно произнес Шамсудин.

Лаварон удивленно поднял брови и взглянул на полугнома. Сварог вздохнул и окончательно поставил на туранце крест как на полноценной личности.

– Я всего лишь хочу, чтобы вы взяли меня на службу, – пояснил Шамсудин. – Я не наемник, я бывший офицер гвардии Илдиза Турнского. Жизнь наемника не по мне, я предпочитаю верой и правдой служить закону и порядку. Волею случая я близко узнал вашего короля, и с радостью отда姆 свой меч под начало столь достойного правителя.

– Счастлив ответить на твою просьбу положительно, – улыбнулся Лаварон и огляделся. – Пожалуй, никого не забыли.

– А нищие? – подсказал Шамсудин. – Они доблестно сражались за короля Нимеда.

– А, нищие, – пренебрежительно скривился герцог. – Да, конечно. Раздадим им немного денег и устроим гулянья за счет казны. Думаю, они будут довольны.

Шамсудин усмехнулся. По его лицу было видно, что он так не думает.

– Ну-с, вот, собственно, и все! – объявил герцог и, поклонившись, вышел. Сварог, Шамсудин, Ирина, Серкл, Бебедор, Ильма, Ингода и Ревенд переглянулись, и на их лицах явно ощущалась растерянность, как бывает всегда, когда, наконец, происходит что-то, к чему очень долго стремишься.

«Действительно, все, – подумал Сварог. – Сейчас бы пожрать, потом бабу и вздремнуть. Нет, лучше сперва вздремнуть, а потом бабу. Но первым делом обязательно пожрать!»

ЭПИЛОГ

— Ну что, Лаварон, у тебя, наконец, все? — нетерпеливо спросил король Нимед и закинул ногу на подлокотник кресла.

— Последний указ, Ваше Величество, — герцог положил перед монархом лист пергамента. — Об освобождении из Каземата облыжно обвиненных в измене барона Солвези и его...

— Да мне плевать, кого. Давай, подпишу, — Нимед небрежно обмакнул кисть в чернила. — Ну, дружище, и насажали вы в темницу народа! Целую седмицу освобождаю и освобождаю, а конца-краю не видно, — король взглянул в сторону примостившегося в другом кресле Appаса. Маг улыбнулся и развел руками.

— Вот мою Рэлею вы зря тронули, — укоризненно заметил Нимед, размашисто подписывая указ. — С ней теперь невозможно дело иметь. После освобождения из Каземата она только и тем и занимается, что молится с какими-то бесноватыми жрецами и провидцами, а меня к себе подпускает лишь в дни, указанные ей дворцовыми медиками и астрологами как благоприятные для зачатия. В другое время — дверь спальни на замке. Представьте, моя женушка утверждает, что безумие было послано мне богами в наказание за похость... Надеюсь, народ так не думает?

— Нет, мой король, — невозмутимо ответил Лаварон. — Народ проглотил официальную версию о том, что безумие было наслано на тебя коварным чернокнижником. На показательную казнь этого негодяя люди из деревень и других городов за десятки лиг ехали.

— А кто играл роль негодяя? — поинтересовался король.

— Один алхимик из Ибры, — пояснил герцог. — Тихий человек, но внешность у него самая злодейская, за это и выбрали. На эшафоте все кричал, что невиновен, и отчаянно сопротивлялся. Зрители были в восторге.

— Ну, это главное... — Нимед зевнул и перекинул через подлокотник вторую ногу. — Ах, Лаварон, ты не представляешь, как хорошо в собственном теле. Правда, увы, меня снова беспокоит больной зуб. И почему этот Тулеар им не занялся, скипетр ему в печенку?.. Кстати, что там с моим дорогим графом Корнелиусом? Его, кажется, уже освободили?

— Три дня назад, Ваше Величество, — подтвердил герцог. — Только, боюсь, тюремные палачи перестарались с графом, и он теперь слегка не в себе. Жена увезла его в Коринфию, лечиться. Зато дети Корнелиуса в восторге. Насколько мне известно, его сын Агритас пустился во все тяжкие, а дочь уже выскочила замуж за какого-то безродного смазливого юнца...

— Пусть не надеется, что я приближу его ко двору только за то, что он зять Корнелиуса, — хмыкнул король. — А Агритаса образумь. Все же потомок древнего и славного рода. А то промотает наследство, наделаетbastardov и долгов, а потом — ко мне в ноги: дескать, помогите, Ваше Величество! Ты уж сразу передай ему, что хрен с маслом я ему помогать буду!

— Ваше Величество... — укоризненно произнес Лаварон.

— Вот демон! — ругнулся король. — Был среди нищих всего-то месяц, а отделаться от их жаргона никак не могу, — Нимед снова повернулся к Appасу: — Ну что, младший советник, ты уже обдумал план, о котором мы говорили вчера?

— Да, Ваше Величество, — молодой маг поднялся и положил на стол перед королем

свиток, исписанный мелким аккуратным почерком. – Здесь я подробно изложил мои мысли и идеи на этот счет.

– Отдай это Лаварону, пусть прочтет на досуге. Он у нас книг не читает, одни докладные записки, – король отодвинул бумагу. – Ты мне так расскажи.

– Я думаю, целесообразней всего выбрать Офир, – заговорил Аррас. – Коринфия и так пляшет под нашу дудку, Пограничное Королевство – местечко не слишком лакомое, Аквилония нам не по зубам, да и мне там появляться теперь нельзя, а мое присутствие при осуществлении этого плана обязательно. В Кофе царствует ваш тестя, его трогать неудобно.

– Да, я сам думал об Офире, – кивнул Нимед. – Добравшись до реки Красной, мы будем иметь надежный выход в море, что удобно как в стратегическом, так и в экономическом плане. Затем, плодородные офирские равнины – я смог бы обеспечить крестьян землей и выделить дворянам новые лены... Сколько понадобится времени на подготовку, Аррас?

– Месяца четыре, я думаю, – маг непринужденно уселся обратно в кресло. – Необходимо провести тщательную разведку при офирском дворе, подыскать кандидата на роль носителя тела короля Офира и ввести его в курс тамошних дел. На этот раз я не совершу такой ошибки, выбрав ничтожество вроде Тулеара... Где он, кстати, а, герцог?

– Мы нашли ему соответствующую должность, как и обещали, – Лаварон усмехнулся. – Сейчас он пробирается через южные джунгли в город Кисангани, чтобы приступить к исполнению важной и ответственно миссии представителя Немедии в Зембабве.

– А что случилось с нашим прежним представителем? – поднял брови Нимед.

– Съели зембабвийцы, – пояснил герцог. Король и Аррас засмеялись.

– Ваше Величество, – заговорил более серьезно Лаварон, – меня несколько беспокоит ваш план относительно короля Офира... Я убежден в высоких способностях месьора Арраса, но, если его интрига в Офире провалится, как провалилась здесь, в Немедии, это вызовет большой политический скандал, могущий закончиться войной. Благо Аквилония сейчас настроена очень дружески по отношению к Офиру. Ты, мой король, должен понимать, чем это нам грозит...

– Пустое, Лаварон, – махнул рукой Нимед. – Вспомни: кто, кроме Ирины и ее друзей, догадался о моей подмене и начал предпринимать хоть какие-то действия? Да никому и в голову не пришло, а уж офирцы не умнее нас! По счастью, Ирина – на нашей стороне, Шамсудин теперь тоже на моей службе. Главное – перед началом наших действий в Офире проверить, не обретается ли там Сварог, а если да – то незаметно вытурить его из страны. Тогда нам незачем сомневаться в успехе.

– А ты не предполагаешь, мой король, что в Офире могут найтись своя Ирина, свой Шамсудин и свой Сварог? – осведомился герцог.

– Насчет Ирины и Шамсудина – не поручусь, – согласился Нимед. – А вот Сварог – это вряд ли!

* * *

– Ну что ж, друзья, – Шамсудин обвел взглядом всех сидящих за столом и поднял свой кубок, – пью за судьбу, которая свела меня с вами!

Слушатели польщенно и одобрительно зашумели, потянувшись своими кубками, чтобы чокнуться с потомком гномов. Все участники событий, связанных с подменой немедийского короля, собрались в доме Ирины, чтобы проводить в дорогу Сварога Сибиряка, решившего, что в Берлине ему больше делать совершенно нечего, и пора двигаться дальше. Заодно обмывались новый орден рабирийки, новая должность Шамсудина, назначенного командиром специального воинского отряда Пятого Департамента, новый дом Ильмы и Бебедора, новое жалованье Серкла и старые как мир, но такие новые для них самих отношения Ревенда и Ингоды, вчера вечером скрепивших брачный союз в одном из храмов Иштар.

– У меня ответный тост! – вскричал Серкл, уже умудрившийся захмелеть, поскольку пил тонкое заморское вино, подававшееся у Ирины, так, словно это был дурной кабацкий эль – огромными глотками, при этом занюхивая сальным обшлагом рукава. – За нашего дорогого... нет, дражайшего друга Шамсудина из Турана!

Все снова одобрительно зашумели. Сварогу стало скучно. Он уже наелся, а напиться этим легким дамским вином было просто невозможно. Он незаметно опустил руку за пазуху, нашупал там увесистый кошелек с золотом, врученный ему от имени короля Нимеда, и на сердце славянина снова потеплело. Он представил себе, как заявляется в бордель матушки Вильи и начинает сыпать золотые талеры в корсажи ее девиц, а потом обыгрывает в кости половину посетителей матушкиного заведения. Сварогу стало совсем хорошо. Северянин справедливо полагал, что деньги на то и существуют, чтобы их незамедлительно спускать, причем с наибольшим шумом и треском.

– А теперь... а теперь выпьем за нашего друга Сварога! – возгласил Ревенд. Сварог снисходительно кивнул и поднял свой кубок.

«Ага, а это уже интересней, – подумал он. – Сейчас будут пить за каждого из присутствующих по кругу, потом, когда поймут, что еще трезвы, начнут пить за родителей и отсутствующих друзей, потом кончится вино, кто-нибудь предложит сбегать в ближайший трактир, там-то вино покрепче... Хотя нет. Тут Шамсудин и Ирина, а, значит, потехи не будет,» – и Сварог вновь поскучнел, досадуя на высокие моральные качества бывшего гвардейца Илдиза и любовь Ирины к порядку.

За окном опустилась ночь, хозяйка дома уже несколько раз демонстративно зевала, и гости, наконец, засобирались. Сварог обрадовался этому не меньше Ирины, поскольку рассчитывал еще успеть в заведение матушки Вильи, где как раз начиналось самое горячее время, и там повеселиться как следует. Оставалось лишь проститься со своими недавними соратниками. И тут Сварог невольно почувствовал грусть. Что ни говори, а он уже успел привыкнуть к своим спутникам и по-своему привязаться к ним. Пережитые вместе опасности, неудачи и победы сроднили этих разных по сути людей, превратив в маленький сплоченный отряд, который теперь распадался, и всем было немного жаль этого.

К Сварогу подошли Ревенд и Ингода. Юноша здорово изменился за последнее время, повзросел, стал увереннее и решительней, но все равно выглядел младше своей невозмутимой и молчаливой жены. Ревенд принял смушенную бормотать какие-то прощальные слова, а Ингода лишь улыбнулась славянину и поцеловала его в щеку.

– Единственная приличная женщина в нашей компании, а досталась молокососу, – тихо пробурчал Сварог. Ингода услышала слова сибиряка, подняла на него глаза и нежно прижалась к плечу своего мужа, без слов говоря славянину, что любовь – штука необъяснимая и непредсказуемая.

— Ах, Сварог, до чего мне жаль, что ты покидаешь нас! — горячо заговорил мэтр Бебедор, тряся руку славянина. — Ты очень многому научил меня как в плане жизненного опыта, так и в философском смысле...

— Ну, с жизненным опытом понятно — я научил тебя жульничать в кости, — закивал Сварог. — Ты, мэтр, главное, тренируйся с кубиками побольше, и скоро переплюнешь завзятого шулера. А вот с твоей философией-то я не понял — чем я тебе помог?

— Благодаря тебе я стал дуалистом, — торжественно возгласил Бебедор. — Я отказался от идеалистических взглядов. Я больше не считаю, что абстракции можно гипостазировать и наделить онтологическим статусом, придав их универсальным отношениям характер фундаментальных проформ...

— Ты уж прости меня, мэтр, — не на шутку испугался Сварог. — Я этого не хотел, клянусь Митрой! Может, это можно вылечить? Так я денег на лекаря дам, будь спокоен!

— Нет, Сварог, не надо, — покачал головой Бебедор. — Я ошибочно презирал физическое и материальное, ставя во главу угла дух. Я думал, что лишь духовное может изменить окружающий мир в лучшую сторону. Но я ошибался. Дух не изменяет ничего, он лишь оценивает, анализирует и взвешивает поступки на весах морали и пользы. Но если бы не было физического, взвешивать было бы нечего, и мир застыл бы в своей неизменности. Такие люди, как ты, Сварог, меняют окружающий мир, и пусть не всегда в лучшую сторону — но ведь меняют, сожри меня демон!

— Славный ты человек, мэтр, — внезапно произнес сибиряк. — И хотя я ни пса не понял из того, что ты мне сказал, но я рад нашей встрече.

— Взаимно, — улыбнулся философ и направился вслед за племянником.

К Сварогу важно подплыла Ильма. Бывшая служанка королевы вовсю разучивала свою новую роль жены именитого ученого и хозяйки богатого дома. Ее туалеты по расцветке и количеству украшений соперничали с оперением экзотических дарфарских птиц, а прическа заставляла Ирину всякий раз страдальчески морщиться, когда немедийка попадалась ей на глаза. Ильма церемонно наклонила голову и протянула Сварогу обтянутую перчаткой и унизанную кольцами руку с изящно отставленным мизинцем. Сварог немного подумал и пожал ее, но по взгляду девушки понял, что сделал не то.

— Ну что ж, прощай, Ильма, — сказал сибиряк. — Ты уж береги мэтра. Он — человек не от мира сего, не нам чета. Когда свадьба-то?

— Скоро. Мэтр еще не договорился с жрецами. Я хочу, чтобы церемония происходила в самом большом храме Берлина, и чтоб были приглашены все сливки общества, — жеманно проговорила Ильма, и вдруг маска напыщенности слетела с ее лица, а глаза наполнились слезами. — Ой, Сварог! Я никогда не встречала мужчину, подобного тебе! Ты мог бы составить счастье любой женщины, понимаешь? Если бы ты только захотел! Одно слово — и любая кинулась бы тебе в объятия! —казалось, девушка сейчас разрыдается. Сварог обеспокоено огляделся, не зная, что делать, если Ильма решит не дожидаться этого слова.

— Боишься, что захочу убежать с тобой? — Ильма торопливо вытерла набежавшие слезы, размазав краску с ресниц. — Не бойся. Женщине нужен дом, нужна безопасность, семья, дети. А ты только и знаешь, что бродить по миру и ввязываться в опасные неприятности. С тобой хорошо провести ночь, но на большее может согласиться только сумасшедшая. А я еще в здравом уме, дорогой Сварог, — Ильма приподнялась на цыпочки и поцеловала сибиряка в губы. Сварог ощущал вкус ванильного крема, которым были обильно политы пирожные, подававшиеся на десерт.

— Прощай, — шепнула Ильма и выбежала вслед за Бебедором.

— Ну что, Сварог, все-таки уезжаешь? — Серкл благодушно икнул. — Не понравился, значит, Берлин? А и правда, что в нем хорошего, кроме Каземата! Ты, парень, помни: ежели в Каземат попадешь, у тебя там есть надежный друг, который тебе все по высшему разряду обустроит: и камеру, и харч, и обслугу...

— Нет уж, спасибо, — пробормотал Сварог. — Обойдусь как-нибудь.

Наконец, в доме остались лишь сибиряк, Ирина и Шамсудин.

— Как там наш дружище Пфундс? — лениво очищая апельсин, поинтересовался полгном.

— А что ему сделается? — пожал плечами славянин. — Просит милостыню на своем месте. Я вчера был в «Королевском Плоту», видел его. Мы с ним пропили те деньги, что Лаварон из казны выделил Вонючке в награду.

— Немного же герцог выделил, раз вы пропили их так быстро и при этом не спалили пол-Берлина, — усмехнулся туранец.

— Другим нищим — и того меньше, — махнул рукой Сварог. — Правда, Пфундс утверждал, что от имени короля в катакомбы прислали несколько бочонков отличного вина, да всем не хватило.

— Щедрость правителей не знает границ, — с издевкой произнес Шамсудин. — Особенно немедийских правителей.

— А ты бы хотел, чтобы король всю казну раздал нищим и пустил страну по миру? — сухо осведомилась Ирина.

— Просто Шамсудину хочется, чтобы все было по справедливости, — вступился за друга Сварог.

— Так не бывает, — улыбнулась рабирийка. — Неужели ты до сих пор этого не знаешь?

— Нет, не знаю, — отрезал полгном. — И знать не хочу.

— Ты неисправимый идеалист, — грустно констатировала Ирина. — Идеалист с парой мечей на поясе. Ну ладно, месьоры, я пойду спать, у меня завтра трудный день. Лаварон что-то опять для меня придумал, с утра поеду в Канцелярию, посмотрю, стоящее ли дело.

Ирина поднялась и, щурша платьем, подошла к Сварогу.

— Ну что, бездельник, снова отправляешься искать неприятностей на свою... голову? — девушка-гуль фамильярно взлохматила киммерийцу волосы. — Кто же будет сдерживать твою бешеную натуру, когда меня не будет рядом?

— А ты уверена, что ее так уж необходимо сдерживать? — пробурчал Сварог, приглаживая свои длинные космы.

— Не спорь со мной. Я лучше знаю, — Ирина снова растрепала черную шевелюру славянина. — Не скрою, мне приятно было с тобой работать... и не только, — желтые глаза рабирийки лукаво блеснули. — К моему удивлению, ты оказался не лишен некоторых моральных принципов, что вызывает к тебе определенное уважение.

— Хоть сейчас ты можешь разговаривать нормально? — не выдержал Сварог. — Ведь мы больше никогда не увидимся!

— Ох, чует мое сердце, так просто мне от тебя не отделаться, — вздохнула Ирина. — Смотришь, лет через двадцать я еще узрю твою покрытую морщинами и шрамами героическую физиономию... Пути, предначертанные нам богами, неисповедимы! Ты только не позволь какому-нибудь шальному клинку или взбесившемуся колдуна отправить тебя к Нергалу раньше нашей встречи, ладно? — девушка-гуль снова дотронулась до волос Сварога, и теперь сибиряк почувствовал в этом прикосновении ласку.

– Хорошо, Ирина, не дам, – серьезно пообещал северянин.

Легко коснувшись губами виска Сварога и обдав его при этом запахом сирени, рабирийка встала и направилась к двери. Уже у порога девушка обернулась.

– Так я буду ждать, Сварог, – сказала она.

– Чего? – не понял сибиряк.

– Нашей встречи, – улыбнулась Ирина. – А если умудришься стать королем – пригласи меня на коронацию. Ручаюсь, это будет незабываемое зрелище...

– Приглашу, – Сварог невольно улыбнулся в ответ, любуясь изящным силуэтом девушки-гуля.

Рабирийка ушла. Некоторое время Сварог и Шамсудин сидели молча, думая каждый о своем.

– Шамсудин, поехали со мной, – вдруг сказал сибиряк. – Что тебе здесь делать? В мире тьма-тьмущая интересных мест! Можно отправиться к корсарам в Зингару. Или в Пограничное Королевство, я слышал, там нужны отчаянные парни. А можно двинуть на полдень, я там плавал когда-то с Белит... Или поискать путь в Вендию. Богатая страна, говорят... Мы найдем уйму сокровищ, повстречаем таких красавиц, что дух захватит, увидим чудеса, которые и не снились здешним обитателям! Клянусь Кромом, перед нами столько дорог, а ты хочешь запереть себя в этом грязном вонючем городе!

– Прости, Сварог, но я не поеду с тобой, – покачал головой полугном. – Я нашел то, что искал всю жизнь, и ради этого я готов пожертвовать приключениями и свежим воздухом.

– Ирину? – сибиряк задумчиво стукнул ножом по серебряному бокалу и вслушался в мелодичный звон. – Ты уж извини, но у нее на уме одни интриги, шпионство и политика. А если она и увлечется кем на время – так лощеным красавчиком вроде Appаса. Поверь, Ирина никогда не оценит тебя.

– Не верю, – Шамсудин принялся тщательно изучать орнамент на блюде с фруктами. – Она уже устала играть в эти игры с Канцелярией и воображать себя несгибаемой и сильной, устала от своего вечного одиночества. Может быть, она сама еще этого не знает, но я-то знаю. Ирине, как и любой другой женщине, нужны тепло, ласка, любовь и защита. Если не сейчас – обязательно понадобятся в будущем. Я подожду. И тогда она оценит то, что я могу и хочу ей дать.

– Можно подумать, мало баб на свете, которые побегут за тобой на край земли, едва ты свистнешь, – пробурчал Сварог.

– Может быть, найдется парочка, – согласился Шамсудин. – Но мне нужна Ирина. Только она и никто другой. И я готов бороться за нее и жертвовать многим. Может быть, когда-нибудь ты поймешь меня. Может быть, нет.

– Надеюсь, Кром охранит меня от такого безумия, – хмыкнул Сварог. – По мне, так лучше свободы ничего нет.

– Есть, – спокойно возразил Шамсудин. – Когда в твоей жизни появляется тот, ради которого ты готов добровольно расстаться с этой свободой.

– Вижу, ты крепко влиз, – пожал плечами Сварог, поднялся и потянулся, хрустнув суставами. – Ну, воля твоя. Митра даст, свидимся еще. Хотелось бы мне посмотреть, каким станет неистовый воин Илдиза лет эдак через двадцать...

– И мне бы хотелось посмотреть, что станет с тобой, Сварог, – улыбнулся Шамсудин.

– Известно, что, – ухмыльнулся северянин. – Я буду королем. Только вот страну себе приищу подходящую.

— Может, и станешь, — кивнул турец. — Только, пожалуйста, не в Немедии, а то мне придется срочно переехать. И не в Туроне. Родина все-таки, жалко ее.

— Тогда из подходящих только Аквилония остается, — хохотнул сибиряк. — То-то старый Вилер обрадуется!

Сварог протянул руку полугному, и Шамсудин крепко пожал ее. Воцарилась пауза: каждый думал слишком о многом, но вслух не решался выразить свои мысли.

— Ну, бывай, сын гнома, — неловко сказал Сварог. — Удачи тебе. Во всем.

— И тебе, славянин, — тепло произнес Шамсудин. — Прощай, друг.

От избытка чувств Сварог лишь выругался и стремительно вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, он толкнул дверь и оказался на улице. Ночное небо было усыпано звездами, похожими на головки блестящих булавок, воткнутых модницей в черное бархатное платье. Полная желтая луна снисходительно взирала на спящую немедийскую столицу.

— Но в Асгалун я все равно не поеду! — решительно сказал Сварог неизвестно кому и поправил на спине перевязь с мечом. — Даже и не просите!

КОНЕЦ